Эд Макбейн. Восемь черных лошадей

Ed McBain. Eight black horses, 1985.

От переводчика

Детективный роман основоположника жанра "полицейский детектив" Эда МакБейна (Эвана Хантера) "Восемь черных лошадей" (*Eight Black Horses* , 1985) идет под номером 41-м в известном для любителей детективов цикле "87-й полицейский участок". Кроме того, роман является четвертым (из шести) во внутреннем цикле, где фигурирует гениальный преступник по кличке "Глухой". Данный преступник по мнению критиков у Эда МакБейна играет роль конандойлевского профессора Мориарти. Обнажая проблемы работы американской полицейской машины, раз за разом Глухой планирует свои преступления, основываясь на арифметических расчетах вероятности, но в каждом новом деле всё, как правило, решает случай…

Роман никогда ранее не переводился на русский язык и наверное будет интересен как ценителям творчества Эда МакБейна, так и просто любителям мрачного детектива.

Сергей Ив Костенко

Глава 1

Леди была необычайно голой. То есть, она выглядела необычайно голой, из-за того, что была слишком белой. Впрочем, не существует никаких степеней оголенности: Вы либо одеты, либо раздеты. Леди определенно была раздета, но все детективы, сгрудившиеся вокруг неё, сходились во мнении, что выглядела она более голой, чем кто-либо из увиденных ними за все их вместе взятые жизни.

– Это потому что, она слишком белая, – сказал Моноган.

– Похожа на альбиноса, – добавил Монро.

Моноган и Монро работали детективами в Отделе Убийств. Их вызвали сразу же как выяснили, что леди, лежащая на пожухлых листьях у парковой дорожки, несомненно мертва. Не велико было открытие определить, что она мертва. Пеший патрульный понял это моментально, как только увидел дыру от пули в основании её черепа. Связавшись по рации с дежурным сержантом 87-го участка, он так и сказал: "Сержант, у меня здесь в парке труп женщины".

Карелла и Браун тоже знали, что леди мертва. Именно поэтому они позвонили обратно в участок и попросили сержанта Мёрчисона связаться с Отделом Убийств.

Люди были без пальто. После недавнего дождя октябрьская погода смягчилась настолько, что позволила носить шорты и сандалии, которые и были на большинстве любопытных зевак, собравшихся за знаками и ограждениями с надписью «Место Преступления». В отличие от них всех, Моноган и Монро были одеты в черные костюмы, белые рубашки, голубые галстуки и серые фетровые шляпы. Выглядели они, как два коренастых гробовщика, ожидающие снаружи похоронного зала появления скорбящих родственников.

Артур Браун был одет в желто-коричневый костюм из легкой ткани. Стив Карелла был в голубых слаксах и синей спортивной рубашке с подвернутыми манжетами. Они оба могли показаться обычными гражданами, парой женатых мужчин (они действительно были женаты), вышедших погулять в парк чудесным вторничным утром, чтобы вдали от жен и детей обсудить футбольные баталии. Тем не менее, собравшаяся толпа знала, что Браун – коп, потому как выглядел он сурово. Нахмурив брови, он уставился вниз на тело, лежащее на листьях.

Когда он проснулся этим утром, температура была 68 градусов по Фаренгейту или 20 градусов по Цельсию (как эти чертовы синоптики настойчиво добавляют), поэтому Браун надел легкий желто-коричневый костюм. Этот костюм делал его слишком коричневым, коим он и был на самом деле. Ему не нравилось воспринимать себя как черного, которым, согласно нынешней классификации, он также являлся. Он не знал ни одного черного, кто был бы действительно черным. Черный – это отсутствие цвета, не так ли? Он всегда считал себя "цветным" до тех пор, пока не стало практически обязательным для черного считать себя черным. Если вы не считаете себя черным, вы – предатель своей расы. Черная сила. Черт побери, то, что было у Брауна, являлось коричневой силой – все его шесть футов четыре дюйма и двести двадцать фунтов.

Толпа раскусила в нем полицейского, потому что никто не выглядел бы так сурово, стоя с группой полицейских и не имея наручников, как тот, кто сам должен быть полицейским. К тому же, на кармане его костюма красовалась маленькая пластиковая карта – удостоверение личности.

Люди в толпе, чья память все еще хранила игры Мировой Серии (ежегодного чемпионата по бейсболу в США) считали, что Карелла похож на бейсболиста. На эти размышления наталкивали его атлетическая стойка и длинное стройное тело. Они также считали, что он похож на китайца, из-за того, что его карие глаза были слегка скошены вниз. Или, все же, он был японцем? Они мучились в догадках, ведь в Америке было очень много белых китайских бейсболистов, но в конце концов они пришли к выводу, что он тоже коп.

Ключом же к этой разгадке стало пластиковое удостоверение личности, приколотое к карману его рубашки, точно такое же, как у сурового черного парня. У обоих на бедре была кобура с пистолетом – вот еще одна подсказка для опознания. Впрочем в этом городе, как в старые времена Дикого Запада, иногда на улице легко можно было встретить и дешевое ворье, бегущее с пистолетами наголо.

Карелле и Брауну нравилось работать в связке. Они считали, что это отлично действует на плохих парней. Плохие парни бросали взгляд на Кареллу и понимали, что этот просто слабачок, и держать ухо востро нужно с тем крутым нигером. Когда бы они не работали в связке, Карелла и Браун до конца играли роли Мутта и Джефа (хорошего и плохого полицейского). Карелла изображал из себя Мистера Клина (рекламный персонаж компании "Проктер энд Гэмбл", известный у нас как "Мистер Пропер"): "Ей-богу, Арти, мне кажется, этот милый молодой человек даже не знает, что такое марихуана!" Браун играл роль Большого Плохиша Лероя (некогда популярный в США рестлер), рожденного в гетто на мусорном баке, попробовавшего дурь в 6 лет, отсидевшего в Каслвью а затем просветлевшего, и ставшего копом в наказание за прошлую грешную жизнь. Сурового, не смотря ни на что, все еще сурового, как промежность уличной шлюхи. "Ты, мелкий ублюдок, я замочу тебя прямо здесь, заруби себе на носу! Не трогай меня, Стив, я сброшу с крыши это чувака!". Суровый, о да, реальной крутой! Большой Плохиш Лерой. Всегда срабатывало просто замечательно.

Небо над головой было голубым, как глаза новорожденного. Листья на деревьях, устилающие дорожку, были желтого, коричневого, красного и оранжевого цвета. Листья под мертвой леди были желтые и красные. Красные – из-за раны в основание её черепа.

"Что за город, – сказал Монро, – можно притащить мертвую в парк, с дырой от пули в голове, в чем мать родила, и никто даже глазом не моргнет".

Карелла смотрел вниз на безжизненное белое тело, лежащее на окровавленных листьях. "Они всегда выглядят угловатыми", – подумалось ему. Мысль промелькнула вместе со вспышкой боли в его глазах. Оставаясь наедине по многим различным поводам, он садился и задумывался над тем, почему геометрия смерти оставляет одни углы.

"Давайте перевернем её, – предложил Моноган. – Видите, у нее какое-то удостоверение, приколото к груди".

Он знал, что они не могут перевернуть её до прибытия медицинского эксперта. Ему просто нравилось доставать детективов из 87-го. Это была одна из его маленьких радостей

жизни. Полицейские из этого отряда здесь воспринимают все слишком серьезно. Во Вселенной Моногана труп был трупом и точка. Одетый, голый, зарезанный, застреленный, задушенный, сожженный, разрубленный, да какой угодно, – он все равно оставался трупом, а труп подразумевал бумажную волокиту. Тем не менее, в этом городе для копов из Отдела Убийств появление на месте преступления было обязательным. Официально дело принадлежало детективам, получившим вызов, но Отдел Убийств, как ворчливый водитель на заднем сиденье, постоянно следил через их плечи и требовал отчета о продвижении на каждом повороте дороги.

"Что ты говоришь?" – спросил Моноган, сомневаясь, что Карелла услышал его. – "Мы перевернем её и поглядим, как она выглядит спереди".

Карелла не потрудился ему ответить. Его глаза осматривали листья в поисках следа от пули или стреляной гильзы.

– Сколько ей лет, как ты думаешь? – спросил Монро. – Если судить по её заднице?

– Тогда это – двадцатисемилетняя задница, – ответил Моноган.

– У нее красивая родинка на правой "щёчке", – сказал Монро.

– Да, задница у неё что надо, – сказал Моноган.

– У меня был один случай, – сказал Монро, – парень умер от разбитой бутылки, запихнутой ему в зад.

– О да, я помню этот случай, – ответил Моноган.

– Умер от кровопотери, – сказал Монро.

– Его дружок это провернул, да?

– Ага, точняк так и было.

Оба пялились на женские ягодицы.

– Двадцать семь лет, ставлю два к одному, – сказал Моноган.

– Ноги тоже выглядят на двадцать семь, – добавил Монро.

Браун посмотрел в небо, где не пробегало ни облачка, и сделал большой глоток свежего воздуха.

"Доброе утро, джентльмены", – раздался голос, и все повернулся к парковой дорожке, где появился мужчина лет под шестьдесят, одетый в голубые слаксы, полосатую куртку, розовую рубашку и галстук в горошек. В его правой руке была черная сумка.

– Прекрасный денек, не так ли? – сказал он. – Это то тело?

– Нет, то тело вверху, на деревьях, – сказал Монро.

– Это тело индийца, – сказал Моноган. – Они закинули его на деревья.

Медэксперт посмотрел на кроны деревьев. Листья кружась, падали вокруг них.

"У нас уже было три раздетых трупа на этой неделе", – сказал медэксперт сам себе и наклонился над мертвой женщиной.

– Где ты такое услыхал? – Монро спросил Моногана.

– Услыхал что?

– Что индийцы помещают трупы на деревья.

– Так и есть, – ответил Моноган.

– А Махатма Ганди знает об этом?

– Я говорил о североамериканских индейцах, – сказал Моноган. – Если кто помер, они закидывают его труп на деревья.

– Зачем?

– Хрен их разберёт.

Медэксперт перевернул тело и прислонил стетоскоп к груди мертвой женщины.

– Какие мысли, док? – спросил Монро. – По-вашему она достаточно мертва?

– Тихо, пожалуйста! – ответил медэксперт.

– Он надеется услышать сердцебиение, – сказал Моноган.

Все замолчали. Лишь звук порхания листьев раздавался в залитом солнцем пространстве.

Глаза мертвой были широко раскрыты. Они голубели, как небо над головой. Волосы

были золотыми, как и листья на которых она лежала. На вид ей было около тридцати пяти. Внешне она была привлекательна, если не принимать во внимание зияющую рану в ложбинке шеи. Карелле стало любопытно, была ли она хотя бы раз на солнце. Она казалась слишком белой.

"Ладно, она мертва, – сказал медэксперт, поднимаясь и пряча свой стетоскоп обратно в сумку. – Можете оформлять это как огнестрельное ранение".

"Раз Вы здесь, – сказал Монро, – у меня тут проблемка с горлом, может, взглянете на него?"

*** * ***

Следующее "письмо", так сказать, на самом деле не было письмом. Следующее "сообщение", хотя и сложно назвать его таковым, все же что-то сообщало. Следующий лист свернутой бумаги с, так сказать, "картинками" на нем, уже ожидал их, когда они вернулись в участок. По словам сержанта Мёрчисона, письмо пришло в простом белом конверте без обратного адреса. Почтовая марка поверх штампа указывала на то, что его отправили из города вчера, двадцать четвертого числа. Это факт явно говорил в пользу Департамента Почты. Иногда в этом городе письму требуется целых четыре дня, чтобы переместиться всего на три квартала.

Они не знали, было ли это письмо от Глухого, ведь на нем не было изображения уха. Они знали наверняка, что первое письмо, лист свернутой бумаги, черт побери, пришло от Глухого. Потому что они были опытными сыщиками и, когда их взгляд упал на глухое ухо, все сразу прояснилось. Первое сообщение, они полагали, что это было сообщение, пришло в субботу, 22 октября. Адресовано детективу 87-го участка Стивену Луису Карелле. Выглядело оно так:

Всему отделу сразу стало понятно, что фигурки, скачущие по поверхности листа, это – лошади. Несомненным также являлось то, что было их восемь, они черные и если собрать воедино все перечисленное, получалось просто восемь черных лошадей. Что, конечно же, ничего не означало само по себе. И что, конечно же, в том случае, если письмо прислал Глухой, имело определенный смысл. Все потому, что Глухой имел обыкновение присылать сообщения, которые с виду ничего не означали, до тех пор, пока не подберешь разгадку к вложенному в них смыслу. О Глухом наверняка было известно лишь одно: он всегда играл честно. Они не понимали этого, но с другой стороны они редко понимали алгоритм работы преступного ума, в особенности такого искусного.

Они считали Глухого искусным преступником. И потому он играл честно и присылал сообщения, казавшиеся бессмысленными, но на самом деле, имеющие определенное значение.

Детективы поняли, что это был Глухой по уху, нарисованному с черточкой наискосок. У большинства людей на ушах нет никаких черточек. Согласно международной системе знаков, сигарета с черточкой наискосок означает "не курить". Если большая буква "Р" имеет такую же черточку, это значит "не парковать". Перечеркнутое ухо по логике должно было бы значить "не слушать", но более вероятным казалось "не слышать", что в конечном итоге обозначало глухого человека. И так как это ухо было больше похоже на мужское (конечно, если оно не принадлежало женщине-борцу), детективы заключили, что картинка с перечеркнутым ухом обозначала ГЛУХОГО. Это обескураживало. Не хотелось верить, что Глухой вернулся.

Они прикрепили сообщение о Глухом на доску объявлений и надеялись, что все само по себе пройдет. Но теперь был вторник, 25 октября и ничего само по себе не прошло. Вместо этого, появился второй конверт, адресованный лично Карелле. При вскрытии в конверте обнаружился еще один свернутый лист белой бумаги. Карелла развернул его. Посмотрел. В этот раз не было никакого перечеркнутого уха. Вместо этого там было

следующее:

Майер Майер смотрел через плечо Кареллы. Он был одет в легкую рубашку-поло с коротким рукавом, на которой красовался крокодильчик в том месте, где обычно располагается карман. В наши дни на большинстве рубашек-поло уже нет карманов. Майер не обращал на это внимание, особенно сейчас, когда он наконец-то бросил курить. Рубашка была немного темнее цвета его глаз. Брюки были из кремового цвета полиэстера, бледного, как его лысая башка. Утром его жена, Сара сказала, что надев на работу летнюю одежду в конце октября, он выглядит несуразно. На что Майер ответил, что, не смотря на то, что в голове его октябрь, все остальное находиться всё ещё в июне. Саре показалось, что эта ремарка имела сексуальный подтекст.

– Снова от него? – спросил Майер.

– Не знаю, – ответил Карелла.

– Как бы там ни было, что же это такое? – спросил Майер.

– Радиоприемники, наверное, – предположил Карелла.

– Больше похоже на рации, – сказал Браун.

– Пять раций, – произнес Карелла.

– Но без уха.

– Да, уха нет.

– Может, это и не от него, – сказал Карелла.

– Твои бы слова да Богу прямо в уши, – сказал Майер.

– Пять раций, – произнес Браун и покачал головой.

– Он задает нам задачки по арифметике, – сказал Майер. – Восемь, пять…

– Он просто задрачивает нас, – сказал Браун. – Восемь черных лошадей, пять раций – между ними вообще нет ничего общего.

* * *

Проблема с голыми трупами заключается в том, что на них нет одежды.

Одежда содействует опознанию. Одежда также помогает определить, кем был преступник или преступники. Волосы цепляются к одежде. Крошки хлеба, железные опилки, стружка, пудра, порох, все виды аппетитных кусочков информации цепляются к одежде, немного облегчая жизнь лаборанта-криминалиста. К мертвому телу ничего особо не цепляется. Если не было изнасилования, когда часто находят в промежности жертвы лобковые волосы или сперму во влагалище. Согласно предварительному отчету офиса медицинского эксперта, леди, обнаруженная в парке, не была изнасилована ни до, ни после смерти, что довольно необычно для этого цивилизованного города. Она была убита выстрелом в затылок, по-гангстерски.

Одна единственная пуля сделала свою работу, но на месте совершения преступления ни стреляные гильзы, ни пули не были обнаружены. Автоматическое оружие выбрасывает гильзы после выстрела. Револьвер оставляет стреляные гильзы в барабане. Но независимо от типа ручного оружия, из которого леди была застрелена в Гровер-Парке, где-нибудь поблизости должна была остаться пуля. Об этом свидетельствовала рана от выходного отверстия на её шее. Но пулю не смогли найти. Это указывало на то, что леди застрелили где-то в другом месте, а потом просто перевезли в парк.

Люди верят в миф, что Отдел Опознаний любого отделения полиции мегаполиса может мгновенно идентифицировать кого угодно, просто сверив его отпечатки пальцев с отпечатками в базе архивных данных. База архивных данных в этом городе поделена на два отдела. Самый большой из них занимает целый этаж здания Главного Управления в центре города. Он, в свою очередь, подразделен еще на два отдела. Первый следит за актуальностью записей по лицам, совершившим или осужденным за уголовное преступление любой тяжести. Второй отдел хранит неопознанные отпечатки пальцев, найденные на месте

преступления. Весь этот отдел именуется Уголовный Отдел Отдела Опознания. Архив из этого отдела, отведенный известным преступникам, назывался "Архив-А", а картотека с неопознанными отпечатками – "Архив-Б".

Проверка "Архива-А" не выявила уголовных записей по леди, обнаруженной мертвой в парке.

Проверка "Архива-Б" тоже не выявила никаких совпадений. Это значило только то, что она никогда не привлекалась к ответственности за совершенное ею преступление и никогда не оставляла отпечатков на месте преступления.

Второй архив в Отделе Опознания содержал отпечатки пальцев лиц, занятых в обширной системе правоохранительных органов, любого кто, например, работал начальником охраны тюрьмы, и любого, кому выдавалось разрешение на владение или ношение оружия.

Так все обстояло.

На муниципальном уровне.

Но Соединенные Штаты это – большая, очень большая страна, к тому же это – свободная страна, а это значит, что любой человек, даже тот, кто намеревается совершить уголовное преступление, может легко укатить из одного города или штата в другой без удостоверения личности или, с вашего позволения, может даже сбежать от местного военкома. Это самое приятное, что касается жизни при демократии. И в тоже время это – постоянная головная боль для сотрудников правоохранительных органов.

Город, на который работал Карелла, был самым большим в штате, но картотеки отпечатков в Отделе Опознания его полицейского участка кропотливо сравнивались с теми, что были в хранилище штата, расположенного в добрых ста пятидесяти милях к северу от города. Когда в Отделе Опознаний Айсолы на Джейн Доу ничего не нашли, автоматический запрос был отправлен за город. Отпечатки, снятые с трупа были сверены с картотеками штата с идентичным результатом: нет записей.

На этом все могло и закончится, но история, все же, получила продолжение. Сверка с национальными архивами ФБР пришла с негативным ответом: никаких совпадений с Джейн Доу. Она никогда не сдавала отпечатки пальцев для службы в армии или для какой-нибудь работы в Комиссии Ядерного Надзора, подразумевающей секретность.

Карелла знал, что Отдел Опознаний регулярно проводит добровольные сверки со всеми учреждениями, чьи работники обращаются с крупными суммами денег. Отсылал ли какой-нибудь банк отпечатки пальцев Джейн Доу в Отдел Опознаний для сверки с базой картотек? Отдел Опознаний дал ответ, что подобные добровольные сверки проводились на "поиско-возвратной" основе в противоположность основе "поиско-сохранительной". Другими словами, когда был проведен полный или выборочный "поиск-и-возврат", Отдел Опознаний автоматически отсылал образцы отпечатков обратно в финучреждение или другую коммерческую структуру, сделавшую запрос. Они не сохраняли новые отпечатки в своих картотеках. Даже если и кто-то посылал запрос в Отдел Опознаний на сверку отпечатков Джейн Доу совсем не давно или очень давно, то в картотеке об этом не было никаких записей.

Точка. Конец истории. На все про все ушла добрая половина недели.

Однако к тому времени в Отдел по поиску Пропавших Людей и во все полицейские участки города были разосланы фотография и описание Джейн Доу вместе с копией отчета из отдела детективов, собственноручно напечатанного Кареллой в день обнаружения тела.

Утром в среду, 2 ноября, Карелле позвонил детектив Липман из Отдела Пропавших. Липман сообщил, что ему удалось опознать погибшую.

Глава 2

Женщина, опознавшая Джейн Доу, остановилась в некогда элегантном отеле мид-тауна, ныне источающего дух попранного благородства, словно вдовствующая

императрица в ссылке, молящаяся о возвращении на трон. Огромные мраморные колоны заполняли холл, где просиженные диваны стояли на персидских коврах. Регистрационный стол красного дерева с витиеватой гравировкой и позолотой был покрыт следами тушения сигарет. Даже портье, сообщивший номер комнаты мисс Тёрнер, выглядел поблекшим. Его седые волосы были немного светлее серого костюма на нем, черный галстук был траурным под стать его темным глазам. Замысловатое латунное украшение на дверях лифта, напомнило Карелле какую-то сцену из шпионского фильма.

Индж Тёрнер оказалась стройной блондинкой на вид около сорока лет, сложенной, так же, как и ее сестра и с такими же голубыми глазами. На ней был простой голубой костюм поверх белой блузы с традиционным галстуком. На красивых ногах – туфли на небольшом каблуке. На лацкане жакета виднелась золотая булавка в форме птицы. Глаза подведены голубым. Губная помада была розовой.

"Джентльмены", – сказала она. – "Входите, пожалуйста!"

Комната была маленькой, большую часть ее занимала очень широкая кровать. Индж присела на край кровати, скрестив ноги. Детективы заняли кресла с обивкой около заплесневевших штор, свисающих над окном, открытым для звуков движения с авеню шестью этажами ниже. И хотя на дворе было уже 2 ноября, бабье лето по-прежнему продолжалось. Но расплатой придет зима. Придет внезапно и неожиданно, отшвыривая ложные надежды в лицо их хозяев.

– Мисс Тёрнер, – сказал Карелла. – Детектив Липман из Отдела Пропавших рассказал нам…

– Да, – сказала она.

– …что Вы опознали на фотографии в его картотеке…

– Да, – снова сказала она.

– Вашу сестру, Элизабет Тёрнер.

– Верно.

– Мисс Тёрнер, не могли бы Вы взглянуть на эту фотографию еще раз… У меня здесь есть копия.

– А я должна? – сказала она.

– Я знаю, это трудно, – сказал Карелла, – но мы хотим быть уверенными…»

– Понимаю. Дайте её мне.

Карелла вытащил фотографию из желтого конверта. Фотограф трупов постарался – вид убитой был не очень скверный, если не считать выходного отверстия в ложбинке её шеи. Индж мельком взглянула на фотографию и произнесла "Да, это моя сестра". Затем потянулась к сумочке, вытянула из неё сигарету, сказала: "Не возражаете, если я закурю?", и подожгла сигарету, не дожидаясь ответа.

– А её полное имя было Элизабет Тёрнер? – спросил Карелла.

– Да. Точнее Элизабет Энн Тёрнер.

– Подскажите, сколько ей было лет? – спросил Браун.

– Двадцать семь, – ответила Индж.

Оба детектива подумали одновременно, что впервые в их жизни Моноган оказался прав.

– А где она жила, её адрес?

– Здесь или в Калифорнии? – спросила Индж.

– Прошу прощения, что?..

– Когда-то она жила со мной в Калифорнии.

– Но она ведь жила и где-то здесь, разве нет?

– Да. Последние четыре года."

– Какой у нее здесь был адрес?

– Саут Амброз, 804.

– А номер квартиры?

– Сорок семь.

– Вы по-прежнему живете в Калифорнии?
– Да.
– А сюда Вы приехали в гости? Верно?
– Да. Я приехала сюда специально чтобы увидеться со своей сестрой. Мы… стоит ли углубляться в это? – Она посмотрела на детективов. – Наверное все же стоит. – Она вытянула ноги, наклонилась к пепельнице на ночном столике и сбила пепел с сигареты.
– У нас была ссора, – затем сказала она. – Лизи уехала на восток. Я не видела её целых три года. Мне показалось, что пришло время… она ведь была моей сестрой. Я любила её. Я хотела все наладить снова, направить на правильный курс.
– Вы приехали стремясь восстановить отношения? – спросил Браун.
– Да. Именно так.
– Из какого места Калифорнии? – спросил Карелла.
– Из Лос Анджелеса.
– И когда Вы приехали?
– В прошлый четверг.
– Это было…
– Двадцать седьмого числа. Я надеялась… мы так долго не видели друг друга… Я надеялась, убедить её вернуться домой к Рождеству.
– Так Вы приехали сюда, чтобы…
– Поговорить с ней. Уверить её, что прошлое должно оставаться в прошлом. Я считала, у меня была идея… Мне казалось, что если получиться заманить её домой к Рождеству, тогда она, может быть и осталась. В Калифорнии, конечно же. Мы бы… понимаете, начали бы заново с того места, где остановились. Мы были сестрами. Глупый аргумент, наверное…
– Из-за чего вы поссорились? – спросил Браун. – Если, конечно, Вы не против рассказать нам.
– Ну…
Детективы молча ожидали.
– Думаю, она не смогла принять мой образ жизни.
Они продолжали молчать.
– Мы жили совершенно по-разному, понимаете, Лизи работала в банке, я же…
– В банке? – перебил её Карелла.
– Да. Она была кассиром в "Санкоаст Федерел". Она сидела непосредственно за кассой, а не занималась канцелярией, понимаете?
– А какой работой были заняты Вы? – спросил Браун.
– Я – модель, – сказала она.
Она должна была заметить как детективы переглянулись между собой.
– Настоящая модель, – сразу добавила она, – существует масса моделей другого типа.
– И какой работой в модельном бизнесе Вы занимались? – спросил Карелла.
– Дамское белье, – сказала она, – в основном колготки и чулки.
Она потянулась к сумочке, вытащила еще одну сигарету, подожгла её и сказала: "У меня красивые ноги". И снова скрестила их.
– Так Вы говорите, Ваша сестра не одобряла этого?
– Не модельный бизнес сам по себе… хотя я не думаю, что она была слишком счастлива от того, что меня фотографировали в нижнем белье.
– Тогда, что было не так в Вашем образе жизни?
– Я – лесбиянка, – сказала Индж.
Карелла кивнул.
– Это шокирует Вас?
– Нет, – сказал он.
– Мне показалось, что Вы хотели сказать что-то вроде "Ах, какая потеря!" – сказала Индж и улыбнулась.
– Правда? – сказал Карелла и улыбнулся в ответ.

– Так говорит большинство мужчин.

– Ну, – сказал Карелла, – на самом деле мы занимаемся поиском того, кто убил Вашу сестру. Вы считаете, что Ваш, как Вы говорите,"образ жизни" имеет отношение к её убийству?

– Врядли.

– Но Вы ссорились из-за этого.

– Да.

– Из-за чего конкретно?

– Ей были не по душе друзья, которых я приглашала в дом.

– Поэтому она проделал весь это путь на восток…

– Не сразу. Она переехала в квартиру на бульвар Сьенега на какое-то время, пока не нашла работу здесь.

– Она работала здесь? – спросил Браун.

– Да, – ответила Индж.

– Где?

– В каком-то банке.

– В этом городе?

– Да.

– В каком именно банке?

– У меня нет ни малейшего представления. Это всё с её слов. Одна моя подруга когда-то жила в этом городе и случайно столкнулась с моей сестрой…

– Значит ли это, что у Вас не было вестей от неё… я имею в виду, прямо от неё… последние три года? – сказал Карелла.

– Правильно. С той поры как она покинула Калифорнию, нет.

– Но Вы приехали увидеться с ней…

– Да.

– Вы знали, где она жила?

– Её адрес есть в телефонной книге.

– Вы сперва написали ей?

– Нет, я испугалась. Испугалась, что она не захочет меня видеть.

– И Вы просто поехали на восток.

– Да.

Карелла заглянул в свои записи.

– Вы знали номер карты социальной защиты Вашей сестры?

– Сожалею, но нет.

– Банком в котором она работала, Вы говорите, был "Санкоаст Федерел"? Я имею в виду, в Калифорнии.

– Да.

– А банк в котором она работала здесь…

– Я же говорила, я не знаю в каком…

– Да, но когда это было, Вы знали? Когда Вы услышали от своей подруги, что она здесь работает в банке.

– О! Два года назад? Или полтора. Не могу Вам точно назвать время..

– Вам было известно, работала ли она все еще в банке? Непосредственно перед смертью, имеется в виду.

– У меня нет никаких соображений на этот счет.

– Вы не связывались со своей подругой?

– Связывалась. Но теперь она живет в Чикаго.

– Выходит, что последние два или полтора года, не столь важно сколько, Вы реально не знали, чем занималась Ваша сестра?

– Это правда. Мы полностью утратили контакт. Вот почему я приехала сюда

– И Вы прибыли 27 октября, верно? – сказал Карелла.

– Да, в прошлый четверг.

– И сразу зарегистрировались в отеле, так?

– Да.

– Сколько планировали пробыть здесь?

– Сколько было нужно. Увидеться с сестрой, попытаться исправить… попросить её вернуться домой.

– На Рождество.

– Навсегда, – Индж тяжело вздохнула и вновь наклонилась над пепельницей, стряхивая пепел. – Я тосковала за ней. Я любила её.

– Когда Вы приехали, мисс Тёрнер, Вы пытались связаться со своей сестрой?

– Да, конечно же. Я сразу же ей позвонила.

– Это было 27 октября?

– Да. Мой самолет прилетел в шесть, в начале седьмого, и примерно час у меня ушел на дорогу из аэропорта в город. Я позвонила ей, сразу же, войдя в свою комнату.

– И?

– Никто не ответил.

– Вы знали, что она жила одна?

– Да. Точнее, я узнала об этом немного позже. Когда съездила к ней на квартиру.

– Когда это было?

– Спустя два дня. Я постоянно ей названивала, но… знаете… никто не отвечал.

– И Вы заподозрили что-то не ладное, так?

– Я не знала, что думать. В том смысле, что я звонила ей день и ночь напролет. Я вечером поставила будильник на …3 утра, это было в тот вечер, когда я прилетела. И я позвонила ей, и по-прежнему без ответа. На следующий день я поехала к ней на квартиру.

– Это случилось…

– Ну, двадцать девятого числа, я полагаю. В субботу. Я надеялась, что она будет дома в субботу.

– Но её, конечно же, не было.

– Нет. К тому времени… она была мертва. Но тогда я… не знала об этом. Я приехала к её дому, позвонила в дверной звонок, но никто не ответил. Я нашла администратора, сказала ему, кто я такая и спросила, не знает ли он, где может быть моя сестра. Он… ответил, что не видел её уже… уже.. три-четыре недели.

– Как в точности он сказал, мисс Тёрнер? Три недели или четыре?

– Я думаю, он так и сказал. Три или четыре недели.

– И от него Вы узнали, что она жила одна?

– Да.

– Чем Вы потом занимались?

– Мне.. Я считала, что мне следует пойти прямиком в полицию, но, видите ли, я была немного растеряна. Существовала возможность того, что она кого-то встретила и переехала к нему жить. Была такая возможность, – она сделала паузу, – моя сестра не была лесбиянкой, – наконец сказала она и снова потянулась за пачкой сигарет, но передумала закуривать еще одну.

– Когда Вы связались с полицией? – спросил Браун.

– В понедельник утром.

Карелла посмотрел на свой карманный календарик.

– Это было 31 октября.

– Да. На Хэллоуин, – подтвердила Индж. – Мне сказали, что передадут запрос в Отдел Пропавших и дадут знать, когда появится какой-то результат. Я отдала им старое фото, что у меня было… Я по-прежнему носила его в бумажнике … и по всей видимости детектив Липман имел возможность сравнить его с тем, что Вы только что показывали мне. Вчера он позвонил мне. Я подъехала туда и… провела опознание.

В комнате воцарилась тишина.

– Мисс Тёрнер, – сказал Карелла, – мы осознаем, что Вы давно не видели свою сестру…

– Да, – сказала она.

– … и Лос Анджелес далеко отсюда. Но… слышали ли Вы за все эти годы… хоть что-то… от Вашей подруги или других людей… о том, что Ваша сестра обзавелась врагами в этом городе…

– Нет.

– … какие-нибудь угрозы по телефону или в письмах…

– Нет.

– …о связях с уголовниками или…

– Нет.

– …с людьми, косвенно связанными с преступлениями?

– Нет.

– Может она кому-то задолжала денег?

– Я не знаю.

– Она не употребляла наркотики? – спросил Браун.

В наши дни этот вопрос был практически обязательным.

– Нет, на сколько я знаю, – сказала Индж. – Хотя…

Она прервалась на полуслове.

– Что? – спросил Карелла.

– Я все лишь собиралась сказать, что на самом деле было одно, к чему она испытывала неприязнь…

– Что это было, мисс Тёрнер?

– Мы с друзьями время от времени вынюхивали пару-тройку дорожек, – она пожала плечами, – это обычное дело в Лос Анджелесе.

– Но, как Вам известно, Ваша сестра никогда…

– Не в Лос Анджелесе, это точно. Но я не знаю, в какие переделки она могла попасть по приезду сюда, Лос Анджелес – цивилизованный город.

Оба детектива не нашлись, что и ответить.

– Понимаете, – сказала Индж, – все произошедшее просто невероятно. Я имею в виду, что знай Вы хорошо Лизи, вы бы поняли: для неё умереть так, насильственной смертью, будучи кем-то застреленной… это… просто невообразимо. Она была очень спокойным, замкнутым в себе человеком. Мои друзья строили предположения, целовалась ли она когда-нибудь, понимаете, о чем я говорю? И поэтому, когда думаешь …когда разум пытается увязать Лизи, милую, черт побери, невинную Лизи… с оружием, с тем, что кто-то приставлял оружие к её затылку и стрелял в неё… это за… в смысле, разум никак не может провести такую связь, не может совершить подобный квантовый скачок!

Она посмотрела на свои руки. У нее были очень красивые руки, отметил про себя Карелла.

– Детектив Липман сказал… он читал какой-то присланный ему отчет… он сказал, что она стояла на коленях, когда её застрелили. Угол, траектория, черт возьми, указывала на то, что она стояла на коленях перед тем… тем… тем человеком… кто застрелил её, находясь за её спиной. Лизи стояла на коленях.

Она покачала головой.

– Не могу никак поверить в случившееся, – сказала она и полезла в сумочку за еще одной сигаретой.

Когда детективы покинули комнату, она снова курила.

*** * ***

– Его специализация – банки, – сказал Карелла.

– Это как раз то, о чем я думал, – сказал Браун.

Они ехали по городу в направлении центра в квартиру Элизабет Тёрнер и по дороге разговаривали о Глухом.

– Это так, если рассматривать специализацию только двух случаев из трех, – сказал Карелла.

Он вспоминал, как однажды, и только единожды наблюдались попытки Глухого поменять направление деятельности, чтобы скрыть и одновременно показать изощренную схему вымогательства. В остальных случаях были банки. Сообщаешь полиции загодя, но понарошку, что планируешь сделать, помогаешь заглотать наживку, а на самом деле совершаешь нечто иное, но в сущности почти тоже самое – вот что до жути запутывало, когда в поле зрения появлялся Глухой.

Восемь черных лошадей, пять раций и одна белая леди, вероятно не имеющая никакого отношения к Глухому, кроме того факта, что она работала в банке.

– В банках есть служба безопасности, как ты знаешь, – сказал Браун.

– Да, – сказал Карелла.

– И они носят рации, разве не так?

– Я не знаю. А носят ли?

– Полагаю, что да, – сказал Браун. – Думаешь, что где-то в городе может быть банк, в котором пять работников службы безопасности носят рации?

– Не знаю, – сказал Карелла.

– Пять раций, понимаешь? – сказал Браун. – А она работала в банке.

– Единственное, что у нас есть…

– При условии, что есть какая-то связь.

– Которой вероятно может и не быть.

– В этом вся трудность, когда имеешь дело с Глухим, – сказал Карелла.

– Он сводит тебя с ума, – сказал Браун.

– Напомни, какой там был адрес?

– Восемь-ноль-четыре.

– А мы сейчас где?

– Восемь-двадцать.

– Что, прямо перед нами?

– Под зеленым навесом, – сказал Браун.

Карелла припарковал машину у бордюра перед зданием и откинул солнцезащитный козырек на водительской стороне. К козырьку с помощью резинок крепилось объявление. Легко просматриваемое через ветровое стекло, оно информировало не в меру усердного пешего патрульного, что парни, припарковавшие машину на этом месте, находятся на службе. Печать города и слова Айсола П.Д., напечатанные на объявлении, являлись предполагаемой страховкой от парковочного талона. Совсем недавно был задержан кокаиновый делец, укравший такое же объявление из машины двух детективов 81-го участка. В этом городе порой было трудно отличить хороших парней от плохих.

Также было трудно отличить хорошее здание от плохого.

Обычно здание с навесом на фасаде указывало на то, что должен быть привратник или какой-то иной вид охраны. Здесь же не было никого. Они самостоятельно нашли администратора на первом этаже и попросили его открыть дверь в квартиру Элизабет Энн Тёрнер. Поднимаясь вверх на лифте, Браун спросил администратора, жила ли она здесь одна.

– Ага, – был ответ.

– Это точно? – спросил Карелла.

– Ага, – сказал администратор.

– Никакой подружки, что жила с ней вместе?

– Не-а.

– Никакого дружка?

– Не-а.

– Вообще никаких соседей по комнате, так?

– Так.
– Когда Вы видели её последний раз?
– В начале октября, кажись.
– Она уходила или приходила?
– Уходила.
– Одна?
– Одна.
– Несла что-нибудь?
– Только свою сумочку.
– В какое время дня это было?
– Где-то с утра. Я подумал, что она шла на работу.
– И после этого Вы её не видели?
– Не-а. Но я ведь не слежу в течение двадцати четырех часов в сутки, понимаете?

Есть некое ощущение, того, что в квартире кто-то жил.

Даже квартира свежей жертвы убийства может сразу поведать, что в ней кто-то жил.

В квартире Элизабет Тёрнер подобного ощущения не было.

Окна были опущены и закрыты, что было обычным делом для этого города, даже если кто и спускался вниз всего лишь на десятиминутную прогулку. Но воздух был неподвижным и затхлым, явно указывая на то, что окна не открывались уже достаточно давно. Собственно, в конце концов, Элизабет Тёрнер была найдена мертвой и вполне возможно, что прошло довольно много времени, чтобы воздух в квартире успел стать затхлым.

Но и кусок масла в холодильнике стал прогорклым.

И на упаковке порезанного дольками швейцарского сыра успела вырасти плесень.

И молоко скисло. Дата продажи, отпечатанная на верхней части картонной упаковки гласила: "1 октября".

Ни на подставке для сушки, ни в посудомоечной машине не было посуды.

Пепельницы сияли идеальной чистотой.

Квартира не обнаруживала никаких следов проживания, даже если предположить, что живущий в ней был маниакальной чистюлей.

В шкафу в прихожей висело только одно пальто.

Двойная кровать была заправлена.

На комоде напротив кровати стояла обрамленная фотография Элизабет. На ней она выглядела лучше, чем в жизни.

Три верхних ящика комода были пусты.

В среднем ряду ящиков находилась одна блузка.

В нижнем ряду ящиков лежали два свитера и пригоршня шариков от моли.

Один костюм, пара слаксов и лыжная куртка висели в шкафу спальни. На нижней полке шкафа было две пары туфель на высоком каблуке. Нигде в квартире не было ни одного чемодана.

Рулон туалетной бумаги на подставке в ванной почти закончился.

В медицинском шкафчике не было зубной щетки. Не было противозачаточного колпачка. Не было пузырька с противозачаточными пилюлями. Никаких принадлежностей туалетных и прочих, обычно присутствующих в квартире, где действительно живет женщина.

Они вернулись в спальню и осмотрели стол в поиске календаря деловых встреч.

Ничего.

Они искали дневник.

Ничего

Они искали записную книжку.

Ничего.

– И что ты думаешь? – спросил Карелла.
– Похоже, что птичка улетела, – ответил Браун.

* * *

Когда они вернулись назад в полицейский участок, их ожидало еще одно письмо.

Клинг вручил его Карелле и сказал: "Кажется, это снова от твоего друга по переписке".

На лицевой стороне конверта было напечатано имя Кареллы.

Никакого обратного адреса.

Дата отправки на штампе – 1 ноября.

– Может нам следовало бы проверить его на предмет отпечатков пальцев или еще чего-нибудь? – сказал Браун.

– Если оно от Глухого, – сказал Клинг, – мы просто впустую потратим время.

Стоя рядом с Брауном, он выглядел слишком белокурым. Он и был чистым блондином, но Браун делал его еще светлее. И моложе. И больше обычного похожим на фермера из кантри-хитов. Рожденный и выросший в городе, он источал дух невинности, отсутствие хитрости и изощренности, что автоматически наталкивало на мысль, будто он приехал из Канзаса, где бы этот Канзас ни находился. Детективы из 87-го думали, что Канзас был "где-то там".

Клинг выглядел так, словно вырвался из захолустного местечка Америки, где каждый субботний вечер надо пересекать на машине двести миль к ларьку с гамбургерами. Клинг выглядел так, будто до сих пор сидит на заднем сиденье автомобиля. Кареглазый, гладко выбритый, со светлыми волосами, свободно ниспадающими на его лоб, он выглядел деревенским парнем, забредшим в полицейский участок, чтобы спросить, как пройти к ближайшей станции метро. В уловке с Муттом и Джеффом он был очень хорош.

Почти также как любой коп в связке с Брауном автоматически становился Джеффом, любой коп, поставленный в напарники Клингу, естественно превращался в Мутта. Клинг и Браун в паре были, возможно, лучшими в городе в игре про Мутта и Джеффа. По отношению к криминалитету этого города было почти нечестным подсовывать такую команду Мутта и Джеффа. Шансов выиграть не было никаких, ни с Брауном, изображающим плохиша, ни с Клингом в роли доброй души, пытающегося удержать своего партнера от того, чтобы он не разорвал вас на куски. Это исключено.

– Даже так, – сказал Браун.

– Его трогало уже десять тысяч людей, – сказал Клинг, – почтовые служащие, почтальоны…

– Ага, – сказал Браун и пожал плечами.

– Ты будешь его открывать или как? – сказал Клинг.

– Ты открой его, – сказал Карелла и протянул конверт.

– Это не мое дело, – сказал Клинг.

– Это дело каждого, – сказал Карелла.

– Выбрось его, – предложил Клинг, отстраняясь от письма. – У меня "мурашки" по коже от этого парня.

– Я открою его, Христа ради, – сказал Браун и забрал конверт у Кареллы.

Он разорвал клапан. Развернул одинарный лист бумаги, на котором было следующее:

"Хм", – сказал он.

Глава 3

Город, на который работали эти двое людей, был поделен географически на пять отдельных районов.

Центр города, Айсола – остров, из-за того, что слово "Айсола" на итальянском означает "остров". По устоявшемуся обычаю весь город называют "Айсола", даже не смотря на то, что остальные четыре района получили свои собственные и более оригинальные названия.

Риверхед получил свое имя из-за голландцев, но не совсем. Когда-то землей в тех краях владел голландский купец по имени Райерхёрт и её называли "Фермы Райерхёрта", что в конечном итоге сократилось и выродилось до "Риверхеда".

Никто не знал, почему беспорядочный и шумный Калмз Поинт назвали именно так. Возможно однажды, когда здесь еще были британцы, он действительно был тихим, пасторальным местом. В наши дни в некоторых уголках Калмз Поинта ношение золотой цепочки может стоить вам жизни.

Маджеста свое название, безо всякого сомнения, получила от британцев. Имя оглашалось со всей властью, великолепием, размахом и благородством суверенности. Происходило оно от староанглийского слова maieste, от старофранцузского majeste, от латинского m;jest;s, что по сути было длительным топтанием на месте.

Беттаун назвали в честь королевы-девственницы Елизаветы, но без сомнения сделал это шепелявый представитель Британии. Наверняка подразумевалось название Бесстаун.

Айсола была сердцем города.

Некоторые её жители считали Айсолу сердцем целой вселенной. Такое мнение делало весомый вклад в их репутацию невежды. Даже живущие в других районах, с трепетом относились к Айсоле, неизменно называя его Городом, словно сами они жили на отшибе посреди пшеничных полей.

Но ни в одной части города не было пшеничных полей.

Зато банков была чертова тьма.

В Айсоле находилось 856 банков.

В Маджесте было 296 банков.

В Калмз Поинте было 249 банков

В Риверхеде было 127 банков.

А в Беттауне было 56 банков.

Итого получалось 1584 банка, более четверти от общего количества банков в штате. В четверг утром 3 ноября в каждое головное отделение всех банков города из 87-го участка была направлена листовка с запросом информации о жертве убийства, Элизабет Тёрнер, которая могла работать кассиром какое-то время в течение последних трёх лет. Фотография и описание сопровождали листовку, вместе с номером социальной защиты, полученным детективами от "Санкоаст Федерел" из Лос Анджелеса, где Элизабет работала перед тем, как отправилась на восток.

В пятницу утром 4 ноября позвонил управляющий главного отделения "Фёрст Фиделити Траст" с Беверли-стрит в центральной части города.

Не позднее, чем через двадцать минут Карелла и Браун были в его офисе.

* * *

Арнольд Холберри оказался человеком, страдающим от "летней" простуды. Он считал нелепостью заболеть летней простудой, когда за окном 4 ноября.

"Ненавижу эту погоду", – сообщил он детективам и высморкался. За окнами его офиса ноябрь притворялся июнем. "Уже должна была наступить осень", – сказал Холберри. – "Первый осенний день выпал на 21 сентября. Мы уже в последней четверти года», – сказал он. "Зимнее солнцестояние почти на носу. Никто и предположить не мог такой погоды. Такая погода в это время года опасна для человечества". Он снова высморкался.

Это был опрятный мужчина, слегка за пятьдесят, с седеющими висками, седыми усами под носом, который сейчас стал очень красным. Бутылочка с таблетками от простуды стояла на его столе. Также на его столе лежала пачка носовых платков. Он выглядел совершенно несчастным, но сказал детективам, что желает выделить им столько времени, сколько будет необходимо. Он довольно хорошо помнил Элизабет Тёрнер и она ему чрезмерно нравилась.

– Как долго она работала здесь, мистер Холберри? – спросил Браун.

– Почти два года. Раньше она жила в Калифорнии, оттуда пришли превосходные

рекомендации. Что сказать – чудесный человек во всем. Мне было жаль, что она уходит от нас.

– Когда это было? – спросил Карелла.

Он боялся заразиться простудой от Холберри. Не хотелось приносить простуду в дом к детям именно сейчас, когда вот-вот должны были начаться праздничные дни. День Благодарения наступит всего через несколько недель, а там и до Рождества рукой подать. Он и не заметил, как тело его приняло в кресле глухо оборонительную позу. Он сидел, полностью откинувшись назад, скрестив руки на груди. Каждый раз, когда Холберри сморкался, Карелла отшатывался так, словно целая батарея ядерных ракет вылетала из своих бункеров, целясь в его уязвимую голову.

– В феврале, – сказал Холберри.

– В феврале прошлого года?

– Да.

– Когда именно в феврале? – спросил Браун.

– Четвертого февраля, – сказал Холберри, достал носовой платок и снова высморкался. – Эти пилюли совсем не работают. Ничего не помогает, когда у вас простуда вроде этой.

Карелла надеялся, что он не чихнет.

– Мы дали ей превосходные рекомендации, – сказал Холберри.

– Она ушла на другую работу, правда? – спросил Браун.

– Да.

– Здесь в городе?

– Нет. В Вашингтоне, округ Колумбия.

Детективы обменялись взглядами. Они подумали о том, что она уехала в Вашингтон в феврале, а затем снова оказалась здесь в октябре – уже мертвой.

– Вы знали о том, что она вернулась сюда? – задал вопрос Браун.

– Джентльмены, я не знал, что она вернулась, пока не получил Ваш запрос. Вы не представляете, как сильно я был потрясен, – он покачал головой. – Лизи была такой… доброй, благородной, учтивой… изящной личностью, да именно изящной. Как подумаешь, что её жизнь была завершена насилием…

Он снова покачал головой.

– Вы говорили, что она была застрелена?

– Застрелена, да, – ответил Карелла.

– Невообразимо.

Сестра Элизабет употребила то же слово.

– Мистер Холберри, – сказал Браун, – мы беседовали с администратором её дома и со многими соседями и все они говорили, что она жила одна…

– Я, право, не мог знать об этом, – сказал Холберри.

– Они отзывались о ней как об очень закрытой личности, говорили, что редко видели её с какими-либо друзьями, мужчинами или женщинами…

– Ну, я и об этом ничего не мог знать, – сказал Холберри. – Здесь в банке она, безусловно, была общительной и дружелюбной. Я бы сказал даже компанейской.

– Вы не были с ней знакомы вне работы, так ведь, сэр? – спросил Карелла.

– Нет-нет. Это было бы неприемлемо, знаете ли. Но… джентльмены, право, сложно описать Лизи тому, кто не был с ней знаком. Она была просто… непостижимой личностью. Всегда доброжелательна для всех, всегда улыбка на лице. Она была докой в своей работе, никогда ни на что не жаловалась, ей по силам было абсолютно любое дело. Когда она сообщила мне, что уезжает в Вашингтон, я был расстроен. В самом деле. Она могла далеко продвинуться в этом банке. Достаточно далеко. Извините меня, – сказал он и снова высморкался, Карелла снова отшатнулся.

– Вы говорите, что она просила рекомендации, – сказал Браун.

– Да. Она действительно загодя сообщила мне о том, что ищет работу где-то в другом месте. Не в её натуре было врать о чем угодно. Она была несчастлива здесь по ее словам, и

она…

– Несчастлива, но почему? – сразу же спросил Карелла.

– Ей казалось, что она продвигается по службе недостаточно быстро. Я говорил, что на это требуется время, мы все наблюдали за ней, и мы понимали, каким ценным работником она была… но, видите ли, ей предложили быть помощником менеджера в Вашингтоне и могу понять, как заманчиво это выглядело для неё.

– Какой банк сделал предложение?

– "Юнион Сейвинг энд Траст".

– Вы не узнавали, какое именно отделение?

– Нет, к сожалению.

– Но то, что она ушла в феврале прошлого года ради того, чтобы стать помощником менеджера в "Юнион Сейвинг энд Траст" в Вашингтоне, основывается лишь на Вашем предположении?

– Ну да. Конечно. Именно это я и сказал, так ведь?

– Я имею в виду, – сказал Карелла, – есть ли у Вас информация, что она действительно получила предложенное ей место работы?

– Я никак не мог об этом знать. Я лишь предполагаю…

– Просто понимаете, сэр, она оказалась в этом городе девять месяцев спустя…

– О да, я вижу, куда Вы клоните. Сожалею, но я не знаю. Лишь предполагаю… В самом деле не знаю. Возможно, она была несчастлива в Вашингтоне. Возможно, она возвращалась сюда… Я не знаю, – он сделал паузу. – Этот город умеет заманивать людей обратно.

Раздался чих.

Карелле захотелось убежать в подземный бункер.

Холберри схватил носовой платок.

Карелла сжался в кресле.

Но чиха не произошло. Холберри высморкался.

– Простите, – сказал он.

– Вы знали, где она проживала, когда работала здесь? – спросил Браун.

– Уверен, что у нас есть её адрес в архивах, – сказал Холберри и поднял трубку телефона. – Мисс Конвэй, не могли бы Вы принести личное дело Элизабет Тёрнер? Будьте так добры! – он положил трубку на место. – Это не займет много времени, – сказал он.

Карелла знал, что Браун имел в виду.

В этом городе новые телефонные книги выпускались каждый год в первый день сентября. Из опыта прошлых расследований детективы знали, что обновление списка номеров заканчивалось 15 июня. Если новый телефон к этой дате не был установлен, его не было и в обновленном списке от 1 сентября. Имя Элизабет, адрес и номер, тем не менее, были в новом справочнике, когда её сестра приехала 27 октября, не смотря на то, что сама Элизабет покинула город 4 февраля. Что могло значить, что уезжая из города, она или сохранила за собой свою старую квартиру и номер телефона или…

Дверь в офис Холберри открылась.

Вошла женщина и положила архивную папку на его стол.

Он её открыл. Начал перелистывать документы, останавливаясь, чтобы высморкаться и продолжая начатое.

"Да, вот он", – сказал он и поднял глаза. – "Дочестер Авеню, 1224"

Это значило, что Элизабет Тёрнер сняла новую квартиру, вернувшись в город в какой-то промежуток времени до 15 июня, то есть до закрытия обновления списка телефонных номеров. На коробке с молоком в её холодильнике была дата продажи – 1 октября. В этом городе допустимый срок хранения молока в магазине был 8-10 дней. Она должна была приобрести его в период между 22 сентября и 1 октября. 29 октября администратор на Амброз 804 рассказал Индж Тёрнер, что не видел её сестру последние три или четыре недели. Что почти соответствовало истине. Она упаковала сумки и убежала, может ненадолго, а может – навсегда, где-то в начале октября.

Но почему?

И куда?

"Большое Вам спасибо, сэр, – сказал Карелла, – Вы нам очень помогли".

Холберри поднялся и протянул руку.

Карелле показалось, что он пожал руку зараженного чумой..

* * *

В городе хватало парков, неравномерно освещаемых после захода солнца, что делало их первоклассным местом для любого преступника, желающего избавиться от трупа. То, что этот конкретный парк, расположенный через дорогу от строения 87-го участка, был выбран из множества других, давало детективам определенную пищу для размышлений. Это выглядело или полным нахальством, или чистым безумием.

Элизабет Тёрнер обнаружили голой в парке на другой стороне улицы.

Элизабет Тёрнер работала в банке в Лос Анджелесе, затем в этом городе и оставила работу здесь, чтобы получить место в еще одном банке в Вашингтоне.

Специализацией Глухого были банки.

Что-то висело в воздухе.

И оно могло пахнуть Глухим.

Что-то было и в почте, оно прибыло в комнату детективов после полудня в пятницу, в тот момент, когда Карелла говорил по телефону с управляющим главного отделения "Юнион Сейвингс энд Траст" в Вашингтоне.

Увидев белый конверт в руке сержанта Мёрчисона, Карелла почти утратил нить разговора. На Мёрчисоне был голубой шерстяной свитер с длинными рукавами, четкий знак, что "бабье" лето осталось позади. За окнами участка хмурилось серое небо и дул пронизывающий ветер. Синоптики обещали дождь. Дерьмовый ноябрь наконец-то наступил. И пришло письмо от Глухого, если это, конечно, было от него. На лице у Мёрчисона читалось уверенность, что это так.

– … можно сказать, конфликт личностей.

– Простите, сэр, – сказал Карелла, – что Вы подразуме…?

– Я говорю, что можно описать расхождения между мисс Тёрнер и миссис Хатчет как конфликт личностей.

– А миссис Хатчет, как я понимаю, управляющая в «Юнион Сейвингс энд Траст»?

– Да, в нашем отделении на Шестнадцатой Улице.

– И, кроме того, она была непосредственным руководителем у мисс Тёрнер?

– Именно так.

Мёрчисон стоял и размахивал конвертом перед лицом Кареллы. Тот прикрыв рот рукой, сказал: "Спасибо, Дейв".

– Это снова он, – прошептал Мёрчисон.

Карелла недовольно кивнул. С конверта на него смотрело его имя. "Почему я?" – крутилось у него в голове.

– Я опознал печатную машинку, – снова прошептал Мёрчисон

Карелла снова кивнул. Мёрчисон продолжал без дела слоняться вокруг, сгорая от любопытства о содержимом конверта. Карелла сказал в трубку: "О каком конфликте личностей Вы говорите, мистер Рэндольф?"

– Ну… Мисс Тёрнер была очень мягким человеком, знаете ли, доброжелательным, уживчивым, очень, так сказать, непохожим на миссис Хатчет во всех отношениях. Миссис Хатчет – человек… хм… может, агрессивный? Соперничающий? Резкий? Колючий? Хорошая, наверно, характеристика?

Карелла был уверен, что Рэндольф улыбнулся.

– Как бы там ни было, – сказал Рэндольф, – сразу стало понятно, что мисс Тёрнер и она не уживутся вместе. Это был просто вопрос времени, когда напряжение между ними дойдет

до предела, вот и всё.

– И как долго это длилось?

– Дольше, чем обычно. Мисс Тёрнер известила нас в апреле.

– Ушла с работы в апреле?

– Нет. Сказала, что уходит. Предупредила за две недели до ухода.

– А ушла когда?

– В начале мая.

– Значит, она пробыла в Вашингтоне три месяца.

– Да. Ну, на самом деле, немного меньше. Она приступила к работе 7 февраля. Фактически то был своеобразный рекорд. За последние восемнадцать месяцев у нас под руководством миссис Хатчет работало девять помощников управляющего.

– Просто голубая мечта эта Ваша миссис Хатчет.

– Она невестка одного из членов правления.

– Вот как, – сказал Карелла.

– Да, – холодно подтвердил Рэндольф.

– И то была единственная причина для Элизабет Тернер, чтобы оставить работу? Конфликт личностей с миссис Хатчет?

– Ну, мистер Карелла, боюсь, Вы просто не знаете миссис Хатчет, чтобы представить себе весь ужас конфликта с ней.

– Теперь понимаю.

– Да, – снова холодно произнес Рэндольф.

– Большое Вам спасибо, мистер Рэндольф, – сказал Карелла, – Благодарю, что уделили мне время.

– Не за что, – ответил Рэндольф и повесил трубку.

Карелла положил трубку на место и посмотрел на белый конверт. Мёрчисон по-прежнему стоял возле стола.

– Открой его в конце концов, – сказал Мёрчисон, – это не бомба.

– Откуда ты знаешь? – сказал Карелла и подтолкнул конверт карандашом.

Внезапно его посетила мысль, что Глухой был чем-то вроде вставного номера для копов из 87-го, чем-то нарушающим монотонность рутинной работы. Глухой появлялся снова, и цирк возвращался в город. С легким потрясением приходило осознание того, что сам он не был защищен от чувства волнения, навеянного Глухим.

Мёрчисон был прав. Бомбы не было. Вместо неё было следующее:

И вдруг за окном пошел дождь.

* * *

Дождь барабанил в окна бара на Джефферсон Авеню примерно в трех с половиной милях от здания участка. Высокий светловолосый мужчина со слуховым аппаратом в правом ухе только что сообщил Наоми, что он коп. Ни много, ни мало, а полицейский детектив. Она не знала, принимают ли теперь глухих на работу в полицейский департамент. Все дело в антидискриминационных законах, наверное. Они позволяют нанимать на работу кого угодно. Скоро, должно быть, появятся детективы-карлики. Хотя необязательно слуховой аппарат обозначал, что человек был глухим. Глухим, как холодный камень. Но она по-прежнему думала, что потерю слуха в любой степени можно считать физическим пороком и нужно быть очень обходительной, задавая вопрос, как человек со слуховым аппаратом мог успешно пройти медосмотр, который, как ей казалось, был обязателен для приема на работу в полицейском департаменте.

Он хорошо выглядел.

Как для полицейского.

– Так как тебя зовут? – спросила она.

– Стив, – ответил он.
– Стив, а дальше?
– Карелла, – сказал он, – Стив Карелла.
– В самом деле? – удивилась она, – итальянец?
– Да, – сказал он.
– Я тоже, – сказала Наоми, – наполовину.
– А что с другой половиной?
– Тигрица, – сказала она, ухмыльнулась и затем подняла стакан. Она пила кока-колу с газировкой, что, как ей казалось, выглядело изысканно. Она соблазнительно поглядывала на него через ободок стакана, точно как было написано в одном из женских журналов, откуда она также случайно узнала о способе получения множественных оргазмов.

На самом деле она была наполовину итальянка, наполовину еврейка, что объясняло её черные волосы и голубые глаза. Вздернутый кончик носа был ирландским безо всякой на то заслуги её родителей. Настоящим отцом этого носа являлся доктор Стэнли Горовиц, сделавший свою работу три года назад, когда Наоми было двадцать два. Тогда она поинтересовалась также, можно ли сделать что-нибудь с её буферами, но он улыбнулся и ответил, что этот её отдел не нуждается ни в какой помощи. По её мнению то была чистая правда.

На ней была голубая нейлоновая блузка с глубоким вырезом, представляющая её грудь в выгодном свете и, кроме того, повторяющая цвет её глаз. Она заметила, как глаза глухого – как он сказал его имя? – блуждали по вырезу блузки, изредка пробегаясь и по её ножкам. У неё были красивые ножки. Чтобы подчеркнуть красивый изгиб ноги она носила туфли на высоком каблуке, с ремешком на лодыжке. К тому же, высокий каблук эффектно приподнимал её зад, хотя этого не было заметно, когда она сидела. Синие туфли и дымчато-голубые чулки. Сексуально. Она чувствовала себя сексуальной. Сейчас её ноги были скрещены, темно-синяя юбка забрана вверх, обнажая одно колено.
– Прости, как ты сказал, тебя зовут? – спросила она.
– Стив Карелла, – ответил он.
– Я так увлеклась мыслью о твоем итальянском происхождении, – сказала она, закатывая глаза, – что я…
– Многие люди забывает итальянские фамилии, – сказал он.
– Да, но мне определенно не следовало этого делать, – сказала Наоми. – Девичья фамилия моей мамы была Джамбольё.
– А у тебя какая фамилия? – спросил он.
– Шнайдер, – она сделала паузу и сказала. – Потому вторая половина – еврейская.

Она ожидала какую-то реакцию. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Хорошо. На самом деле ей нравилось быть Еврейской Девочкой из Большого Города. Было нечто особенное в еврейских девочках, живущих в этом городе: отточенная осанка, живость языка, интеллект, осведомленность, что переплелись между собой умно и стильно. И если кому-то не нравилось, что она еврейка, хотя бы и наполовину, тогда – пока-прощай, приятно было познакомиться. Похоже, ему это нравилось. По крайней мере, он продолжал пялиться на её блузку. И посматривать на её сексуальные ножки в дымчато-голубых чулках.
– Так, где ты, говоришь, работаешь?
– На окраине, – сказал он, – в 87-ом участке. Прямо через дорогу от Гровер-Парка.
– Дрянной там райончик, правда?
– Да уж, не самый лучший, – сказал он и улыбнулся.
– У вас должно быть полно дел?
– Время от времени, – ответил он.
– Что у вас там? Куча убийств и тому подобного?
– Убийства, вооруженные налеты, квартирные кражи, поджоги, уличные ограбления… что не назовешь – всё бывает.
– Захватывает, наверное, не смотря ни на что, – сказала Наоми. В одном женском

журнале она прочитала, что нужно проявлять интерес к работе мужчины. Это было трудно сделать, болтая с дантистом, например. Но полицейская работа действительно захватывала, потому прямо сейчас ей не нужно было изображать мнимое эмоциональное участие, например, в левом боковом моляре.

– Прямо сейчас вы работаете на чем-то интересным? – спросила она.

– У нас умышленное убийство случилось двадцать второго числа, – ответил он. – мертвая женщина в парке, примерно твоего возраста.

– О Боже! – воскликнула Наоми.

– Её застрелили выстрелом в затылок. Абсолютно голая, ни клочка одежды на ней.

– О боже! – снова воскликнула Наоми.

– Пока немного зацепок, но мы работает над этим.

– Думаю, вы видите там много подобного.

– Это правда.

Она подняла стакан, приложилась к своей кока-коле с содовой, посматривая на него через ободок и снова поставила стакан на барную стойку, но уже пустым. В пять тридцать пополудни люди только начинали набиваться в бар. Впереди был долгий уикенд. Она забежала сразу после работы, надеясь подцепить кого-то интересного. Этот однозначно выглядел интересным; раньше она никогда не встречала настоящего детектива. И хорошенького к тому же. Труп голой женщины в парке – как Вам это нравится?

– Может еще разок? – спросил он.

– О, спасибо, – сказала она. – Это К.К. с газировкой.

Она ожидала какую-то реакцию. Обычно, когда говоришь К.К. и газировка какому-то зануде, он спрашивает: "Что такое К.К.?" Этот же – и глазом не моргнул. Или он знал, что такое К.К. или был достаточно умен, чтобы притвориться знающим. Ей нравились умные мужчины. Ей также нравились красивые мужчины. Бывают такие мужчины, что когда просыпаешься на следующее утро, думаешь, что не стоило даже принимать душ ради них.

Он сделал знак бармену, указывающий, что нужна еще одна порция и затем вновь повернулся к ней, улыбаясь. У него была приятная улыбка. Музыкальный автомат проигрывал новый сингл МакКартни. Дождь стучал в оконное стекло.

Было уютно и тепло и удобно в переполненном баре: гул разговоров, звон кубиков льда в стаканах, музыка из автомата, нервный смешок влюбленных в себя женщин Большого Города.

– Какой работой ты занимаешься? – спросил он.

– Я работаю на Си-би-эс.

Обычно люди были под впечатлением, когда она говорила, что работает в Си-би-эс. И хотя она была всего лишь секретарем в приемной, название сети все еще впечатляло. Но на его лице снова ничего не отразилось. Он был очень крут, этот тип, хорошо одетый, красивый, с чувством абсолютной уверенности в себе. Может, он уже все это видел и через все проходил, этот субчик? Это казалось возбуждающим.

Хотя, может быть, ей сейчас и было необходимо возбуждение.

Утром, собираясь на работу, она одела нижнее белье, заказанное у "Викториаз Сикрит". Голубое, как её, блузка. Каркасный лифчик с получашечками, предназначенный для глубокого декольте, трусики-стринги с кружевным верхом и хлопковой клиновой вставкой, пояс для чулков с V-образными кружевными полосками. Сидя за столом в холле с сексуальным бельем под юбкой и блузкой, она думала, как заскочит в какой-нибудь бар после работы в поисках возбуждения. "Си-би-эс", – говорила она, – "доброе утро!" А под одеждой у неё пряталось кружевное белье.

– На самом деле я всего лишь секретарь в приемной, – сказала она, и подумала, зачем созналась в этом. – Но я действительно встречаю там кучу актеров и прочих. Кто приходит делать шоу, понимаешь?

– Угу, – сказал он.

– Это чертовски скучная работа, – сказала она и снова подумала, зачем она это ему

рассказывает.

– Угу, – сказал он.

– В конечном счете я планирую заняться издательской деятельностью.

– В конечном счете я планирую заняться сексом с тобой, – сказал он.

В обычных условиях она сказала бы: "Пошел на фиг, подонок, усек?" Но он так пристально смотрел на нее, без тени улыбки на лице, и казался таким… уверенным, что на мгновение она потерялась с ответом. Ей внезапно показалось, что если скажи она ему исчезнуть и он арестует её за что-нибудь. А за что, она не могла даже вообразить. Кроме того, было такое чувство, будто он в точности знает, что на ней одето под юбкой и блузкой. Этому не было объяснения. Казалось, он обладает рентгеновским зрением, как Супермен. Она начала кивать даже раньше, чем сама осознала это. Она продолжала кивать, надеясь, что её лицо говорит: "О , да ты умник?" Она не знала, что говорило её лицо. Она просто продолжала кивать.

– А ты чертовски уверен в себе, не так ли? – спросила она.

– Да, – ответил он.

– Прийти в бар, подсесть к красивой девушке…

– К тебе, – сказал он.

– Думаешь, все, что тебе осталось сделать…

– Да, – сказал он.

– А ты немногословный, – сказала она. Её сердце сильно заколотилось.

– Да, – сказал он.

– Ммм, – промычала она, продолжая кивать.

Запись в автомате сменилась. Что-то из репертуара Стоунз. На мгновение установилась полная тишина, когда, казалось, все разговоры вокруг них прекратились, как-будто заговорил Э.Ф. Хаттон. А потом где-то в баре засмеялась женщина – голос Мика Джаггера прорезался через возобновленный гул, и Наоми лениво покрутила пальцем в стакане, переворачивая кубики льда. Интересно, нравится ли ему сексуальное белье? Большинству мужчин нравится. Она представляла как он разрывает её блузку и бюстгальтер, становится на колени перед ней, чтобы поцеловать её в то место, где треугольник из хлопка прикрывает промежность, его большие руки обвили подвязки чулок на бедрах. Она даже почувствовала натяжение на повязках чулок.

– Так… это… где ты живешь, Стив? – спросила она. – Возле участка?

– Не важно, где живу я, – сказал он, – мы отправимся к тебе.

– О, уже мы? – сказала она и вопросительно выгнула бровь. Она осознала, что начала покачивать ногой. Приложившись к напитку на этот раз она смотрела в стакан, а не поверх ободка.

– Наоми, – сказал он, – мы…

– Спорим, ты не сможешь даже произнести это по буквам, – сказала она, – Н-а-о-м-и.

В её журналах считалось хорошей идеей заставить мужчину громко произнести твое имя по буквам. Таким образом, он запомнит его. Но выходило так, будто он даже не услышал её, будто её заявление было слишком смехотворным, чтобы удостаивать его ответом.

– Мы собираемся, – повторил он, делая ударение на первое слово, из-за того, что она его перебила, – пойти к тебе на квартиру, где бы она не находилась, и мы собираемся провести там весь уик-энд.

– Так вот что… что ты замышляешь, – сказала она.

Неожиданно она осознала, что её трусики стали влажными.

– Откуда ты знаешь, что я не замужем? – спросила она.

– А ты замужем?

– Нет, – сказала она. – Откуда ты знаешь, что я не живу с кем-то еще?

– А ты живешь с кем-то?

– Нет, но…

– Допивай свой напиток, Наоми!

– Слушай, мне не нравятся мужчины, которые ведут себя так резко, я не шучу!

– Разве? – сказал он, улыбаясь.

– Нет, не нравятся.

– Нравятся, – сказал он.

– Все ли детективы ведут себя так резко? – спросила она.

– Я не знаю, как ведут себя все детективы, – ответил он.

– Потому как понимаешь, ты реально ведешь себя очень резко, Стив. Обычно я не люблю этого, знаешь ли. Когда мужчина ведет себя так резко.

– Даю тебе 60 секунд, чтобы ты допила свой напиток, – сказал он.

"Боже, я промокла до нитки," – подумала она и прикинула не начались ли у неё внезапно месячные.

– А ты женат? – спросила она.

– Нет, – сказал он и откатил рукав куртки. На руке у него был золотой "Ролекс". В голове у нее пронеслась мысль о том, как это детектив может себе позволить золотой "Ролекс".

– Шестьдесят секунд, – сказал он. – Начиная с этого момента.

– А что если я не закончу через шестьдесят секунд?

– Ты проиграешь, – просто ответил он.

Она не подняла стакан.

– Пятьдесят пять секунд, – сказал он.

Она заглянула ему в лицо и потянулась к стакану.

– Я пью это, потому, что я хочу, – сказала она, а не потому, что ты смотришь на свои часы.

– Пятьдесят секунд.

Она умышленно пила очень медленно и вдруг ей подумалось, что она вообще не сможет допить этот чертов напиток ни за какое время. А еще она стала вспоминать, заправила ли постель утром.

– Сорок секунд, – сказал он.

– Ты реально нечто, знаешь это? – сказала она и на этот раз сделала глоток побольше.

– Ровно через тридцать восемь секунд…. – продолжал он.

– Ты носишь "пушку"? – спросила она.

– Осталось тридцать пять секунд…

– Просто я боюсь все эти "пушки".

– Тридцать секунд…

– Что это, обратный отсчет? – спросила она, но сделала еще один большой глоток.

– Двадцать шесть секунд…

– Ты очень нервируешь меня, понимаешь? – сказала она.

– Двадцать секунд…

– Заставляешь меня…

– Пятнадцать…

– Притормози, а?

– Ровно через двенадцать секунд…

– Я захлебнусь этим, – сказала она.

– Десять секунд…

– Господи!

– Мы с тобой… восемь секунд… собираемся … пять секунд… выйти отсюда… две секунды…

– Хорошо, я уже справилась! – сказала она и плюхнула пустой стакан на барную стойку .

Их взгляды встретились.

– Хорошо, – сказал он и улыбнулся.

* * *

В коробочке для шитья она нашла ленточки. Это он попросил у нее ленточки. В тот момент она отдала бы ему все. Шелковые ленточки. На её правом запястье – красная. Голубая – на левом. Розовые ленточки – на лодыжках. Она распласталась с раздвинутыми ногами на своей огромной кровати, запястья и лодыжки были привязаны к перекладинам у изголовья и ногах. На ней все еще оставались туфли на высоком каблуке, дымчато-голубые чулки и пояс с подвязками. Лифчик и трусики он с неё снял. И так она лежала: открытая и обнаженная, ожидая всего, что он надумает делать дальше, желая исполнить все, что ему взбредет в голову…

Раздеваясь, он положил свою кобуру и "пушку" на кресло в другом конце комнаты. В шутку она сказала ему: "дайте мне взглянуть на Ваш жетон" – так говорил любой житель этого города, когда-то кто-то стучался в двери посреди ночи и представлялся копом. Он посмотрел на неё, не улыбаясь. "Вот мой жетон, детка", – сказал он и расстегнул ширинку. В ту минуту она поняла, что попала в беду. Она просто не знала, какой большой была беда. Она посмотрела ему ниже пояса и сказала: "О, малыш, у меня беда", и нервно засмеялась, словно школьница. Внезапно она оказалась в его объятьях, их губы встретились и она потерялась, она чувствовала, что потерялась.

С тех пор как он привязал её к кровати прошло четыре часа

Часы на комоде показывали теперь десять часов пополудни.

Не смотря на её протест, что люди в доме напротив могли увидеть их, он настоял на том, чтобы занавески на окнах были подняты. В доме напротив горели огни. Над домом чернела ночь. Интересно, видел ли кто-нибудь из дома напротив, как она лежит, привязанная к кровати шелковыми ленточками? Она вновь сочилась внизу, до головокружения желая его, и представляла, как кто-то смотрит на неё из дома напротив. Это заводило еще сильнее.

Она наблюдала, как он подошел к креслу, поднял кобуру и вытащил из неё револьвер. Широкие, загорелые плечи, узкая талия, отпечатки её ногтей по-прежнему заметные на заднице, где она впивалась в него. Тогда в баре она описывала ему себя как наполовину тигрицу, но это было нечто, чего она от себя никогда не ожидала даже после того, как узнала всё о множественных оргазмах. Сегодня вечером… Господи Иисусе! Заплыв через её собственный океан. Всё ещё мокрая от его и своих собственных соков, все еще желающая продолжения.

Он приблизился к кровати с оружием в руке.

– В доме грабитель? – спросила она улыбаясь.

Он не улыбнулся в ответ.

– Урок, – сказал он.

– Оно заряжено? – спросила Наоми. Она смотрела на член, а не на револьвер, хотя по правде оружие пугало её. Она никогда не любила оружие. Но она продолжала все также соблазнительно, как ей казалось, улыбаться. Она извилась на кровати, перекрутив шелковые ленточки.

– Не заряжено, – сказал он и, открыв щелчком барабан, показал ей. – "Кольт Детектив Спешиал", курносый.

– Прямо как я, – сказала она. – Тебе нравится мой нос?

– Ты готова к уроку? – спросил он.

– О Боже, – сказала она раскрывая глаза и ладони связанных рук в притворном испуге. – Еще один урок?

Револьвер был не заряжен, она больше не боялась и была готова играть в любую предложенную ним игру.

– Только, если ты готова к нему, – сказал он.

– Я готова ко всему, что у тебя есть, – ответил она.

– Урок комбинаций и перестановок, – сказал он и неожиданно раскрыл левую руку. На

ладони лежал револьверный патрон. – Вуаля! Шесть пустых камор в…

– У меня есть одна пустая камора прямо сейчас, – сказала она.

– … в барабане револьвера.

– Давай же, заполни её, – продолжала она.

– И один патрон в левой руке.

Он показал ей патрон с пулей.

– Я засовываю его в барабан…

– Засунь что-нибудь в меня, пожалуйста!

– … и теперь у нас одна заряженная камора и пять пустых. Вопрос: какие шансы, на то, что патрон станет напротив ствола, когда я прекращу вращать барабан?

Он начал вращать барабан медленно и лениво. "Есть идеи?" – сказал он.

– Один к пяти, – сказала она, – Давай же, трахни меня!

– Один к пяти, правильно, – сказал он и сел на край кровати, удерживая ствол револьвера напротив её бедра с внутренней стороны.

– Осторожнее с этим, – сказала она.

Он улыбнулся. Его палец находился внутри защитной скобы курка.

– В самом деле, – сказала она. – Теперь там есть пуля.

– Да, я знаю.

– Ну так… знаешь что… убери эту штуку оттуда, ладно? – Она выгнулась на кровати. Холодный ствол снова коснулся её бедра. – Ну же, Стив!

– Сейчас мы сыграем в маленькую Русскую рулетку, – сказал он, улыбаясь.

– Черта с два! – вырвалось у неё.

Но она была привязана к кровати.

Внезапно он поднялся на ноги. Стоя рядом с кроватью, глядя вниз на неё, он начал вращать барабан. Все вращал и вращал. Улыбаясь.

– Ну же, Стив, – сказала она, – ты меня пугаешь!

– Нечего бояться, – сказал он. – Шансы один к пяти.

Он остановил барабан.

Снова присел на краешек кровати.

Посмотрел на неё.

Посмотрел на револьвер.

А затем осторожно поместил ствол револьвера в ложбинку её шеи.

Она сглотнула, ужаснулась и стала дергать головой. Металл, прижатый к телу обжигал холодом.

– Эй, послушай, – сказала она, и он нажал на курок.

Тишина оглушала.

Она лежала обливаясь потом, прерывисто дыша, уверенная в том, что он нажмет на курок еще раз. Шансы были один к пяти. Сколько раз он мог бы …?

– Она деревянная, – сказал он. – Пуля в револьвере. Ты была в безопасности.

Он отнял ствол от её горла.

Она облегченно вздохнула.

И осознала, как сильно она взмокла.

И посмотрела на него.

Его эрекция была просто чудовищной.

– Тебе не следовало так меня пугать, – сказала она.

Её тело трепетало каждой клеточкой.

– Я могу делать с тобой всё, что хочу, – сказал он.

– Нет, не можешь.

– Я владею тобой, – сказал он.

– Нет, не владеешь, – прошептала она.

Но тем не менее она натянула удерживающие её ленточки, чтобы пошире раздвинуть ноги, когда он снова взобрался на неё.

Они не выходили из квартиры весь уик-энд.

Она не знала, что с ней произошло, ничего подобного в её жизни ранее не случалось.

Он ушел рано утром в понедельник, обещая позвонить ей в ближайшее время.

Сразу после его ухода, она оделась так, как он ей приказал.

Немного позднее, сидя за столом в приемной Си-би-эс, она была без трусиков под юбкой и без бюстгальтера под блузкой.

"Си-би-эс, доброе утро", – говорила она в трубку телефона.

И томилась за ним.

Глава 4

Если человек совершал вооруженные налеты, то переехав в другой штат, скорее всего, продолжит заниматься этой своей карьерой. Он не станет вдруг продавцом подержанных авто, например, или телевизионным продюсером, как бы ни были схожи с преступниками эти двое профессионалов. Вместо этого, он приобретет себе «чистый ствол» (что легко устроить в любом городе США), найдет какой-нибудь семейную бакалейную лавку и ограбит в один прекрасный вечер. Если хозяева умны и отзывчивы, они передадут кассу прямо в его ожидающие руки и будут молиться, чтобы он сразу же свалил. Если же хозяевам покажется, что вооруженный преступник в их магазине задевает их лично, как и сам факт преступления, они могут сдуру сопротивляться вторжению на их территорию. И в этом случае рискуют потерять нечто большее, чем наличка из кассового аппарата. Вооруженный налетчик не потому вооружен, что состоит членом в Национальной Стрелковой Ассоциации. Он вооружен, потому что знает: если его поймают на горячем, ему светит двадцать лет. И он вполне готов и частенько даже страстно желает воспользоваться своим пистолетом. В Америке самая свежая цифра по ежегодному количеству смертей, вызванных огнестрельным оружием, колеблется в районе тридцати четырех тысяч по всей стране, находясь на втором месте после количества жертв ДТП. Это – огромное количество смертей. Иногда Карелла задумывался: когда члены НСА в очередной раз с упоением расстреливали оленя, молились ли они беззвучно за всех тех убитых?

Элизабет Тёрнер работала в банке в Лос Анджелесе. Работала в банке в этом городе, и кроме того – в банке в Вашингтоне. Порядочные граждане, вроде преступников, в большинстве случаев не будут менять род своих занятий после переезда из одного штата в другой. Разве не вероятным, или даже не обязательным было предположение, что по возвращению сюда Элизабет стала искать себе работу в каком-то другом банке?

Детективы знали, что в этом штате все работодатели должны были заполнять "Форму Программы Регистрации Работников №2", представляющую собой ежеквартальный отчет о доходах, отсылаемый в Департамент Налогообложения и Финансов этого штата 30 апреля, 31 июля, 31 октября и 31 января. В данной форме содержались имя каждого работника и номер социальной защиты вкупе с их валовым доходом за квартал. У детективов имелся номер социальной защиты, принадлежавший Элизабет Тёрнер. Было известно, что она уволилась с работы в Вашингтоне 1 мая. В дальнейшем, 25 октября она была найдена мертвой в Гровер-Парке. Разве не было вероятным, что после её возвращения одна или две "Формы ПРР№2" могли оказаться заполненными? Карелла позвонил по междугородной связи и поговорил с человеком по фамилии Калпеппер. Калпеппер пообещал перезвонить, как только закончит проверку всех "Форм ПРР №2", заполненных 31 июля и 31 октября.

Он перезвонил только 11 ноября, в тускло серую, сырую и холодную пятницу. К тому времени делу уже исполнилось 17 дней. Калпеппер сказал Карелле, что не обнаружил ни одной формы от 31 июля, сообщающей о доходах Элизабет Тёрнер за прошедший квартал.

– А что там с формами за 31 октября? – поинтересовался Карелла.

– Они еще не обработаны.

– Разве у вас там нет компьютера?

– Для этих ежеквартальных форм – нет, – сказал Калпеппер.

– Так… И когда вы думаете, они будут обработаны?

– Когда мы до них доберемся.

– А когда это случится?

– Когда мы до них доберемся, – сказал Калпеппер снова. – Где-то примерно перед следующей датой заполнения формы.

– Вы имеете в виду в январе? В следующем году?

– Формы ПРР №2 заполняются 31 января, это правда.

– У нас тут умышленное убийство, – сказал Карелла. – Я пытаюсь выяснить, где работала эта девушка. Вы можете как-то ускорить процесс?

– Было бы легче, если б эти формы заполнялись от имени работника, – сказал Калпеппер, – или хотя бы по номеру социальной защиты. Но это не так. Они заполняются от имени работодателя. Вы не представляете, сколько времени у нас ушло на то, чтобы проверить все июльские формы в поисках вашей Элизабет Тёрнер. А они были уже обработаны.

Карелла знал совершенно точно, сколько времени это заняло. Он сделал запрос шесть дней назад.

– Но послушайте, – сказал он, – для нас очень важно выяснить, где…

– Мне очень жаль, – перебил его Калпеппер. – Я проверю все формы от 31 октября, когда они будут обработаны и это все, чем я могу помочь.

– Хорошо, спасибо, – сказал Карелла и повесил трубку.

Какое-то время он сидел, уставившись на свою печатную машинку, потом загрузил в нее форму дополнительного отчета отдела детективов. Он успел уже напечатать почти целую страницу, когда из канцелярии пришел Альф Мисколо. В его руке был простой белый конверт. На конверте стояла дата отправки – 10 ноября. Как и другие четыре, предшествующие этому письму, оно было адресовано детективу Стивену Луису Карелле. Имя было аккуратно напечатано на лицевой стороне конверта с помощью печатной машинки.

– Я думал, может быть, он забыл про нас, – сказал Мисколо.

– Не с нашим счастьем, – сказал Карелла и разорвал клапан конверта.

Такой же белый лист бумаги внутри. И в нем вклейка:

– На мой взгляд, это похоже на четыре полицейские фуражки.

– Да, – сказал Карелла.

– Думаешь, он полицейский? – спросил Мисколо.

– Нет, не думаю.

– Так почему он шлет нам картинки всего этого полицейского дерьма? Рации, жетоны, наручники? Полицейские фуражки? – он покачал головой. – Мне не по душе чья-то идея присылать нам картинки полицейских принадлежностей. Это просто жуть.

Мисколо не был красивым мужчиной: массивный нос, кустистые брови и, кроме того, прослойка жира на шее создавала впечатление, что голова покоится прямо на плечах. Но обычно лицо его было живым, и в темных глазах плясали искорки, особо заметные, когда он отчаянно вставал на защиту совершенно отвратительного кофе, сваренного им лично у себя в конторке. Сейчас всего этого не наблюдалось, и он безутешно рассматривал лист бумаги в руке у Кареллы.

Полицейский участок был священным местом для людей вроде Мисколо и Кареллы. Что бы ни происходило где-то там на улицах, оно могло попасть в здание участка только в наручниках. Хотя однажды – они оба хорошо помнили об этом – женщина с "пушкой" и бутылкой нитроглицерина держала в заложниках эту самую комнату так много часов, что можно было сбиться со счета. Но, не смотря ни на что, подавляющее большинство считали участок замком, как британский шахтер – свою обветшалую сырую хижину. Мисколо был необычайно взволнован тем, что кто-то пользовался полицейским снаряжением для совершения всего, что он, черт побери, задумал совершить. У него было такое чувство, будто

бы он забрел в грязный туалет метро и обнаружил на одной из раковин полотенце с монограммой своей жены.

Он знал, что было, так сказать, объявлено в других четырех письмах, если слово "объявлено" здесь корректно. Все письма бок о бок висели на доске объявлений в комнате детективов в том порядке, в каком они были получены:

Восемь черных лошадей.

Пять раций.

Три пары наручников.

Шесть полицейских жетонов.

А теперь еще и это.

Четыре полицейские фуражки.

Если отбросить лошадей, то казалось, будто кто-то по кусочкам собрал полицейского.

– Они все имеют отношение к полицейским, понимаешь? – сказал Мисколо. – Кроме лошадей.

– Полицейские ездят верхом в этом городе, – возразил ему Карелла.

– У значков на тех фуражках нет номеров, видишь? Вероятно, он откуда-то вырезал картинку и сделал ксерокопию.

– А на картинке с жетонами, тем не менее, номер имеется.

– Предполагаешь, что это – настоящий жетон?

– Не знаю.

– Потому что откСерить в наши дни можно практически всё, – сказал Мисколо. – Кладешь что-нибудь на стекло, накрываешь крышкой, нажимаешь кнопочку и получаешь отличное изображение своего предмета.

– Да, – сказал Карелла.

– А если он – настоящий… откуда его взяли? – поинтересовался Мисколо.

– Может, мне следует это выяснить, – сказал Карелла. – Беда в том…

– Да, я знаю. Ты почувствуешь себя тупаком.

– Я в том смысле, что мы получаем эти тупые письма…

– Знаю…

– Я звоню в отдел кадров, интересуясь, не терял ли какой-нибудь коп жетон с номером семьдесят девять…

– Ты почувствуешь себя тупаком.

– Да, именно так мы себя и будем чувствовать, – согласился Карелла.

– Не нравится мне это парень, ох, и не нравится же он мне, – сказал Мисколо и посмотрел на картинку с четырьмя фуражками. – И все же, что он пытается нам сообщить?

– Я не знаю, – сказал Карелла и тяжело вздохнул.

– Хочешь чашечку кофе? – спросил Мисколо.

– Спасибо, но не сейчас, – сказал Карелла.

– Как знаешь, – Мисколо пожал плечами и покинул комнату детективов.

Дождь молотил по окнам.

Карелле подумалось, что надо бы позвонить в отдел кадров и проверить жетон с номером семьдесят девять.

Он взглянул на форму, вставленную в печатную машинку. Когда-то нужно было пользоваться калькой, чтобы получить две, три или даже четыре копии. А сейчас просто спускаешься в холл и просишь Мисколо отксерить для тебя несколько копий. Именно так Глухой, а это должен быть Глухой, получил ксерокопии картинок, впоследствии отправленных в участок. Форма в заполненном виде вместе с ошибками, исправлениями и прочим выглядела так:

Вот и все, что он наработал.

Он собирался закинуть дело Элизабет Тёрнер в "Открытые дела". Открытое. Эвфемизм для "зашедшего в тупик". Дело, ожидающее чуда. Открытое. Спустя много лет, благодаря

невероятной улыбке фортуны, они, возможно, арестуют человека, оставляющего очередной труп женщины еще в одном парке, который сознается в первом убийстве, а может быть, и в дюжине других, более ранних.

Он снова посмотрел на форму.

Посмотрел на самое свежее сообщение Глухого.

Четыре полицейских фуражки.

Под фуражками нет лиц.

Безымянные фуражки.

Форма из печатной машинки Кареллы готовилась быть вброшенной в бескрайнюю безымянность папки открытых дел, еще одна бумажка в лабиринте информации, подтверждающей неэффективность полиции в городе, где совершалось слишком много убийств. Папка открытых дел была разверстой пастью, проглатывающей жертв. А вместе с ними – их мучителей.

Причастность безымянных фуражек Глухого и надвигающаяся безымянность формы в печатной машинке неожиданно разозлили его. Вполне возможно, что не было вообще никакой связи между Элизабет Тёрнер и Глухим. Поиск такой связи наверняка мог быть очень затратным по времени, а в долгой перспективе – возможно даже глупым. Но её нашли мертвой в парке через дорогу. И на сегодняшний день пришло пять писем от Глухого, и если это не он ковырялся у них в глазу, по крайней мере, было очень на него похоже. Забросишь труп Элизабет Тёрнер в папку открытых дел, и, значит, забросишь туда и Глухого.

Карелла вырвал дополнительный отчет из печатной машинки.

Он отнес самое свежее письмо Глухого к доске объявлений и собирался было приколоть его к другим, когда неожиданно ему пришло в голову, что возможно имеет смысл рассматривать послания в числовом, а не хронологическом порядке.

Он начал перемещать их, выстраивая на доске в одну горизонтальную линию.

Три пары наручников. Четыре полицейские фуражки. Пять раций. Шесть полицейских жетонов. Восемь черных лошадей.

"Ну и что с того?" – подумал он.

В них по-прежнему не было смысла.

Даже не осознавая, как близко он подошел, как минимум, к началу разгадки, Карелла вернулся к себе за стол и, просмотрев список телефонных номеров полицейского департамента, набрал номер отдела кадров, расположенного в центре города на Хай Стрит.

– Отдел кадров, сержант Маллени, – ответил голос в трубке.

– Детектив Карелла из 87-го, мне нужно имя и адрес возможного офицера полиции.

– Возможного офицера? – переспросил Маллени.

– Да, всё, что у меня есть, это номер его жетона.

– И что это за номер?

– Семьдесят девять.

– Ты, должно быть, шутишь, – сказал Маллени.

– Что ты имеешь в виду?

– Семьдесят девять? Ты знаешь, до каких номеров мы уже дошли? Даже не спрашивай. Знаешь ли ты, как много полицейских прошло через систему с начала запуска полицейского департамента? И не спрашивай.

– Как бы там ни было, проверь его, хорошо?

– Этот парень, должно быть, шутит, – сказал Маллени сам себе. – Откуда ты взял этот номер?

– С изображения жетона.

– Изображение жетона?

– Да.

– И там на картинке написано семьдесят девять?

– Да.

– Какой у тебя номер, Коппола?

– Семь-один-четыре-пять-шесть-три-два. И меня зовут Карелла.

– Твой номер может подсказать порядок цифр нынешних номеров. Так ты хочешь, чтобы я проверил жетон какого-то парня, который под стол пешком ходил, когда здесь еще жили грёбанные голландцы?

– Просто сделай мне одолжение, хорошо? Мы тут работаем над умышленным убийством.

– Я и не удивлен. Парень с номером жетона семьдесят девять умер три столетия назад, как минимум. Побудешь на линии, хорошо?

Карелла подождал.

Маллени вернулся примерно через пять минут.

– Действующего жетона за номером семьдесят девять нет, – сказал он. – Как только что я выяснил.

– А что насчет архивных записей?

– До Генри Гудзона мы не проверяли, – сказал Маллени.

– Проверь архивные записи, – раздраженно сказал Карелла. – У нас тут чертовое умышленное убийство!

– Смотри, чтобы у тебя задницу не разорвало от злости, Коппола, – сказал Маллени и снова отложил трубку.

Карелла ожидал.

Вернувшись, Маллени сказал: "У меня есть номер жетона, выданного в 1858 году. В то время в городе было восемьсот тысяч жителей, а полицейских – четырнадцать тысяч. Тебе, несомненно, будет интересно узнать, что в те дни полицейский департамент также отвечал и за уборку улиц".

– А что изменилось? – сказал Карелла.

– Ничего, – сказал Маллени. – Тебе нужно имя того парня?

– Будь так добр, – сказал Карелла.

– Ангус МакФерсон, – сообщил Маллени. – Умер в 1872. Тебе, несомненно, будет интересно узнать, что тогда в городе было уже 1,4 миллиона жителей, а полицейских – восемнадцать тысяч. Кроме того, появился департамент по уборке улиц. Копам уже не надо было швырять лопатой конский навоз. Все, о чем они беспокоились было: как не получить пулю. Что, в общем-то и случилось с этим парнем, МакФерсоном. Где ты нашел картинку с жетоном? В антикварной лавке?

– Я бы и сам не удивился, – сказал Карелла. – Большое тебе спасибо, Маллени.

* * *

Он сообщил Чарли Хенкинсу, что его зовут Дэннис Дав и попросил для краткости звать его просто "Дэн". Чарли не понимал, что слова den dove были шведскими. Шведское слово "den" соответствовало английскому определенному артиклю "the", а слово "dove" ("голубь" на английском) не относилось к белой птице мира. Это слово даже произносилось иначе, чем на английском языке. По-шведски "dove" значило "глухой человек". Следовательно, Дэн Дав значило Глухой.

– Чего я по-прежнему не могу понять, – сказал Чарли, – так это, почему ты хочешь сделать всё в канун Рождества? Я в том смысле, что обстановка точно такая же, как и в любой другой вечер. Деньги вечером остаются в хранилище, когда бы мы к ним не подобрались.

– Да, но я хочу провернуть всё именно в этот вечер, – сказал Глухой.

Чарли почесал голову. Он не был выдающимся представителем человечества, в принципе, как и большинство других вооруженных налетчиков. Глухой выбрал Чарли из-за того, что тот знал как обращаться с оружием и не боялся этого делать. И в самом деле, Чарли отсидел большой срок в тюрьме Каслвью из-за применения оружия при ограблении ликероводочного магазина. Хозяин магазина теперь на всю оставшуюся жизнь прикован к

инвалидному креслу – мелочь, которая нисколечко не беспокоила Чарли. И вот как Чарли в этом поучаствовал: ему пришлось подстрелить хозяина магазина, когда тот потянулся за оружием, спрятанным под прилавком. Чарли не принял во внимание то, что два копа, патрулирующих улицу на машине, услышат выстрелы и уже через три минуты наденут на него наручники. Это был большой облом. Промедление смерти подобно, человек человеку волк и как пришло, так и ушло. Чарли знал все поговорки и хитрости своего ремесла и усвоил несколько новых во время отсидки. Любой человек узнавал пару-тройку хитростей в тюряге. Глухой считал Чарли идеально подходящим для осуществления своего плана. У Чарли были голубые глаза и небольшое круглое брюшко.

– Что я обычно люблю делать под Рождество, – сказал Чарли, – так это – смотреть телик. Под Рождество готовят много эксклюзивов. На прошлое Рождество я смотрел Перри Комо по телику. Ты знал, что раньше он работал парикмахером? Мой кузен Энди раньше тоже работал парикмахером, до того, как занялся квартирными кражами. Перри Комо не занимается кражами.

– Ты будешь дома в семь-тридцать, – сказал Глухой. – Можешь смотреть телевизор хоть всю ночь напролет.

– Я вхожу в четверть седьмого, да? – спросил Чарли.

– В четверть седьмого уже в хранилище, – сказал Глухой.

– Да, конечно, я об этом и говорил, – он снова почесал голову. – Ты уверен, что Лизи дала тебе правильные номера?

– Несомненно.

– Я имел в виду комбинации.

– Я понял, о чем ты. Номера абсолютно верные.

– И на внешней двери есть маленькая кнопочная панель, верно? – сказал Чарли.

– Да. Она встроена в стену справа от двери.

– Дверь стальная, да?

– Стальная.

– А за ней еще одна.

– Да, с другой панелью и вторым набором цифр.

– А внутри – сейф еще с одним набором цифр.

– Да.

– У них там прямо грёбанный Форт Нокс! – сказал Чарли.

– Не совсем, – улыбнулся Глухой.

– Но все же. Три набора номеров.

– Не переживай об этих номерах, – сказал Глухой. – На самом деле ты успеешь заучить их задолго до того, как они тебе понадобятся.

– Да, – неуверенно сказал Чарли.

– До того, как мы приступим к делу, ты будешь знать их также хорошо, как своё имя.

– Ну да, – сказал Чарли.

– Тебя это напрягает? Заучивать цифры?

– Нет, нет, я просто не хочу, чтобы что-то пошло не так, вот и всё.

– Всё пройдет как надо, если мы подготовимся к любым неожиданностям. Конечно же, возможно ты забудешь эти комбинации даже после того, как повторишь их тысячу раз. Но это не вероятно.

– Я даже не знаю, что значит это слово «вероятно», – сказал Чарли.

– Возможность – это когда что-то способно случится или состояться в соответствии проверенным фактам, законам или обстоятельствам. А вероятность, в свою очередь, – когда, что-то ожидаемо случится или станет реальным. Чтобы объяснить доступнее…

– Да, пожалуйста, – сказал Чарли.

– Возможно, что наше предрождественское приключение пойдет совершенно наперекосяк, в случае чего, мы оба проведем массу времени за решеткой. Но, тем не менее, вероятно, что все пройдет, как запланировано и мы выйдем из нашего приключения богаче

на полмиллиона долларов.

– Которые мы разделим на три части, правильно? – сказал Чарли. – Тебе, мне и Лизи.

– Да, на троих, – подтвердил Глухой.

Чарли кивнул, но вид у него был озабоченный.

– Всего две телки внутри хранилища, да? – спросил он.

– Да. Всего две: кассир и её помощник.

– И ты хочешь, чтобы я позаботился о них обоих, да?

– Незамедлительно. Сразу как окажешься в хранилище.

– Ну, это – самая легкая часть – позаботиться о них, – сказал Чарли.

– А какая самая трудная? – спросил Глухой.

– Ну… заучить комбинации, я думаю. Ты же знаешь, там восемнадцать цифр. По шесть на каждой панели.

– Ты выучишь их, не переживай. Тебе не надо думать о них, как об одном наборе из восемнадцати цифр. Будет легче запомнить, представляя их в виде трех отдельных наборов из шести.

– Ага.

– Три отдельные и конкретные комбинации.

– Ага.

– На самом деле, – сказал Глухой, улыбаясь, – комбинации – отличный способ понять разницу между возможностью и вероятностью.

Чарли тупо уставился на него.

– Давай начнем с чего-нибудь попроще, – сказал Глухой. – Возьмем две цифры. Сколько существует возможных комбинаций этих двух цифр?

– Две? – неуверенно спросил Чарли.

– Именно. Если эти числа – один и два, можно их расположить в последовательности один-два и два-один. Никаких других возможных способов нет без вступления в противоречие установленным фактам, законам или обстоятельствам. А теперь добавим еще одно число. Число три. У нас теперь три числа. Один, два и три. Сколько комбинаций можно составить из этих чисел?

– Проще простого, – сказал Чарли, – три.

– Неправильно. Их можно расположить в шесть разных комбинаций. Вот как, – сказал он, взял карандаш и положил блокнот на стол. Быстро двигая карандашом, он изобразил все возможные комбинации из цифр один, два и три:

1-2-3

1-3-2

2-1-3

2-3-1

3-1-2

3-2-1

– Эй, как же это? – воскликнул Чарли.

– Чтобы подсчитать количество возможных способов расположения любого количества чисел, нужно умножить высшее число на то, что идет ниже, а затем результат умножить на следующее нижнее число и так далее. К примеру у нас есть три числа: один, два и три. Все просто: мы умножаем три на два и получаем шесть. Умножаем шесть на один и снова получаем шесть. Правильный ответ – шесть. И как мы только что увидели, на самом деле существует шесть возможных способов расположения этих трех чисел.

– Я никогда не был силен в арифметике, – сказал Чарли.

– Когда у тебя становится больше чисел, то все гораздо сложнее, – сказал Глухой. К примеру на тех цифровых панелях за каждой дверью есть девять цифр. Представляешь сколько существует возможных комбинаций для этих девяти цифр?

И снова Чарли тупо уставился на него.

– Хорошо, – сказал Глухой, – проведем умножение. Девять умножить на восемь,

умножить на семь, потом на шесть, на пять, на четыре и так далее до единицы. Девятью восемь равно семьдесят два. Семьдесят два умножить на семь равно пятьсот четыре. пятьсот четыре умножить на шесть равно три тысячи двадцать четыре. И так далее. Если перемножить все до конца, окажется, что существует триста шестьдесят две тысячи восемьсот восемьдесят возможных комбинаций из девяти цифр. Ответь же мне: существует ли вероятность – шанс – что кто-нибудь случайно угадает комбинацию цифр, открывающую наружную дверь? А другую комбинацию из шести цифр для внутренней двери? А еще третью комбинацию для самого сейфа?

– Нет никакого способа посчитать это, – сказал Чарли, покачивая головой.

– Есть, конечно, но на это может уйти вечность. Вот почему были придуманы кодовые замки.

– Вот почему была придумана Лизи, ты хотел сказать.

– Да, безусловно, – сказал Глухой, улыбаясь. – Для того, чтобы снабдить нас комбинациями.

– За что она и получает третью часть добычи, – сказал Чарли обеспокоенно. – Думаешь, это справедливо?

– Справедливо что?

– Что она получает треть.

– Без неё мы бы вообще не занимались этим.

– Да, точно, – сказал Чарли, – только не мы, а я.

– Я знаю.

– Ага, но ты только что сказал "мы бы занимались"…

– Один из нас должен оставаться снаружи, – сказал Глухой. – Ты это знаешь. – Он сделал паузу, а затем спросил – Ты бы предпочел, чтобы я был внутри?

– Ну, думаю, я лучше выгляжу в этой роли, – сказал Чарли.

– Именно.

– И все же.

– В чем дело, Чарли? – сказал Глухой. – Расскажи мне все, что тебя беспокоит. Не хочу никаких проблем ни сейчас, ни когда-то потом.

– Ладно, вот что меня беспокоит, – сказал Чарли. – Я в одиночку иду в хранилище с пушкой. Я в одиночку должен позаботиться о тех двух телках внутри. Ты ожидаешь снаружи, а Лизи вообще нет нигде поблизости. Ладно, это была твоя идея, весь план ограбления. Я не в претензии на твою долю, зная, что ты единственный, кто проиграет, если тебя схватят с награбленным в то время как я уже буду дома на свободе. Но с чего это Лизи обламывается целая треть, когда все, что она сделала – просто принесла нам схему?

– И комбинации.

– Ага, пусть так, и комбинации.

– Без которых, вообще не было бы никакого дела.

– Тут вопрос только в справедливости, вот и всё, – сказал Чарли. – Мы с тобой берем на себя самый большой риск.

– В известной степени, – мягко сказал Глухой, – именно ты берешь на себя самый большой риск.

– Вот спасибо тебе, – сказал Чарли, – Я рад, что ты так сказал, реально рад. Но это твое дело, по справедливости. И ты тоже рискуешь. Это Лизи ничем не рискует.

– Может быть, ты и прав.

– Думаю, что прав.

– Я поговорю с ней. Что бы ты ей предложил, Чарли?

– Ну, в хранилище лежат пятьсот кусков, предположительно пятьсот, не важно…

– Может, даже больше.

– Так я думаю, что если мы отдаем Лизи сто тысяч за подготовку, то остальное поделим с тобой пополам.

– Я расскажу тебе, что сделаю я, – сказал Глухой, – по справедливости.

– По справедливости.

– Мы отдаем Лизи ровно сто тысяч, как ты и предлагаешь. Но себе я возьму только сто пятьдесят, а ты забираешь львиную долю – двести пятьдесят тысяч.

– Эй, нет, я ничего подобного не предлагал! – сказал Чарли.

– Так будет справедливо, Чарли.

– Ну, – сказал Чарли.

– Так тебя устраивает?

– Ну, если устраивает тебя.

– Меня вполне устраивает.

– Потому как мне не хочется ничего говорит типа, что меня разыскивают в двух штатах за убийство, понимаешь о чем я?

– Я как раз знаю, о чем ты. И я ценю это.

– А я тоже ценю то, что делаешь ты, тот жест, что ты только что сделал. Я реально ценю это, Дэн.

– Хорошо. Так мы договорились?

– Я не мог быть счастливее, – сказал Чарли и снова принял обеспокоенный вид.

– Что на этот раз? – спросил Глухой.

– Думаешь, она смирится с этим? Лизи?

– О, конечно же смирится!

– Я тоже надеюсь. Не хотелось бы, чтоб она настучала на нас из-за того, что не получила свою ожидаемую долю.

– Нет, не волнуйся об этом, Чарли.

– Кстати, где она? – спросил Чарли. – Она будет здесь, когда мы пойдем проворачивать все это дерьмо?

– Она уже сделала свою работу, – сказал Глухой. – Она больше не нужна.

Он посмотрел на Чарли думая, может ли тот хотя бы подозревать, что как только он вынесет наличные из хранилища, его работа будет закончена и также отпадет надобность и в нем самом.

– А сейчас, – сказал Глухой, – комбинации.

– Ага, эти грёбанные комбинации, – проворчал Чарли.

– Думай о них, как о трёх наборах цифр, Чарли, забудь, что вместе это восемнадцать цифр.

– Ага, хорошо.

– Можешь сказать мне первую комбинацию? Шесть цифр для внешней двери?

– Семь-шесть-один, три-два…

– Неправильно.

– Семь-шесть-один..

– Да?

– Три-два…

– Нет.

– Нет?

– Нет.

– Три-два…

– Нет, там два-три.

– Ах, да. Два-три, ага. Два-три-восемь.

– А внутренняя дверь?

– Девять-два-четыре, три-восемь-пять.

– Верно. А сейф?

– Два-четыре-семь, четыре-шесть-три.

– Отлично, Чарли. Давай снова пройдемся с начала.

– Семь-шесть-один. Два-три-восемь.

– Еще раз.

– Семь-шесть-один, два-три-восемь.
– Еще раз.
– Семь-шесть-один, два-три-восемь.
– А внутренняя дверь?
– Девять-два-четыре…

Глава 5

"Восемь, четыре, три," – размышлял Браун.

Он рассматривал доску объявлений в комнате детективов, где в один ряд были приколоты любовные записочки Глухого чуть пониже листовок "разыскивается" и напоминания о том, что ежегодный предрождественский бал отдела детективов состоится вечером в среду 14 декабря

Восемь черных лошадей, четыре полицейские фуражки и три пары наручников. "Шесть, пять", – продолжал Браун. Полицейский радиокод 10-5 означал повтор сообщения.

Но здесь было 6-5.

Шесть полицейских жетонов и пять раций.

"Проклятый Глухой!" – подумал Браун и направился к вешалке, стоящей в углу комнаты. Этим утром он одел красное драповое пальто в клетку, что делало его вид еще массивнее и суровее, чем обычно. На голове – голубая вязанная шапка из шерсти. Вокруг шеи повязано красное кашне. Всего лишь четырнадцатый день ноября, а за окном словно уже наступила Сибирь. Он лениво подумал, а не Глухого ли это рук дело? Может быть, Глухой был русским шпионом. И управлял погодой, как управлял всем остальным.

Часы в комнате детективов показывали без десяти восемь, но лишь один человек из "смены могильщиков" оставался на месте. "Должно быть, спокойная ночка выдалась", – подумалось Брауну. "За окном холод собачий", – сказал он ОБрайену.

ОБрайен посмотрел на него из-за печатной машинки, хмыкнул, взглянул на настенные часы и сказал: "Тебе ночью звонили пару раз, сообщения у тебя на столе".

За окном прогретой комнаты детективов ветер кружил листья, срывал шляпы, поднимал юбки и гнал газеты с кучей прочего хлама по всей улице. Было приятно находится внутри. Пройдя всего лишь от станции метро к участку, Брауну показалось, что он отморозил пальцы на руках и ногах. Наверное стоило поддеть теплые кальсоны. Хотя в комнате было тепло и уютно. Даже кофе Мисколо, что варилось дальше по коридору, пахло хорошо. Браун снял свое пальто и повесил его на вешалку, пристроив поверх него свое кашне. Голубую вязаную шапочку он оставил на голове. Шапочка помогала ему чувствовать себя Большим Плохишом Лероем, только что вышедшим из Каслвью, где он мотал срок за поджог, убийство и изнасилование. Да, взгляни на это, чувак! Перейдешь мне дорогу и домой пойдешь поломанный. Улыбаясь, Браун сел за свой стол и посмотрел на кипу мусора, сброшенного ему "сменой могильщиков".

В комнате было тихо, если не принимать во внимание вой ветра бушевавшего снаружи и клацанье печатной машинки ОБрайена. Браун перелистывал бумаги на своем столе. Записка от Коттона Хоса сообщала, что ночью звонила жертва квартирной кражи и интересовалась, не мог ли детектив Браун помочь найти украденный телевизор. Департамент Мизерных Шансов. Тот телевизор исчез в самой большой в мире комиссионке. Воры в этом городе давали скидку больше, чем в обычном магазине при полной распродаже. Некоторые даже совершали кражи под заказ. Хотите новейший видеомагнитофон? Какой марки? RCA? Sony? Увидимся завтра вечером в это же время. Обнаружение этого украденного телевизора было подобно находке горшочка с золотом в канализационной трубе. Он подумалось, правда ли, что в канализации водились аллигаторы. Однажды он преследовал вора в канализации и повторять это ему больше не хотелось. Капающая вода, крысы и вонь, которую он не мог вымыть из своих ноздрей целых десять дней.

Недавно Хос жаловался, что работа в смену с полуночи до восьми разрушала его

сексуальную жизнь. В это время его сексуальная жизнь была Энни Роулз, полицейской леди из Отдела Изнасилований. Брауну было любопытно, каково это – ложиться в постель с детективом первого класса. Извините, мадам, Вы не возражаете, если я отстегну Ваш жетон, он так и липнет к моей руке. Шесть полицейских жетонов. Карелла говорил, что жетон с номером семьдесят девять принадлежал парню по имени Ангус МакФерсон, давно лежащему в могиле. Так откуда Глухой его достал? "Проклятый Глухой", – подумал Браун снова. Он просматривал другие сообщения, когда зазвонил телефон.

– Восемьдесят седьмой участок, Браун, – сказал он.

– Алло, да, – сказал голос на другом конце. Молодая женщина. Слегка волнуется. – Будьте так добры, могу я поговорить с детективом Кареллой?

– Мне жаль, но его нет на месте, – сказал Браун. – Должен быть здесь с минуты на минуту. – Он посмотрел на настенные часы. Без пяти восемь. – Может хотите передать ему сообщение?

– Да, сказала женщина. – Можете передать, что ему звонила Наоми?

– Да, мисс, Наоми, а дальше? – сказал Браун. ОБрайен направлялся к выходу. Он кивнул Брауну и тот ему кивнул в ответ.

– Скажите ему просто: "Наоми". Он знает, кто это.

– Но, мисс, было бы неплохо…

– Он поймет, – сказала она и повесила трубку.

Браун посмотрел на трубку телефона, пожал плечами и положил её на рычаг.

Карелла вошел в комнату детективов спустя три минуты.

– Твоя подружка звонила, – сказал Браун.

– Я велел ей никогда не звонить ко мне на работу, – ответил ему Карелла.

Он походил на эскимо. На нем был короткий шерстяной труакар с натянутым на голову капюшоном. Капюшон на меху, по мнению Брауна, похожем на кролика. И перчатки имели меховую подкладку. Нос у Кареллы раскраснелся от холода, глаза слезились.

– Куда подевалось лето? – мечтательно сказал он.

– Наоми, – сказал Браун и подмигнул. – Она сказала, что ты знаешь какая…

Телофон вновь зазвонил.

Браун поднял трубку.

– Восемьдесят седьмой участок, Браун. – сказал он.

– Привет, это опять Наоми, – голос по-прежнему звучал немного нервно. – Извините за беспокойство, но мне нужно уходить на работу через пять минут и я не уверенна, что у него есть мой рабочий номер.

– Подождите минутку, он только что пришел, – сказал Браун и передал трубку Карелле. – Это Наоми.

Карелла посмотрел на него.

– Наоми, – повторил Браун и пожал плечами.

– Шутишь? – удивился Карелла.

– Это Наоми, – сказал Браун. – Стал бы я шутить с тобой насчет Наоми?

Карелла подошел к своему столу.

– На какой она линии?

– На шестой. Хочешь немного уединиться? Мне пойти вниз погулять?

Карелла нажал шестую кнопку на телефонном аппарате и взял трубку.

– Детектив Карелла, – сказал он.

– Стив? – спросил женский голос. – Это Наоми.

– Угу, – сказал он и взглянул на Брауна.

Браун закатил глаза.

– Ты обещал позвонить, – сказала она.

– Угу, – сказал Карелла и снова взглянул на Брауна. Карелла подумал, что появлению в телефоне молодо звучащей леди существует лишь два возможных объяснения. Первое: она была кем-то, с кем он раньше сталкивался по работе, добропорядочным гражданином,

подавшим какую-то жалобу, а он просто забыл её имя. Или второе, что казалось более вероятным: умники из 87-го решили состряпать изощренную хохму, а его выбрали в качестве мишени. Карелла вспоминал, как в апреле, они попросили знакомую проститутку придти в участок и сказать Дженеро, что она забеременела от него. А теперь вот Наоми. Голос из города называл его Стив и говорил, что он обещал позвонить. А в другом конце комнаты сидит Браун и выжидающе поглядывает на него. "Хорошо", – решил Карелла, – "сыграем роль до конца".

– Стив? – сказала она. – Ты все еще там?

– Ага, – сказал он. – Все еще здесь. По какому Вы поводу, мисс?

– По поводу твоего пистолета.

– О, понимаю, моего пистолета, – сказал он.

– Да, твоего большого пистолета.

– Угу, – сказал он.

– Когда я снова увижу тебя, Стив?

– Ну, тут всё зависит, – сказал он и улыбнулся Брауну: "Как там её, ты говорил, зовут?"

– В чем дело? – сказала она. – Ты можешь сейчас говорить?

– Да, мисс, конечно, – сказал он. – Но полицейские инструкции требуют, чтобы мы узнавали имя и адрес любого, кто звонит в участок. Разве Вам об этом не говорили?

– Не говорили мне кто?

– Те, кто надоумил Вас позвонить мне.

В трубке установилось долгое молчание.

– В чем дело? – сказала наконец она. – Ты не хочешь говорить со мной?

– Мисс, – сказал Карелла, – Я с удовольствием поболтал бы с вами, честное слово. Я бы говорил с вами часами без конца. Но все дело в том, что здешние болваны – он многозначительно посмотрел на Брауна – кажется, даже не понимают, что у прилежного полицейского детектива есть более важные дела в восемь утра, чем…

– Почему ты себя ведешь так странно?

– Может вы хотите снова поговорить с Арти? – сказал Карелла.

– Кто такой Арти?

– Или это Майер постарался?

– Я не знаю, о чем ты говоришь сейчас, – ответила она.

– Коттон, я угадал? Это был Коттон.

– С кем я говорю?

– Вы говорите с тем, с кем они велели Вам поговорить, – ответил он и подмигнул Брауну. Браун не подмигнул в ответ. Карелле внезапно стало не по себе.

– Это детектив Карелла? – спросила она.

– Да, – осторожно сказал он, начиная подозревать, что совершил ужасную ошибку. А что если то был добропорядочный гражданин, позвонивший законному полицейскому делу…

– Тот, кто привязывает девушек к кровати и играет в "Русскую рулетку", – сказала она, – с деревянной пулей.

"Ой-ой, – подумал Карелла, – псих!" Он подал сигнал Брауну подключиться к линии, а затем поместил указательный палец к виску и покрутил им, что на универсальном языке означало рехнувшегося человека.

– Можете сообщить мне свою фамилию? Будьте так добры! – сказал он. Теперь он настроен на работу. Возможно, кому-то была нужна помощь. Браун поднял трубку у себя на своем столе. Оба мужчины услышали тяжелый вздох на другом конце линии.

– Ладно, – сказала она, – хочешь поиграть – поиграем. Меня зовут Наоми Шнайдер.

– А какой у Вас адрес?

– Ты знаешь мой адрес, – сказала она. – Ты провел весь чертов уик-энд со мной.

– Хорошо, но можете дать мне его еще раз, мисс?

– Нет, я не дам тебе его еще раз. Если ты вдруг забыл, где я живу, Бога ради…

– Вы там одни, Мисс, – спросил он. Иногда звонили от отчаяния. Иногда просили сержанта соединить с детективами и, бывало, сержант говорил "Одну минутку, я соединю вас с детективом Клингом", или Брауном или, черт побери, в данном случае с детективом Кареллой. Но как она сказала её зовут?

– Да, я одна, – сказала она. – Но ты можешь подъехать прямо сейчас, я собираюсь на работу.

– А где это, мисс? Где вы работаете?

– Я одеваю то, что ты велел мне, – сказала она. – Я одевалась так каждый день.

– Хорошо, мисс, где вы работаете?

– Пояс с подвязками и чулки, – сказала она.

– Вы можете сказать мне, где вы работаете, мисс?

– Без трусиков, – соблазнительно прошептала она, – без лифчика.

– Если вы сообщите мне, где работаете…

– Ты знаешь, где я работаю, – ответила она.

– Мне кажется, я забыл.

– Может быть, ты просто не слушал.

– Я слушал, но думаю, что я…

– Может быть, тебе стоит включить свой слуховой аппарат, – сказала она.

– Мой что? – тотчас же переспросил Карелла.

– Что? – не поняла Наоми.

– Почему Вы упомянули слуховой аппарат? – спросил Карелла. В трубке долгое время молчали.

– Мисс? – позвал Карелла.

– Вы уверены, что это Стив Карелла? – спросила она.

– Да, это…

– Потому как, у тебя чертовски странный голос, должна тебе сказать…

– Послушайте, я бы хотел встретиться с Вами, – сказал Карелла, – честно. Если бы Вы мне дали свой адрес…

– Я говорила уже, что ухожу на работу через несколько минут…

– А где это? Я бы хотел поговорить с вами, Наоми…

– И это всё, чего бы тебе хотелось сделать?

– Ну, я…

– Я думала, ты хочешь трахнуть меня снова.

Браун вопросительно поднял брови. "Господи Иисусе", – подумал Карелла, – "он считает, что я в самом деле знаком с этой девушкой!" Но она упомянула слуховой аппарат, и в настоящий момент ему было плевать на то, что думает Браун.

– Да, я бы хотел сделать и это тоже, – сказал он.

– Ну наконец-то, – снова тяжело вздохнула она. – Из тебя будто клещами надо вытягивать слова, так получается?

– Скажите мне, где Вы работаете?

– Ты уже знаешь, где я работаю. Впрочем, почему бы тебе не придти сюда?

– Ну, я думаю…

– Мы бы могли заняться чем угодно, правда, Стив? – сказала она и хихикнула. "Мы могли бы арестовать меня"

– В котором часу Вы освобождаетесь вечером? – спросил он.

– В пять.

– Хорошо, дайте мне свой адрес, я заскочу как только…

– Нет, – сказала она.

– Наоми…

– Ты постараешься вспомнить мой адрес, хорошо? – сказала она. – Я буду ждать тебя. Я буду раскрыта настежь и буду ждать тебя.

На линии что-то щелкнуло.

– Мисс? – позвал он

Линия молчала.

– Вот дерьмо! – воскликнул Карелла.

Браун уставился на него.

Карелла положил трубку на рычаг. "Послушай," – сказал он, – "если ты думаешь, что…"

"Нет, я так не думаю", – ответил Браун, – "Я думаю о Глухом".

* * *

Если бы этот город был немного меньше, то человек из телефонной компании, появляясь в различных участках по всему городу и заявляя, что пришел устранить неисправность на линии, мог показаться более подозрительным. Но этот город был больше множества других, являясь на самом деле одним из самых больших городов в мире, и многие копы не обращали особого внимания на телефонного мастера в своей среде. На телефонного мастера обращали столько же внимания, как на электрика или водопроводчика. Человек, свободно снующий туда-сюда был фактически невидимкой.

Конечно же, существовали правила и инструкции относительно посетителей полицейского участка. Из-за случая с бомбой несколько лет назад теперь на входе в каждый участок стоял полицейский в форме. Он интересовался целью визита у каждого посетителя. Или, по крайней мере, предполагалось, что интересовался. Немногие из них действительно заморачивались этим. Всё потому, что большинству копов было ненавистно "дверное дежурство", как они его сами называли. Они не должны были прикладывать силу, а могли только стоять, ковыряясь пальцем в заду в ожидании нападений террористов, никогда не происходивших. Полицейская работа подразумевает действие. В простаивании на пороге участка было столько же действия, сколько в похоронном салоне.

Поэтому большинство полицейских на дверном дежурстве граждан, подходящих к ступенькам оценивали на глазок, затем кивком разрешали войти, и снова наблюдали за улицей, где время от времени – если им везет – ветер задирает юбку какой-нибудь девушке. Кроме того, если на парне комбинезон с название телефонной компании на спине, если к нагрудному карману комбинезона приколота пластиковая карточка с именем, если на поясе болтается желтая телефонная трубка линейного монтёра, вкупе с проводами и прочим хламом, и если у него в руке холщовая сумка с инструментом (некоторые копы на дверном дежурстве действительно осматривают сумку на предмет наличия в ней бомбы и тому подобного), то автоматически становится ясно, что парень именно тот, за кого себя выдает – просто мастер телефонной компании, пришедший устранить неисправность на линии.

Войдя в Двадцатый полицейский участок в центре города, Генри Капуто остановился у регистрационного стола, ровно как предписывал знак позади стола, и изложил цель своего визита дежурному сержанту.

– Телефонная компания, – сказал он. – Пришел, чтобы устранить неисправность на линии.

– Что за неисправность на линии? – спросил дежурный сержант. Он говорил по телефону все утро и не знал ни о какой неисправности на линии.

Генри полез в карман, вытащил оттуда клочок бумаги, прочитал его про себя и сказал: "Это Двадцатый участок?"

– В точку, дружище!

– Отлично, тогда значит здесь неисправность на линии. Хочешь, чтоб я её устранил или нет?

– Будь как дома, – сказал сержант, и Генри исчез в водовороте работающего участка.

Шевелюра у Генри была цвета йода, а глаза – цвета черного угля, и даже в своей телефонной униформе он походил на человека, готового перерезать вам глотку, если вы моментально не передадите свои часы по его просьбе. На самом деле однажды он таки

перерезал глотку человеку, за что отсидел срок в тюрьме строгого режима в Оклахоме. Он перерезал глотку человеку не за какие-то там несчастные часы. Поводом стало то, что человек прервал разговор Генри с проституткой в одном баре в центре Тулсы. Проститутка была настоящей скаковой лошадью, двухсот долларовым экземпляром, не чета тем кривоногим сучкам, что готовы отсосать за десятку в кабине грузовика. Генри не понравилось, что кто-то прервал поток его мыслей, особенно, в тот момент, когда у него был стояк. Человек сильно удивился, обнаружив, что его глотка перерезана и кровь заливает перед рубашки. Он всего-то успел сказать: "извините, мистер, не могли бы вы передать.." – и вдруг в руке Генри появился нож, и в следующий момент человек понял, что старался сквозь булькающую красную пену во рту сказать слово "арахис", но в итоге у него так ничего и не получилось.

К их обоюдному счастью тот человек не умер. Генри закрыли за то, что в этом городе было эквивалентно "нападению первой степени", преступлением класса "С", тянувшее на срок от 3 до 15 лет. Теперь Генри был на свободе, вернулся на восток, где он родился и вырос. И чёрт со всеми этими ковбоями и индейцами на западе, где невоспитанные люди прерывают чей-то разговор с леди! Генри приготовился снова занять место в цивилизованном обществе и хорошим началом здесь могла бы стать работа, или точнее – серия работ, которую этот парень, Дэннис Дав ему предложил. Генри чрезвычайно не любил полицейских. Он считал всех копов просто жуликами с жетонами. Потому идея с кражей у полицейских нравилась ему неимоверно.

Единственное, что Генри не мог понять, зачем этому типу по имени Дэннис Дав со слуховым аппаратом в ухе понадобилось все это барахло, украденное Генри в полицейских участках по всему городу. За что, к тому же, хорошо платили. Две штуки в задаток, плюс еще две, когда Генри притащит все барахло – это вам не картофельные чипсы. По правде, Генри сделал бы эту работу и за гораздо меньшую сумму. Такую веселую работенку было трудно отыскать в те дни. Кроме того, находясь в полицейских участках, он многое узнавал о полицейских. Из услышанного он понял, что все они были придурками и это совпадало с тем, что Генри думал о них все время. Было просто сказкой обкрадывать этих придурков, особенно в то время, когда они расспрашивали его без конца о том, как поживают их телефоны.

Обычно он входил и откручивал трубку от телефона, вертел в руках провода, проверял какие-то приборные панели в подвале, а потом снова поднимался вверх по ступенькам, переходил из одной комнаты в другую, здоровался с заключенными в камерах предварительного заключения и в обезьяннике, заскакивал в уборную подслушивать и возвращался к другому телефону, откручивая другую трубку, одновременно подбирая всякую мелочевку и складывая все в холщовую сумку, пока копы продолжали рассказывать пошлые шутки о всяких жуликах этого города, ни на секунду даже не подозревая, что один жулик был прямо в полицейском участке и обкрадывал их как слепых котят.

До настоящего времени Генри успел украсть четыре рации с подставок для зарядки расположенных на первом этаже участков и на дальней стене за регистрационным столом. Также он стащил три жетона с кителей в раздевалках, в то время как их хозяева принимали душ или дремали. Кроме того, у него была утяжеленная полицейская дубинка и целая кипа форм дополнительных отчетов отдела детективов из канцелярии одного участка. В дополнение ко всему, он украл две полицейских фуражки с парой наручников. Сегодня перед выходом отсюда он надеялся заиметь еще одну рацию, чтобы в сумме их стало пять, и возможно один-два жетона, а также листовки о розыске с доски объявлений, хотя это было довольно рискованно, учитывая, что гребанные копы постоянно крутились вокруг неё, будто для них там находилось что-то важное.

Ему было любопытно, зачем этому типу по имени Дэннис Дав нужны семь разных листовок. Именно так было указано в списке который он дал Генри: семь листовок о розыске. Если бы Генри только знал, что листовки о розыске представляли такую ценность, он попросил бы копов прислать ему одну с ним самим, которые были расклеены в паре

почтамтов после того, как он убил одну шлюху в Новом Орлеане. Его по-прежнему разыскивали за то дело. Это случилось после отсидки в тюрьме за перерезанную глотку того парня в Тулсе. Генри намылился на восток через Новый Орлеан. Он сцепился с этой проституткой, которая упрямо настаивала на том, что ей дали фальшивую "сотку". Это оказалось правдой, но, черт побери, невежливо говорить мужчине, что он расплатился деньгами из "Монополии", особенно после того, как только что отсосала у него! Поэтому он обработал её немного кулаками и, когда она стала кричать, что позовет сутенера, который вышибет из него всё дерьмо, Генри просто задушил её. Она защищала свои права, тупая манда! Обвиняла его в том, что он расплатился фальшивой купюрой, правда это или нет! Клиент всегда прав. И к тому же, это был жалкий минет!

Генри стало любопытно, не расклеены ли его листовки в здешних участках? Было бы нереально круто зайти в какой-нибудь участок в комбинезоне телефонной компании и увидеть как с доски объявлений на тебя смотрит твое же лицо! Вот что делало его род занятий таким интересным. Никогда не знаешь, что может случится в следующий раз.

– Где тут у вас первичный терминал? – спросил он у копа, забирающего рацию с зарядки в регистрационной. Генри не знал, что такое первичный терминал. Он придумал это на месте.

– Откуда, черт возьми, я могу это знать? – сказал коп.

– Обычно они в подвале, – сказал Генри.

– Ну так иди в подвал! – сказал коп и повесил рацию на пояс.

Генри подождал пока коп не повернется к нему спиной. Потом бросил короткий взгляд на стол регистрации посетителей, снял рацию с подставки для зарядки и бросил её в свою холщовую сумку.

– Эй ты, – послышался чей-то голос.

Кровь Генри застыла в жилах.

Он повернулся.

Здоровенный детина стоял у лестницы с металлическими ступеньками, ведущими на второй этаж. На нем была рубашка и кобура с пистолетом на груди.

– Раз ты здесь, – сказал он Генри, – у меня не работают клавиши на моем телефоне. Те, что отвечают за добавочные линии. Там наверху, в комнате детективов.

– Я взгляну на них, – ответил Генри. – Ты не знаешь, где первичный терминал?

***

Шестое письмо от Глухого пришло вместе с послеобеденной почтой.

Оно было адресовано Карелле, но Кареллы не было в комнате детективов. Все детективы были в курсе, от кого письмо, поэтому, поразмыслив тридцать секунд открывать его или нет, они назначили Майера ответственным нарушителем права коллеги на личную переписку.

В конверте находился, уже привычный всем, одинарный белый лист бумаги, свернутый пополам.

Майер развернул письмо.

Остальные столпились вокруг него.

И вот на что они смотрели:

Глава 6

День Благодарения всегда припадал на четвертый вторник ноября, в этот год на 24 число.

Любой детектив хотел иметь выходной в День Благодарения. На Рождество или Йом Кипур (День искупления – большой религиозный праздник в иудаизме) детективы разных

вероисповеданий могли поменяться сменами, чтобы отпраздновать свой праздник. Однако День Благодарения был внеконфессиональным.

Детективы 87-го слышали, что в одном из центральных отделов работает детектив-индиец. Индийский индиец. С приближением Дня Благодарения он становился очень популярным, так как приехал в страну только четыре года назад, – поработав до этого капитаном полиции в Бомбее – ему были непонятны местные особенности, и он не отмечал День Благодарения. Все хотели поменяться с ним на День Благодарения, потому что ему все еще были неведомы отбивные из молодого барашка с индюшатиной и клюквенным соусом.

В 87-ом отделе не было детектива-индийца.

В отделе работал детектив-японец, но он родился здесь, был в курсе о Дне Благодарения, и никому даже не снилось предлагать ему отказаться от своего обеда с индюшкой.

Но Дженеро предложил ему отказаться от праздничного обеда.

– А ты разве не буддист? – сказал Дженеро.

– Нет, я католик, – ответил ему Фудживара.

– Это внеконфессиональный праздник, – сказал Дженеро.

– И в чем твой вопрос?

– Вопрос в том, что у меня завтра дежурство, – сказал Дженеро, – и мне бы хотелось поменяться с тобой.

– Нет, – ответил Фудживара.

– Вы же не отмечаете День Благодарения, так ведь? – сказал Дженеро. – Буддисты?

– Иди на хер! – ответил Фудживара.

Дженеро показалось, что Фудживара излишне чувствителен из-за того, что он единственный япошка в отделе.

Дженеро спросил Энди Паркера, не хочет ли тот поменяться с ним дежурствами.

– У тебя ведь нет семьи, тебе не с кем есть индюшку, – сказал Дженеро.

– Иди на хер! – ответил Паркер.

Дженеро попробовал с Клингом.

– Ты же только что развелся, – сказал Дженеро. – Праздники – худшее время для людей, прошедших через развод.

Клинг просто посмотрел на него в ответ.

Дженеро подумалось, что в этом чертовом отделе все как-то неожиданно стали очень ранимыми.

Полицейскими, кому выпало работать в дневной смене 24 ноября, были: Дженеро, О`Брайен, Уиллис и Хос.

Дженеро расстроился из-за большого обеда в честь Дня Благодарения у его мамы назначенного на два часа пополудни. Остальные три детектива были не прочь поработать в этот день. Как и сам Дженеро, все они были холостяками, но их планы распространялись на более позднее время. Хос, в частности, с большим нетерпением ожидал запланированного на вечер: он не виделся с Энни Роулз почти целую неделю.

"Ребят, неужели ни у кого нет матери?" – не унимался Дженеро, продолжая хандрить.

Детективы на дежурстве были благодарны, что сегодня не работала никакая доставка почты. От Глухого ничего не было слышно с 14 числа. Они надеялись, что больше ничего от него и не услышат. Была уверенность, что, по крайней мере, сегодня не будет никаких известий. И, поедая бутерброды с индейкой, заказанные в ближайшей закусочной, они благодарили Бога за эти маленькие блага.

* * *

За угловым столом ресторана не далее, чем в десяти кварталах от полицейского участка, двое мужчин сидели и обедали индейкой с гарниром и приправами. Они потягивали хорошее белое вино, заказанное тем, что был со слуховым аппаратом в правом ухе.

Разговаривали обо всем понемногу.

"Перво-наперво, как ты вышел на меня?" – поинтересовался Суслик Нельсон.

Он получил свою кличку "Суслик" во время Вьетнамской Войны. На самом деле его звали Гордон. Но в то время он был подрывником и, всякий раз когда заходил разговор о том, возможно ли взорвать какой-нибудь мост или тоннель или вьетконговский склад с припасами, Гордон говорил "Давай-ка хорошенько постараемся", за что и получил кличку "Суслик" (так любил говорить суслик из старых американских мультфильмов). Тогда для Суслика не было ничего сверхсложного или рискованного. Вертолет сбрасывал его со снаряжением где-нибудь на закрытой территории, и он прокрадывался в покинутое логово врага, минировал всё с головы до ног и сидел в джунглях, ожидая, когда маленькие ублюдки в черных пижамах рысью прибегут назад. Маленький Суслик Нельсон один-одинешенек в джунглях, в ожидании момента, когда можно будет толкнуть переключатель и разнести их всех на мелкие ошметки. Суслик любил взрывы. Также он любил поджоги. На самом деле, с большим теплом Суслик вспоминал именно зажигательные устройства, которые он использовал в то время. Было нечто особо приятное в первый раз смотреть на пламя и всех этих грёбанных чурок, убегающих от смерти, а потом услышать, как от огня взрывается склад амуниции в подземных бункерах грёбанных тоннелей, которыми они изрыли всю страну. Очень приятно. Зажаришь чурку и наступит 4 июля. Суслику хотелось, чтобы Вьетнамская Война никогда не закончилась. На гражданке было трудно найти такую же приятную работу.

– Ну, я сделал это делом своей жизни – быть в курсе всего, что происходит, – сказал Глухой.

– Что это было? – спросил Суслик. – Работа на Купер Стрит?

– Да, она. И другие.

– Типа?

– Слышал, ты участвовал в ограблении "Фёрст Нейшнл Сикьюрити".

– О, да. В Бостоне.

– Да.

– Мало кто знал, что я там был при деле.

– Ну, как я говорю, для меня крайне важно знать об этом.

– Они по-прежнему разыскивают нас в тех краях.

– И какой по итогу вышла твоя доля? – спросил Глухой.

– Ну, это личное дело, так ведь?

– Я так понимаю, что ты вошел в дело за пять процентов?

– За десять. И это только за закладку взрывчатки. Меня не было поблизости, когда они входили. Они прикидывали, что в хранилище будет около восьми сотен кусков, но вышло что-то вроде грёбанного облома, по-большей части из-за несговорчивых охранников. По ходу они вышли с двухсот пятидесятью кусками, что было не плохо за час работы, правда? И думаю, моя доля с двухсот пятидесяти была хорошей. Остальные парни получили чуть больше пятидесяти шести каждый, но весь риск был на них.

– Я не могу дать больше двадцати пяти за это дело.

– Тогда, может быть, ты подобрал не того человека?

– Может быть.

Глухой налил еще вина в пустой стакан Суслика.

– Если ты хочешь "Кадди" (имеется в виду "Кадиллак"), – сказал Суслик, – не думай, что будешь платить по ценам "Шеви" ("Шевроле").

– Все, что я могу дать это – десять.

– За обе работы?

– Всего десять, да.

– Выходит только пять за каждое.

– Правильно.

– А первое дело – очень сложная работа, если ты понимаешь, о чем я. Там целых девять

отдельных работ.

– Ну, ты слегка преувеличиваешь, есть такое?

– Что значит преувеличиваю? Я считаю, что девять – всегда девять.

– Тебе ведь не придется делать все девять одновременно.

– Но тебе нужно, чтобы они взорвались одновременно.

– Да, безусловно.

– Или, как минимум, примерно в одно и то же время.

– В течение одного часа приблизительно. Меня не интересует какой-то особый час или минута.

– Но все они 2 января, верно?

– Да.

– Ну, кто знает, что я буду делать в следующем году? Ты забегаешь вперед на целые месяцы. Я прикидывал, что мог бы отправиться в Майами после Рождества.

– Ну, решать тебе, конечно. Я думал, ты мог бы заинтересоваться быстрым подъемом десяти тысяч, но если тебе неинтересно…

– Я не говорил, что мне неинтересно. Сидел бы я с тобой здесь, если бы мне было неинтересно? Я только говорю, что ты слишком мало предлагаешь, вот и всё. Особенно за второе дело. Оно должно быть рискованным, там будут все эти грёбанные копы. Я уже и не говорю, что это будет спустя три дня после первого дела, когда они будут на чеку, понимаешь, о чем я?

– Я не уверен, что ты понимаешь, – сказал Глухой. – Тебя не будет поблизости, когда…

– Я понимаю, понимаю, ты хочешь, чтобы все было сделано заранее, это мне понятно. Я о том, что после первого дела они могут начать всё вынюхивать и раскроют, мое дело и потом могут как-то на меня выйти.

– Как?

– Я не знаю как. Просто так говорю.

– Я с трудом представляю, что существует хотя бы вероятность этого.

– Ну, с этими копами, никогда ничего неясно. Кроме того, мне понадобится сложный таймер. Что-то на подобие примененного при покушении на Тэтчер – такой, чтобы я мог выставить, как минимум на неделю вперед.

– На машинах ты тоже будешь применять таймеры?

– Смотря по обстоятельствам. Ты хочешь, чтобы это случилось в дневное время? Или, может быть, ночью? Я про машины говорю.

– Это не важно, главное, чтобы это было 2 января.

– И надо ли их уничтожать полностью?

– Нет, это тоже не имеет значения.

– Ну, тогда, возможно я использую пятифунтовый заряд. Заряд такого размера раскроет все двери, крышу, багажник и приведет к довольно приличной аварии. ИРА ("Ирландская Республиканская Армия") использовала стофунтовые и даже двестифунтовые заряды для автомобильных бомб, но нам ведь не надо чего-то настолько эффектного, да? Для своих бомб они использовали смесь химического удобрения с дизельным топливом, которое мне не по душе из-за трудностей с его детонацией – необходим пироксилиновый заряд или же несколько палочек гелигнита (гремучий студень – растворенная в нитроглицерине нитроцеллюлоза), чтобы поджечь смесь. Когда я думал над этим, я пришел к выводу, что пятифунтовый заряд динамита реально сделает работу очень хорошо. И если тебе не важно, случится это днем или ночью, думаю, я могу подорвать их без таймера. Но для другого дела тебе ведь нужен пожар…

– Именно.

– Ну, это уже моя забота. Я должен спланировать взрыв, который приведет к пожару. Нам на пользу то, что мы имеем дело со старым зданием, старое дерево и штукатурка – они должны загореться очень быстро. Если использовать напалм – я еще не решил, буду его использовать или нет – то я могу приготовить его сам, смешав мыльную стружку с

керосином до получения желе, понимаешь? Это в том случае, если я…

– Ты можешь приготовить его самостоятельно?

– О, конечно, если остановлюсь на варианте с напалмом. Понадобится лишь исходные материалы и пароварка. Трудность с напалмом заключается в том, что ему не подходят задержки больше часа, особенно в горячем месте. Керосин испаряется. К тому же беда с напалмом в том, что запах керосина может его выдать. Мне надо подумать. Что бы я ни использовал, нужно спланировать маленький взрыв, приводящий к воспламенению, понимаешь? Это потому что я буду работать с таймером, понимаешь? Мысль в том, что сначала искра, потом взрыв и в конце твой пожар. Но как уже говорил, вторая работа не такая легкая, как может показаться. Даже попасть туда будет не …

– С тем, чтобы попасть туда проблем не будет.

– При условии, что ты достанешь для меня те карты.

– У меня эти карты уже на руках, – сказал Глухой, – поверь мне, это было очень легко.

– Для тебя всё легко, – сказал Суслик с улыбкой.

– Да, – согласился Глухой. – Когда подбираешь правильных людей, все легко.

– За правильных людей, – сказал Суслик, – нужно платить правильные деньги.

– Сколько ты хочешь? – спросил Глухой.

– Дэннис, я откровенен с тобой, – сказал Суслик. – Первая работа чертовски рискованная из-за того, что объектов – девять и они очень близко расположены. Это тебе не работа где-то на открытой местности. Я ведь собираюсь находится прямо за полицейским участком.

– С официальным разрешением на работу там.

– Конечно, при условии, что твои документы пройдут проверку.

– Пройдут.

– Кто делает документы для тебя?

– Тебе не нужно этого знать.

– Это моя задница, не твоя. Они учуют "липу" в этих документах и в ту же минуту моя песенка спета.

– Хорошо, я расскажу тебе. Кое-кто когда-то работал на ЦРУ, теперь делает документы для меня.

– Что за работа у него была в ЦРУ?

– Он работал в Отделе Документов.

– Фальшивые паспорта и тому подобное?

– Фальшивое что угодно.

– Ну хорошо, поверю тебе на слово с этими документам.

– Что должно бы развеять все твои опасения о факторе риска.

– Дело по-прежнему рискованное, независимо от документов. Я не могу сделать девять грёбанных машин за один день.

– Почему?

– Потому что это не просто. Я имею в виду не минирование. Если я сделаю, как задумал, то минирование одной машины займет две минуты. Дело в самом заряде, будет целых девять пятифунтовых зарядов, и я не смогу войти с таким грузом незаметно для всех. Хотя подожди-ка, если я сделаю, как задумал, то мне следует уложится в один день. Так. Я должен спланировать несколько ходок обратно к грузовику. Так. Ну, тогда порядок, я укладываюсь в один день. Но по-прежнему, остаются копы, снующие туда-сюда все время. Достаточно одному из них поинтересоваться, чем я, черт побери, занимаюсь…

– В этом случае тебе нужно снова показать документы.

– И молиться, чтобы они ничего не заподозрили.

Глухо тяжело вздохнул.

– Слушай, Дэн, мне неприятно до чертиков, поверь. Но как я уже говорил, дело касается моей задницы.

– Я спрашивал тебя, сколько ты хочешь. Я до сих пор не получил ответа. – За первую

работу, за девять машин. Я хочу семьдесят пять сотен.

– А за вторую?

– Она самая трудная для меня, что бы ты там себе не думал. Я хочу за нее десять тысяч.

– Итак, ты хочешь семнадцать с половиной за всё.

– Семнадцать с половиной, правильно.

– Я пришел сюда, приготовившись заплатить тебе десять.

– Ну что я могу сказать тебе, Дэн? Ты слишком дешево меня оценивал.

– Ты увеличил цену почти в два раза.

– Всегда можно найти кого-нибудь еще. Никто не пострадал, мы допьем вино, пожмем друг другу руки и распрощаемся.

– Я даю тебе ровно пятнадцать, бери или уходи.

– Подними до шестнадцати, и по рукам.

– Нет. Пятнадцать – все, что я могу себе позволить.

– Ты покупаешь меня задешево.

– По рукам?

– По рукам. Пять вперед, пять, когда я закончу внутри и еще пять, когда заминирую машины.

– Ты обдираешь меня как липку, – сказал Глухой, все еще улыбаясь. Он пришел сюда предложить десять, но не надеялся отделаться меньше чем за тридцать.

Мужчины потянулись через стол друг к другу и пожали руки.

– Когда ты сможешь начать? – спросил Глухой.

– Как только ты достанешь карты, документы, и весь остальной хлам. Кроме того, я хочу сперва осмотреться, чтобы убедиться, что не попаду прямо в логово льва. Один вопрос.

– Да?

– Почему ты хочешь, чтобы я это сделал? Я в том смысле, что…

– Назовем это личным вопросом, – ответил Глухой.

* * *

Дом Кареллы в Риверхеде представлял собой огромное, обременительное хозяйство, купленное за бесценок вскоре после того, как Тедди Карелла родила близнецов. Почти в то же самое время отец Тедди подарил им дипломированную няню на тот месяц, пока она будет приходить в себя, а Фанни Ноулз, в свою очередь, приняла решение остаться с ними на том жалование, которое они могли ей дать. Она заявила, что устала выносить ночные горшки за больными стариками.

Многие копы подначивали Кареллу из-за Фанни. Они говорили, мол, не знают ни одного действующего копа богатого на столько, чтобы содержать наемную домохозяйку даже такую, у которой голубые волосы и пенсне на носу. Мол, Карелла, по-любому берет взятки. Карелла сознавался, что позволить себе жизнь с домашней прислугой в нынешние времена было решительно трудно, многие ребята в Риверхеде всегда слишком запаздывали с платежами. На самом деле, ценность Фанни исчислялась её весом – все 150 фунтов – чистым золотом. Она вела хозяйство по дому со всей нежностью сержанта-муштровика из морской пехоты и частенько любила повторять "Я не убираю дерьмо ни за человеком, ни за тварью". Это выражение подхватили десятилетние близнецы в то время, когда учились говорить, и теперь Марк любил использовать его намного чаще Эйприл. Речевые обороты близняшек действительно, к великому ужасу самого Кареллы, были в большей степени смоделированы по образцам Фанни, чем кого-то еще. Тедди Карелла была глухонемой, и когда Кареллы не было дома, близнецы слышали только голос Фанни.

Когда в три часа в День Благодарения зазвонил телефон, Фанни на кухне мыла посуду. Не смотря на то, что её руки были в мыльной пене, она ответила на звонок. Когда бы они с Тедди не оставались дома одни, она, естественно, должна была отвечать на звонки. И даже, когда Карелла находился дома, она обычно поднимала трубку, не желая, чтобы какой-нибудь

идиотский детектив звонил по поводу дела, которое могло подождать до утра.

– Дом Кареллы, – сказала она.

– Да, алло? – сказал женский голос в трубке.

– Алло? – сказала Фанни.

– Да, я пытаюсь связаться с детективом Стивом Кареллой. Я не ошиблась номером?

– Это дом Карелы, да, – ответила Фанни.

– А детектив Стив Карелла на месте?

– Кто вы? Представьтесь, пожалуйста! – сказала Фанни.

– Наоми Шнайдер.

– Вы звоните по полицейскому делу?

– Ну… ммм… да.

– Вы – офицер полиции?

– Нет.

– Так в какой связи вы звоните, скажите, пожалуйста!

Гражданские не часто звонили сюда домой, но иногда все же случалось, даже не смотря на то, что номер в телефонной книге был зарегистрирован на Т.Ф. Кареллу, то есть Теодору Франклин Кареллу. Многие копы не приводили свои домашние номера в телефонных справочниках. Это было связано с тем, что мало какому преступнику нравилось быть упеченным в тюрьму, и кое-то из них, выходя на свободу, жаждал отмщения. В наши дни дело обстоит так, что большинство из них освобождается уже через десять минут после того, как их заперли в камере. Если вы зашвырнете ключ подальше, он прилетит вам обратно бумерангом.

– Я бы предпочла обсудить это с ним лично, – сказала Наоми.

– Ну, прямо сейчас он заканчивает обедать, – сказала Фанни. – Может, я передам ему сообщение?

– Скажите, пожалуйста, а вы не могли бы ненадолго прервать его обед? – сказала Наоми.

– Мне бы не хотелось этого делать, – сказала Фанни. – Они как раз пьют кофе. Если вы сообщите мне свой номер…

– Они? – удивилась Наоми.

– Он и миссис Карелла, да.

В трубке установилось долгое молчание.

– Вы имеете в виду его мать? – наконец спросила Наоми.

– Нет, его жену. Мисс Шнайдер, завтра он снова будет в участке, и, если желаете…

– Вы уверены, что я не ошиблась номером? – спросила Наоми. – Детектив, которого я имею в виду, не женат.

– Ну, этот как раз женат, – ответила Фанни. Она начинала испытывать легкое раздражение.

– Детектив Стив Карелла, верно? – не унималась Наоми.

– Верно, мисс, именно он живет здесь. Если вы скажете мне номер, по которому он может с вами связаться…

– Нет, не берите в голову, – сказала Наоми. – Спасибо!

И повесила трубку.

Фанни помрачнела. Она повесила трубку назад на настенный крючок, вытерла руки полотенцем и вышла в столовую. Откуда-то из глубины коридора доносился звук выкрученного на всю звука телевизора, близняшки хохотали от очередного мультфильма. Настал День Благодарения, а тут сплошные мультяшные коты гоняют мультяшных мышек. Карелла с Тедди сидели за обеденным столом, допивая вторую порцию кофе.

– Кто это был? – спросил Карелла.

– Кто-то, желающий услышать детектива Стива Кареллу, – ответила Фанни.

– Так кто?

– Женщина по имени Наоми Шнайдер.

– Что? – сказал Карелла.

– Позвонили не тому Карелле. – сказала Фанни и посмотрела на него. – Ей был нужен неженатый.

Тедди читала по губам. Она перевела вопросительный взгляд на Кареллу.

– Ты записала номер? – спросил он. – Она оставила номер?

– Она повесила трубку, – сказала Фанни и снова посмотрела на Кареллу. – Было бы неплохо, если бы ты сказал людям не приносить полицейские дела в твой дом, – добавила она и снова ушла на кухню.

***

Джози было всего четырнадцать. В этом и заключалась проблема. Прежде всего, ей не следовало находиться в парке, по крайней мере, не в час ночи и, определенно, не следовало заниматься тем, чем она занималась. Родителям она сообщила, что проведет ночь в доме Джессики Картрайт. И это было правдой, но она не рассказала им, что родителям Джессики всё равно, в какое время Джессика приходит домой и будут ли они с Джессикой готовиться к большому экзамену по французскому, как было обещано, и не пойдут ли вместо этого погулять с двумя семнадцатилетними парнями.

Семнадцатилетние парни заводили.

На самом деле заводили все парни без исключения.

Джози с Джессикой и еще двое ребят сходили в кино, а затем Эдди (парень с которым её свела Джессика) предложил немного прогуляться в парке, так как была прекрасная ночь и всё такое. Это было в октябре, когда погода совершенно слетела с катушек, и можно было прогуливаться в юбке и свитерке, которые и одела Джози в ту ночь. Двадцать четвертое октября, ночь на понедельник. Дата запомнилась ей из-за того, что экзамен по французскому не мог быть раньше среды, то есть, двадцать шестого числа, и они с Джессикой по-настоящему планировали готовиться к нему во вторник, правда в доме Джози, а не Джессики. Она хорошо запомнила дату еще из-за того, что увидела тогда в парке.

Джози вообще не хотелось идти в парк, ведь, если вы родились и выросли в этом городе, тогда должны знать: Гровер-Парк с наступлением темноты превращался в клетку с дикими животными, которые, окажись вы там, могли разорвать вас на куски или даже изнасиловать, что, по мнению Джози, было, может быть, еще хуже. Но Эдди сказал, что эта часть парка ночью безопасна, что, вероятно, было правдой. В этом городе районы чередуются очень резко. Можно пройтись по Гровер Авеню мимо строений с навесами, швейцарами и охраной (наподобие дома, где жила Джессика), а уже через два квартала сразу же попасть в район, где все стены разрисованы граффити и представители всяких меньшинств шатаются без дела по подъездам, потому что они получают пособие и не хотят работать. Именно так отец объяснял Джози, почему он голосовал за Рональда Рейгана. "Слишком много латиносов и ниггеров получает пособие", – говорил он. Джози ничего в этом не понимала, но Рональд Рейган казался ей привлекательным.

Так чем же они занимались после кино? Они направились в парк по маршруту, который предложил Эдди. Дело было около полуночи, слегка за полночь, и вход в парк, которым они воспользовались, находился в нескольких кварталах от дома Джессики в направление к центру города, что говорило в пользу безопасности района. Кроме того, справа от входа пролегала служебная дорога, так что здесь всегда можно было увидеть припаркованные грузовики паркового департамента. Это место должно быть довольно безопасно при условии, что город ставит сюда на стоянку грузовики в течение всей ночи. Ближе к окраине, где находился полицейский участок, район был ужасным, и если припарковать машину на ночь прямо на улице, то вернувшись за ней утром, обнаружится, что от нее остался один руль. Но Эдди пообещал, что они даже близко не будут подходить к тому району. Он знал несколько интересных местечек прямо здесь, возле служебной дороги.

Он вообще знал много чего, этот Эдди. Ну, семнадцать лет все-таки.

Например, он знал, как найти темное местечко, но недалеко от света. Грабителям это города не нравились никакие источники света. Темнота идеально подходила грабителям. "Это потому, что все они ниггеры" – говорил ей отец, – "Они отлично сливаются с темнотой". Она ничего в этом не понимала, но считала Эдди жутко привлекательным. Путь, которым он вел их четверых, пролегал мимо служебной дороги, где в самом конце она увидела припаркованный грузовик. Затем – вдоль дорожки с фонарями, отстоящими друг от друга на пятнадцать-двадцать футов, а после – взбирался на каменную площадку скалы, окруженной деревьями, дающих темноту, и с которой можно было наблюдать за дорожкой с фонарями.

То была прекрасная ночь.

Почти как весной.

Она никак не могла этого понять. Она продолжала говорить Эдди, что не может свыкнуться с таким мягким октябрем, точнее уже концом октября.

Джози не могла ума приложить, куда подевались Джессика с Аароном – так звали другого парня – они просто растворились где-то в кустах.

Эдди расстелил на земле для нее свой жакет.

На скале было очень темно.

На часах уже было минут десять первого.

Лежа на спине, она видела через желтеющую листву деревьев миллионы миллионов звезд. Эдди сказал, что все эти звезды являются солнцами, он был так умен, этот Эдди. Его рука забралась к ней под свитер, когда он говорил, что вокруг всех этих солнц могут вращаться свои планеты, что, возможно, там существуют солнечные системы на подобие нашей, что там могут жить люди, похожие на нас, где-то вдали на расстоянии миллионов световых лет, что в парке, вроде этого, вполне вероятно, какой-то зеленый парень с кожей ящерицы, пытается снять лифчик с зеленой девушки, что как раз и пытался проделать сам Эдди с бюстгальтером Джози. Она помогла ему с застежкой. Парни, даже в семнадцать лет, могут быть умными во многих отношениях, но когда дело доходит до крючков на бюстгальтере, у них случаются проблемы.

Эдди стал тискать и целовать её груди, вслух задаваясь вопросом, сколько могло быть грудей (он называл их"груди", а не "сиськи", что ей очень нравилось) у зеленых девушек там: две или может быть целых четыре, а то и больше – при мысли об инопланетной жизни мозги заходили в тупик. Кроме того, он интересовался, есть ли пенис (он называл его "пенисом", а не "петушком", что ей тоже было по душе) у зеленых парней на далекой планете на расстоянии миллионе миллионов световых лет от нас, как у земных парней или, может быть, они просят девушку подержаться за их нос или подмышку, а то и за один из рожков, при условии, что у них есть рога. Может им это кажется возбуждающим, кто знает?

– Ты хочешь подержать в руках мой пенис? – спросил он.

Что ж, одно влечёт за собой другое, знаете ли – он был очень опытным, этот Эдди – и было, наверное, около часа ночи, когда он объяснил ей, как правильно брать пенис в рот. Ей казалось, что лучше уж до конца заниматься только этим, ведь она не хотела забеременеть и сделать аборт, с чем, по словам её отца, Рональд Рейган покончит чертовски скоро, бьюсь об заклад, моя юная леди! Её голова находилась у него в руках и двигалась так, как он научил, когда на служебной дороге вдруг послышался шум двигателя. Она приподняла голову, чтобы посмотреть, не парковый ли это грузовик шумел, но Эдди прошептал: "Нет, не останавливайся". И она продолжила, особо не балдея от того, что рука Эдди на её загривке постоянно толкала голову вниз, и хотя это было лучше, чем забеременеть, она, черт побери, не желала задохнуться. Он сказал, что не будет кончать в рот, но, конечно же, соврал, и в тот момент, когда на дорожке появился мужчина, она находилась в размышлениях: глотнуть или сплюнуть?

Мужчина был очень высоким и светлым.

Он нес голую женщину.

Голая женщина была перекинута через плечо, словно какой-то мешок.

В лунном свете женщина казалась очень белой.

Мужчина прошел прямо у края скалы, на которой они сидели, не далее, чем в пяти футах от них. Когда он проносил девушку под фонарным столбом, Джози увидела кровь на её затылке, откуда длинные светлые волосы свешивались вниз.

Затем мужчина миновал фонарный столб и исчез в темноте. До Джози доносился лишь удаляющийся звук хрустящих листьев под его ногами.

– Ты видел? – прошептала она.

От возбуждения она сглотнула вместо того, чтобы сплюнуть.

"Это просто фантастика!" – сказал Эдди. – "Где ты этому научилась?" Казалось, он совсем позабыл, что сам выучил её.

– Ты видел того парня? – спросила Джози.

– Какого парня? – не понял Эдди.

– Того парня с… ты его не видел что ли?

– Нет, мои глаза были закрыты, – сказал Эдди.

– Твою мать… он тащил на плече мертвую девушку!

– Чего? – сказал Эдди.

– Ты хочешь сказать, что не видел его?

– Я видел звезды, – сказал Эдди и довольно улыбнулся.

– Давай сваливать отсюда, – сказала она, поднялась на ноги, вытерла тыльной стороной ладони рот, застегнула бюстгальтер, оправила свитер и прошептала в темноту: "Джессика?" Перед тем как покинуть парк, она заставила остальных подойти вместе с ней к служебной дороге, где за грузовиком паркового департамента был припаркован голубой "бьюик". Она глядела на номерной знак и снова и снова перечитывала номер, повторяя его вслух до тех пор, пока не заучила. В тот момент она думала, что можно было бы пойти в полицию, чтобы рассказать об увиденном. Это было до того, как её осенило, что пойди в полицию и придется рассказать о том, что она была поздно ночью в парке, занималась тем, чем не следовало бы, да к тому же, делом довольно неприятным самим по себе, даже если бы она не глотала.

Это было месяц назад.

Она не видела по телевизору ничего о мертвой леди в парке.

Может ей это просто привиделось.

Она не думала, что ей это привиделось.

Теперь, стоя перед участком и рассматривая зеленые шары с белыми цифрами "87" на каждом из них, она подумала: "Мой отец убьет меня".

Но девушка в парке уже была мертвой.

Джози сделала глубокий вдох и стала подниматься по ступенькам в участок.

Глава 7

Карелла прибыл через сорок минут, после того, как ему позвонил Хос. Официально убийство в парке было закреплено за Кареллой и Брауном и Хос позвонил им обоим, когда в участок пришла Джози Сиарс со своей историей. Ей было всего четырнадцать и закон определял, что несовершеннолетние не могут подвергаться опросу или допросу в какой-либо близости к взрослым преступникам. Хос предварительно поговорил с ней в пустом кабинете лейтенанта Бирна. Там их и обнаружил Карелла без десяти минут четыре в День Благодарения.

Хос смотрелся как закат на фоне металлически серого неба за окном. Он стоял у зарешеченного окна в углу кабинета лейтенанта, в его рыжие волосах виднелась тонкая полоской седины над левым виском, фиолетовый галстук свисал поверх того, что оказалось похожим на сиреневую рубашку с маленькой лошадкой поло вышитой над левой грудной мышцей. Он нарядился для свидания с Энни Роулз, на которое уже опаздывал. Хос надеялся выйти без четверти четыре, когда пришла новая смена. Дженеро вылетел из комнаты детективов со скоростью ракеты с мыса Канаверал. Хос задержался с четырнадцатилетней

девушкой, которая могла видеть мужчину, несущего труп в ночь на 24 октября.

– Ну что, займешься этим теперь? – спросил он Кареллу.

– Займусь.

– Увидимся, – сказал Хос и исчез.

Карелла взглянул на юную, темноглазую и темноволосую девушку, сидящую на стуле по другую сторону стола лейтенанта.

– Я детектив Карелла, – сказал он. – Детектив Хос сообщил мне по телефону, что ты видела, как что-то произошло в парке в прошлом месяце, и я хочу знать, не могла бы…

– Ну, я не видела, как что-то произошло, на самом деле, – сказала Джози.

– Как я понял, ты видела мужчину, который нес мертвое тело.

– Ну, я думала, что она была мертва, – сказала Джози. Она кусала кутикулы на правой руке и Карелла с трудом подавил в себе отцовский порыв сказать ей, чтобы она перестала так делать.

– Ты можешь рассказать мне, что ты видела? – спросил он мягко.

– Этот мужчина припарковал свою машину на служебной дороге…

– Ты видела, как он парковал машину?

– Нет, но я слышала, как машина подъехала и замолк двигатель.

– Продолжай.

– А затем он миновал нас на…

Внезапно она остановилась.

– Да?

– Мы находились на каком-то камне. Над тропинкой, – сказала Джози.

– Кто? – сказал Карелла. – Ты и еще кто?

– Я и этот парень.

– Понятно. В каком часу это было?

– Около часа.

– Около часа ночи?

– Ну да.

– Продолжай.

– И мимо прошел этот мужчина, – сказала Джози и вздрогнула.

– Как он выглядел, этот мужчина?

– Он был высоким и светловолосым.

– Слуховой аппарат у него был?

– Я не знаю. Я не видела никакого слухового аппарата.

Из всех детективов отдела лишь Карелла и Уиллис были единственными, кто когда-либо сталкивался с Глухим лицом к лицу. Уиллис видел его мельком во время перестрелки в подсобке магазина одежды. Карелла же – помнил его с момента их первой встречи…

Глухой повернулся от стереосистемы, стоящей у стены гостиной, Карелла увидел слуховой аппарат у него в правом ухе, а затем и дробовик в его руках. И внезапно стало слишком поздно, внезапно дробовик громыхнул. Карелла отвернулся от вспышки пламени. Он услышал как свистят дробинки, разрезая замкнутое пространство комнаты, а затем – как они ударили в плечо, словно сотня разъяренных ос именно в тот момент, когда он выстрелил в высокого блондина, уже мчащегося в его направлении. Внезапно плечо занемело. Он попытался поднять руку с револьвером и быстро понял, что не сможет. И только было он переложил оружие в другую руку и выстрелил – намного выше цели – как Глухой поднял дробовик и замахнулся прикладом, целясь в голову Кареллы. "Одноствольный", – подумал Карелла мгновением ранее перед тем, как приклад врезал его по виску, – "одноствольный, нет времени на перезарядку" , и – внезапно грянул взрыв реактивной желтой боли, приклад ударил еще раз, закружились звезды, вселенная обрушилась на него вместе с прикладом…

"Прошу прощения за опоздание", – сказал Браун, заходя в кабинет и закрывая за собой дверь.

– Это мой напарник, детектив Браун, – сказал Карелла, – Арти, это Джози Сиарс. Она как раз рассказывала мне, что она видела в парке месяц назад. – Он повернулся к Джози. – Это случилось 24 октября, верно?

– Ну, на самом деле двадцать пятого – ответила она, – было уже около часа ночи, вот.

– Правильно, – сказал Карелла. – А этот высокий блондин, которого ты только что описала…

– У него был слуховой аппарат? – тут же вмешался Браун.

– Я не видела никакого слухового аппарата, – сказала Джози. Она рассматривала Брауна, вспоминая все, что её отец говорил о ниггерах и сомневаясь, был ли он настоящим детективом. Ей не хотелось рассказывать какому то ни было ниггеру, чем они с Эдди занимались, когда она увидела мужчину с трупом на плече. Она надеялась, что они не поинтересуются, чем они с Эдди занимались.

– Что он делал? – спросил Карелла.

На какой-то миг она запаниковала, подумав, что Карелла имеет в виду Эдди. Потом поняла, что вопрос касался увиденного мужчины.

– Он нес девушку, перекинув её через плечо, – сказала Джози.

– Какого цвета она была? – спросил Браун.

– Белая, – сказала Джози, не зная был ли это вопрос с заковыркой.

– Какого цвета у нее были волосы? – задал вопрос Браун.

– Светлые.

– Сколько ей было лет, на твой взгляд? – спросил Карелла.

– Я не знаю.

– Но ты называла её девушкой.

– Ну, да, в общем. Я имела в виду, что она не выглядела как леди, если вы об этом говорите. Не как моя мама или еще там кто-то.

– Сколько лет вашей матери? – спросил Карелла.

– Тридцать восемь, – сказал Джози.

– И эта женщина была моложе? – спросил Карелла.

– Да.

– Можешь сказать навскидку сколько ей было лет?

– Ну, думаю, за двадцать. Я всего лишь мельком видела её, когда они проходили через свет.

– Как далеко они находились от тебя? Этот мужчина с женщиной.

– Пять футов или около того.

– А где находились вы?

– На том камне. Над тропинкой.

– И чем вы занимались? – спросил Браун.

"Вот и приехали", – подумала Джози.

– Сидели с парнем, – ответила она.

– С каким парнем?

– С одним моим знакомым.

– Как его зовут?

– Эдди.

– Эдди, а дальше как?

– Хоган.

– Он тоже видел мужчину? Того, что нес на плече женщину?

– Нет, он… он не видел её.

– Он сидел вместе с тобой, так? – спросил Браун.

– Да, но…

– Вы оба находились в пяти футах от того места, где мужчина…

– У него были закрыты глаза, – сказала Джози.

– У Эдди?

– Да.
– Он спал?
– Нет, но глаза были закрыты.
Джози отвернулась. Браун посмотрел на Кареллу. Карелла едва заметно кивнул.
– Выходит, ты – единственная, кто видел того мужчину, несущего женщину? – сказал Карелла.
– Да.
– И говоришь, что ты посчитала её мертвой. Что заставило тебя так подумать?
– У неё на затылке была кровь.
– Где именно?
– Вот здесь, – сказала Джози, приподняла волосы и коснулась своего загривка.
– Ты видела кровь?
– Да.
– У неё на затылке?
– Да. Её голова свешивалась вниз, понимаете? Он тащил её, перекинув через плечо и её голова свешивалась вниз. И волосы тоже, я смогла увидеть кровь на её затылке.
– И что потом?
– Ну, он просто пошел дальше. В смысле, я его больше не видела после этого.
– Где это случилось? – спросил Браун. – В какой части парка?
– Вы знаете, где служебная дорога? – спросила Джози. Возле Макомбер?
– Да, и?
– Прямо в том районе. Около въезда. Мы были немного в стороне от служебной дороги. Вот как получилось, что я услышала подъехавшую машину.
– А Эдди слышал машину?
– Я думаю, что нет.
– Машину не слышал, мужчину не видел.
– Нет.
– Но он не спал.
– Нет, не спал.
"Ни одним глазком", – подумала она и вспомнила соленый привкус во рту.
– Значит, вы были около служебной дороги у Макомбер-стрит, – сказал Карелла.
– Да.
– Примерно в десяти кварталах отсюда на запад.
– Ну, типа того.
– Когда мужчина скрылся из виду, он направился в этом направлении? Или пошел на запад?
– Что вы имеете в виду?
– Он уходил в направлении полицейского участка или от него?
– К участку.
– Что вы делали после этого?
– Ну, я крикнула Джессику…
– Кто такая Джессика? – спросил Браун.
– Моя подруга. Она была с другим парнем.
– Там же?
– Ну, я не знаю, где конкретно. Но поблизости.
– Она видела того мужчину?
– Нет.
– А её парень?
– Нет.
– Ладно, ты крикнула Джессику…
– Да и мы пошли искать машину. Ту, на которой он заехал на служебную дорогу.
– Вы видели эту машину? – спросил Карелла.

– Да. Голубого цвета. Эдди сказал, что то был "Бьюик Центери".
– А вы случайно не взглянули на регистрационный номер?
– Я взглянула.
– Сможешь ли ты его вспомнить…?
– WL-7, – сказала Джози, – 81-64.
Браун с Кареллой удивленно переглянулись.
– Ты уверенна, что это правильный номер? – спросил Карелла.
– Абсолютно.
– Ты записала его? – спросил Браун.
– Я заучила его наизусть.
– Умница, – сказал Карелла и улыбнулся.

* * *

С неба начинали срываться снежинки.

Наоми стояла под фонарем через улицу от старого дома и наверное уже в десятый раз спрашивала себя, стоит ей идти или нет. Её психиатр, которого она посещала три года назад, сказал бы, что у нее амбивалентность чувств. Это было одно из любимых выражений доктора Хаммерштейна – "амбивалентность чувств". Если она не могла выбрать между ванильным и шоколадным мороженым, то все из-за того, что у неё амбивалентность чувств. Однажды она запротестовала против употребления ним слова "амбивалентность", а он сказал: "Хорошо, ми делать прогресс". На самом деле он говорил по-другому, у него не было никакого немецкого акцента. Но Наоми всегда казалось, что акцент был.

Дом на другой стороне улице выглядел теплым и уютным.

День Благодарения все таки.

Причиной, вызвавшей у Наоми амбивалентность чувств было то, что с одной стороны, она не желала взваливать всю эту чертову проблему на жену этого ублюдка Кареллы, а с другой стороны, никто не имел права поступать так с нею, как она не разрешила бы, зная, что он женат, о чем он ей солгал. Коп, подумать только! Детектив! Солгал, попользовался ею, проделывал с ней отвратительные вещи, и даже не позвонил ей потом! Она обзвонила всех чертовых Карелл в телефонной книге Айсолы и прошла шесть номеров в справочнике Риверхеда, пока вчера ей не посчастливилось связаться с Т.Ф. Кареллой. Кто же скрывался, черт подери, за именем Т.Ф. Карела? Может, даже Стив – ненастоящее имя? Женатый мужчина. Она еще никогда не ложилась в постель с женатым мужчиной, подцепившим её в баре. С другой стороны, может быть, и надо бы. Айсидора Уинг ложилась в постель с женатыми, так ведь? Не в этом было дело. Вопрос здесь не стоял о её собственной морали, вся соль была в том, что человеку, присягнувшему поддерживать законы города, штата и нации, вполне позволительно исчезнуть, даже не позвонив той, кто разрешила проделывать с ней такие вещи. Ведь нельзя даже доставать оружие из кобуры без предупреждения, так ведь? Не говоря уже о том, что он сделал с ней.

Она представляла, как рассказывает об этом Хаммерштейну.

"Та? Это есть очень глубокий истинкт. Вы знать, чьто символизировать пистолет? "

Интересно, чем сейчас занимается Хаммерштейн, этот старый чокнутый ублюдок?

"Амбивалентность чувств", – подумала она и побрела через улицу по направлению к дому.

Снег налипал. Не стоило ей тащиться сюда через весь город. Если снег усилится, в общественном транспорте начнется ад. И все же, кое-что просто надо сделать. В отношение противоречий она усвоила один важный момент: если начинаешь действовать амбивалентность чувств исчезает. "Уж лучше ты, чем я, Стив", – подумала она и постучалась в дверь.

Дверь открыла толстушка небольшого роста с голубыми волосами.

"Это и есть его жена?" – подумала Наоми. – "Неудивительно, что он цепляет девок в

баре."

– Да? – сказала женщина.

– Мне нужен Стив Карелла, – сказала Наоми.

– Мне жаль, но его сейчас нет дома, – ответила женщина.

– Он был здесь полтора часа назад, – заявила Наоми. – Он пил кофе со своей женой.

Женщина пристально посмотрела на неё.

– Так это вы звонили сюда?

– Да, это я звонила сюда. – сказала Наоми. – Я Наоми Шнайдер. А вы его жена?

– Нет, я не его…

Еще одна женщина неожиданно появилась у неё за спиной. С темными глазами, волосами цвета вороного крыла, красивой грудью и ногами. Она с любопытством изучала Наоми. "Боже, она просто шикарна!" – подумала Наоми. – "И почему этот сукин сын изменяет ей?"

– Миссис Карелла? – спросила она.

Женщина кивнула.

– Меня зовут Наоми Шнайдер. Я бы хотела поговорить с вами о вашем муже. Можно войти?

Женщина следила за её губами, пока она говорила. Наоми сразу догадалась, что она была глухой. "О Боже", – пронеслось в голове у Наоми, – "что я здесь делаю?". Но женщина жестом уже приглашала её в дом.

Наоми шагнула внутрь.

"Я собираюсь разрушить этот дом до основания, Стив", – подумала она и проследовала за женщиной в гостиную.

* * *

Человек из Мототраснпортного Отдела перезвонил им менее, чем через десять минут после того, как они к нему обратились.

– Голубой "Бьюик Центери", – сказал он, – госномер WL-7 81-64, зарегистрирован на доктора Гарольда Лассера, Холл Авеню,1207.

– Один-двадцать-семь… – повторил Карелла, записывая.

– Помечен флажком "угнано" – продолжал человек из Мототранспортного, – может уже и обнаружилось, я не знаю. Наведите справки сами.

– Спасибо, – сказал Карелла.

* * *

Тедди неподвижно слушала рассказ Наоми, как она встретила мужчину в баре недели три назад, и он представился Стивом Кареллой. Детектив Карелла сообщил ей, что неженат. Впоследствии они отправились к ней на квартиру. Наоми в деталях поведала о том, чем они занимались на её квартире, в её глазах стояла решительность, слова беззвучно слетали с губ. Они провели вместе весь уик-энд. Он сказал, что хочет, чтобы она пошла на работу в понедельник без ничего под её…

Тедди подняла руку. Не совсем так, как это делает регулировщик, но почти с тем же эффектом. Она встала, прошла через всю комнату к шведскому бюро, стоящему у торшера Тиффани, взяла карандаш с блокнотом. Потом вернулась к Наоми.

В блокноте Тедди написала: "Вы уверенны, что его звали детектив Стивен Луис Карелла?"

– Он не сообщил мне своего полного имени, – сказала Наоми. – Он просто сказал: "Стив Карелла".

"Он сказал, где работает?" – написала Тедди.

Наоми продолжила рассказ.

Тедди следила за её губами.

Мужчина – она по-прежнему упоминала его как "ваш муж" – рассказывал ей, что работает на окраине, в 87-ом участке, прямо через дорогу от Гровер-Парка. Он сказал, что сейчас работает над убийством, случившимся 25 октября. Мертвая женщина в парке, твоего возраста, говорил он.

– Мне двадцать пять, – сказала Наоми с вызовом.

Он рассказал, что женщине выстрелили в затылок. Полностью голая, в чем мать родила. Зацепок не очень много, сказал он ей, но они работают над этим.

"Откуда она это знает?" – удивлялась Тедди.

На другом листе она написала: "Когда это было?"

"Четвертого ноября" – сказала Наоми. – "Вечер пятницы. Он ушел утром в понедельник, седьмого. Когда я пошла на работу в то утро – ваш муж просит вас пробежаться без нижнего белья под платьем? Он привязывает вас к кровати и тыкает своим адским…"

Тедди снова сделала жест регулировщика. Поднялась и снова подошла к бюро. Взяла в руки календарь деловых встреч. В пятницу вечером, 4 ноября, они с Кареллой ужинали с Бертом Клингом и его подругой Эйлин. Они разговаривали о пластической хирургии, над которой раздумывала Эйлин. Эйлин было больно обсуждать шрам, оставленный насильником на её левой щеке. В субботу, 5 ноября они с Кареллой водили детей в центр города на магическое представление. В воскресенье, 6 ноября, они навещали родителей Кареллы. Тедди подошла снова к Наоми. В блокноте она написала: "Подождите, пожалуйста" и спустилась вниз в столовую позвать Фанни.

*** * ***

Человек из Отдела по Угонам сообщил: "Транспортное средство все еще не найдено, Карелла"

– Когда произошел угон? – спросил Карелла.

– У нас запись от 23 октября.

– Откуда угнали?

– От офиса доктора. Холл, 1207

– В котором часу?

– В шесть вечера. Это когда он обнаружил пропажу. Он собирался домой с работы и сперва подумал, что это мы эвакуировали автомобиль. Он припарковался в запрещенном месте. Он позвонил в дорожную полицию, там ему сказали, что не эвакуировали его гребанную машину и что ему для начала не следует парковаться в запрещенных местах. Он сказал им, что он доктор медицинских наук Большая Шишка. Ему посоветовали обратиться в отдел по угонам, что он и сделал. Как бы там ни было, машина по-прежнему не обнаружена.

– Благодарю, – сказал Карелла.

*** * ***

– Миссис Карелла хочет, чтобы я переводила для неё – сказала Фанни. Она сложила руки на пышной груди и угрюмо взглянула на Наоми. – Это сэкономит массу времени.

– Отлично, – сказала Наоми и посмотрела в ответ не менее угрюмо.

Пальцы Тедди начали двигаться.

Фанни проследила за ними и сказала: "Мужчина, подцепивший вас, не был мои мужем".

– Вашим мужем? – переспросила Наоми. Выглядела она неожиданно озадаченной.

– Мужем миссис Кареллы, – сказала Фанни, – я перевожу в точности то, что она показывает знаками.

Пальцы Тедди снова задвигались.

– Мой муж и я вместе в тот уик-энд, о котором вы говорите, – сказала Фанни.
– Вы пытаетесь его защитить! – сказала Наоми непосредственно Тедди.
Пальцы Тедди пришли в движение.
– Как этот мужчина выглядел? – спросила Фанни.
– Он был высок и светловолос…
Проследив за пальцами Тедди, Фанни сказала: "У моего мужа каштановые волосы"
– Какого цвета глаза у него? – спросила Наоми.
– Карие, – сказала Фанни, опережая пальцы Тедди.
Наоми моргнула. Она внезапно осознала, что не может вспомнить, какого цвета у него были глаза. Черт побери, какого цвета у него были глаза? "Он носит слуховой аппарат?" – спросила она в отчаянии.
В этот раз моргнула Тедди.
– Нет, он не носит никакого чертового слухового аппарата, – ответила Фанни, хотя Тедди ничего не показывала. – Это был другой мужчина. А теперь я полагаю, вы должны выметаться отсюда, пока я…
Тедди снова показывала знаки. Очень быстро. Фанни едва успевала следить за ней.
– Этот мужчина, с которым вы познакомились – преступник, – переводила Фанни. – Мой муж захочет поговорить с вами. Вы не могли бы подождать его здесь? Мы ему сразу же позвоним.
Наоми кивнула.
Ей внезапно показалось, что она очутилась в каком-то шпионском романе.

* * *

Карелла не смог добраться домой раньше шести.
Наоми Шнайдер по-прежнему ожидала его появления. Фанни принесла ей чашку чая и теперь Наоми сидела в гостиной, скрестив ноги, болтала с Тедди посредством перевода от Фанни. Выглядели они как две давние подружки по комнате в колледже. Руки Тедди мелькали, глаза оживленно блестели.
Карелла показался Наоми очень привлекательным мужчиной и она сразу задумалась, изменяет ли он своей жене. Она обрадовалась, когда Тедди попросила разрешения пойти посмотреть на своих детей. Близнецов, растолковал Карелла движения её рук. Мальчик и девочка. Марк и Эйприл. Десяти лет от роду. Наоми слушала с большим интересом, думая, что такой привлекательный мужчина, отягощенный женой-инвалидом и парой близнецов, вероятно в самом деле погуливает немного на стороне. Она подождала, пока Фанни выйдет из комнаты, про себя поблагодарив её за это. Наоми собиралась насладится пересказом настоящему Карелле всего, что с ней проделывал фальшивый Карелла. Ей хотелось увидеть выражение его лица.
Настоящему Карелле совсем не хотелось знать, что фальшивый Карелла проделывал с ней.
Вместо этого, он начал допрашивать её, как детектив.
Кем он и был, конечно же, при всем при этом.
– Расскажите мне подробно, как он выглядел, – сказал он.
– Он был высоким и…
– На сколько высоким?
– Шесть и один, шесть и два? (имеется в виду 6 футов и 1 или 2 дюйма)
– Вес?
– Сто восемьдесят?
– Цвет глаз?
– Я на самом деле не помню. Но он проделывал ужасные вещи со…
– Шрамы или татуировки?
– Я ничего такого не видела, – сказала Наоми. – Нигде на всем его теле, – она опустила

глаза словно кроткая дева, так как советовали в её журналах.

– Он не говорил, где живет?

– Нет.

– Что на нем было одето?

– Ничего.

– Ничего?

– Ох, я подумала, что вы имели в виду тот момент, когда он проделывал все эти…

– Нет, когда вы встретились.

– Серый костюм, – сказала она. – Ткань вроде букл;. Кремовая рубашка и синий галстук. Черные туфли. Золотые часы "Ролекс", целиком золотые, не сталь с позолотой. В кобуре – оружие. Он использовал его для…

– Что за оружие?

– "Кольт Детектив Спешл".

– Вы разбираетесь в оружии, да?

– Это он сказал, как оно называется. Как раз перед тем, как…

– А познакомились вы с ним где?

– В одном баре, недалеко от моей работы. Я работаю в Си-би-эс. Утром в понедельник, когда я пошла на работу, он заставил меня…

– Как называется то бар?

– "Корнерз"

– Где он находится?

– На пересечении Детановер с Эш.

– Вы часто ходите туда?

– Время от времени. Я вероятно заскочу туда завтра после работы, – она приподняла бровь. – Вам следовало бы самому все там проверить.

– А раньше вы когда-нибудь видели его в этом баре?

– Никогда.

– Уверены?

– Ну, я бы его заметила. Он был таким привлекательным.

– Он хорошо ориентировался на месте?

– Ну, мы не обсуждали окрестности. Мы в основном говорили о другом, он дал мне шестьдесят секунд на то, чтобы я допила коктейль, потому как он очень спешил…

– А у вас не возникло впечатления, что он хорошо ориентировался на месте?

– У меня было ощущение, что он хорошо знает дорогу, да.

– Конкретно там, где вы находились?

– Ну, думаю, что по всему городу. У меня было чувство, что он знает город. Когда мы вскоре отправились ко мне на квартиру, он точно знал, как туда проехать.

– Вы ехали на его машине?

– Да.

– Что за машина?

– "Ягуар".

– Он был за рулем "Ягуара"?

– Да.

– А вас это не удивило? Детектив за рулем "Ягуара"?

– Ну, я не знакома с детективами, – сказала она. – Вы всего лишь мой второй знакомый детектив. Даже первый, в силу того, что он не был настоящим детективом, так ведь?

– Какого года он был?

– Что?

– "Ягуар".

– А-а, я не знаю.

– Какого цвета?

– Серого, четырехдверный седан. Серый, с красным кожаным салоном.

– Как я понимаю, на табличку с госзнаком вы не обратили внимания?

– Нет, к сожалению, не обратила. Я была так сказать, возбуждена, понимаете? Он был очень интересным мужчиной. Конечно потом, когда он начал проделывать все эти штучки со мной…

– И вы говорите, что он знал, как туда проехать? С того бара на перекрестке Детановер с Эш к месту, где вы живете?

– Да, конечно.

– Где вы живете, мисс Шнайдер?

– На углу Колби и Раднер. Возле круга. Если вам захочется позже зайти, я могу вам показать…

– Вы не просили его показать вам какое-либо удостоверение личности? Значок? Карточку?

– Ну, когда он раздевался, я сказала: "Дайка взглянуть на твой значок". Но я просто шутила, понимаете? Мне никогда в голову не приходило, что он может быть ненастоящим детективом.

– Так он показал значок?

– Ну, он сказал: "Вот мой значок, детка". И показал свой, этот… ну, вы понимаете.

– Вы просто приняли его за полицейского, правильно?

– Ну… да. Я никогда раньше не встречалась с копами. В неформальной обстановке. Вам, конечно же, приходится встречаться с молодыми, привлекательными женщинами по работе, но у меня никогда не было возможности…

– Он ничего не говорил о том, что снова придет в тот бар? "Корнерз"?

– Нет, он просто пообещал позвонить.

– Но так и не позвонил.

– Нет. А я и рада, что не позвонил. Теперь, когда я знаю, что он ненастоящий детектив. И, кроме того, я могла ведь так и никогда не повстречаться с вами, понимаете?

– Мисс Шнайдер, – сказал Карелла, – если он все же позвонит, я хочу, чтобы вы сразу же мне сообщили. Вот моя визитка, – сказал он и полез в свой бумажник. – Я также напишу свой домашний номер, чтобы он был у вас..

– Ну, я уже знаю ваш домашний номер, – сказала она, но он начал писать.

– Это просто для вашего удобства, – сказал он и передал ей карточку.

– В общем, я сомневаюсь, что он позвонит мне, – сказала она. – Уже прошло почти три недели.

– Ну, тогда на случай, если он все же позвонит.

Внезапно на его лице проявилась огромная усталость. Она ощутила почти неконтролируемый порыв наклониться и прикоснуться к его волосам, пригладить их, утешить его. Она была уверена, что в постели он был совсем другим, чем тот, фальшивый Карелла. Ей стало вдруг любопытно, каково это оказаться с ними обоими одновременно в одной постели.

– На чем вы добираетесь домой? – спросил он.

"Конец разговора", – подумала она.

"Или это был его ход?"

– На метро, – сказала она и улыбнулась, – если кто-нибудь не предложит подвезти меня домой.

– Я позвоню в местный участок, – сказал он. – Узнаю, смогут ли они прислать машину за вами.

– Вот как, – сказала она.

– День Благодарения, они могут быть не слишком загружены.

Он поднялся и пошел к телефону.

– Мисс Шнайдер, – сказал он, набирая номер, – Я очень ценю сообщенную вами информацию.

"Ага", – подумала она, – "так какого хрена, ты не едешь ко мне домой?"

* * *

Человек, пришедший в участок в четверть восьмого вечера, был в потрепанном пальто и видавшей виды шляпе. Дежурный сержант взглянул на переданный через стол регистратуры конверт, увидел, что адресовано письмо детективу Стивену Луису Карелле и сразу же спросил: «Откуда оно у вас?» Глухой здесь был на слуху. Не было ни одного копа, кто мог бы не знать о картинках, висящих на доске объявлений в комнате детективов.

– Чего? – сказал мужчина.

– Откуда оно у вас?

– Парень на улице вручил его мне.

– Что за парень?

– Там на улице. Светлый парень со слуховым аппаратом.

– Что? – переспросил сержант.

– Ты тоже глухой?

– Как вас зовут? – спросил сержант.

– Пит МакАртур. А тебя как?

– Не надо умничать со мной, мистер, – сказал сержант.

– В чем дело? – возмутился МакАртур. – Парень дает пять баксов, просит, чтобы я для него сделал доставку, это разве преступление?

– Присядьте вон туда, на скамейку, – сказал сержант.

– Зачем?

– Посидите, пока я не скажу вам, что уже можно идти.

Сержант взял трубку и позвонил в комнату детективов. Ему ответил детектив Санторо.

– Мы получили еще одно, – сказал сержант.

– Сегодня не работает доставка почты, – сказал Санторо.

– Это передали из рук в руки.

– Кто его доставил?

– Парень по имени Пит МакАртур.

– Подержи его у себя.

Санторо беседовал с МакАртуром до посинения. МакАртур без конца повторял одно и то же. Высокий блондин со слуховым аппаратом вручил ему конверт и предложил пять баксов за его доставку сюда. Раньше он никогда не встречал этого парня. Он взял пять баксов, так как понял, что в таком тощем конверте не может находиться бомба, шел снег, был холодный вечер, и ему казалось, что еще вполне возможно отыскать открытый ликероводочный магазин, не смотря на День Благодарения, и разжиться бутылочкой вина. Санторо показалось, что МакАртур говорит правду. Только невероятно тупой злоумышленник может припереться прямиком в полицейский участок. Санторо записал его адрес – ним оказалась скамейка в Гровер-Парке – посоветовал быть пай-мальчиком и отправил восвояси.

Теперь корреспонденция Кареллы была корреспонденцией каждого.

Санторо поднялся с конвертом к себе наверх и там вскрыл его.

Заглянул внутрь, пожал плечами и прикнопил к доске объявлений следующее послание:

Глава 8

За свою карьеру полицейского Карелла был дважды ранен из огнестрельного оружия, один раз это сделал Глухой. Карелле не хотелось, чтобы его подстрелили еще раз. Это было больно и унизительно. Но, было что-то еще более унизительное, чем быть подстреленным, и здесь также не обошлось без Глухого.

Давным-давно, когда Глухой планировал ограбление банка, о котором он честно и подробно оповестил 87-й участок заранее, два головореза напали на Кареллу и Тедди, когда они возвращались домой из кино. Головорезы ушли, прихватив с собой сумочку и часы Тедди вместе с часами, бумажником и всеми документами самого Кареллы, но что самое обидное – вместе с его служебным револьвером.

На самом свежем послании от Глухого были изображены одиннадцать револьверов "Кольт Детектив Спешл".

Оружие, которое Глухой показывал Наоми Шнайдер, тоже было револьвером "Кольт Детектив Спешл", возможно именно его он сфотографировал и размножил на ксероксе для своей последней аппликации. Револьвер, которым совсем недавно обзавелся Карелла, был также модели "Кольт Детектив Спешл". По правде говоря, эта модель являлась излюбленным выбором большинства копов участка.

Немного левее от картинки с одиннадцатью револьверами была прикреплена картинка с шестью полицейскими жетонами.

Жетон и удостоверение личности Кареллы были использованы при ограблении банка на следующий день после того, как их украли. Человек, что вошел и представился детективом Кареллой, был к тому же вооружен револьвером, отнятым у Кареллы днем ранее.

Была ли какая-то связь между той давней кражей револьвера и жетона с нынешними сообщениями с изображениями револьверов и жетонов?

К этому моменту уже накопилось семь посланий, все они были прикреплены к доске объявлений в порядке возрастания количества предметов:

Две дубинки для ночного патрулирования.

Три пары наручников.

Четыре полицейских фуражки.

Пять раций.

Шесть полицейских жетонов.

Восемь черных лошадей.

Одиннадцать револьверов "Кольт Детектив Спешл".

Карелле о Глухом доподлинно было известно лишь то, что в каждом своем деле он работал с разными бандами налетчиков, почти как джазовый солист, нанимающий людей со стороны в различных городах своего турне. В прошлых случаях никто из задержанных участников банд не знал настоящего имени своего вожака. Один раз он представился как Эль Сордо, в другой раз – как Морт Ореккио, а в случае своего последнего явления – просто как Таубман. По-испански el sordo – значит "глухой человек". Вольный перевод mort`orecchio с итальянского – "мертвое ухо". И на немецком der taube Mann – "глухой человек". Если он и в самом деле был глухим. Сам по себе слуховой аппарат мог быть и фальшивым, даже не смотря на то, что Глухой всегда с особым рвением провозглашал, что плохо слышит. Но каким бы он ни был, и кем бы он ни был, задуманные ним преступления всегда отличались большим размахом и касались огромных сумм денег.

Хотя задумка и совершение преступлений сами по себе были недостаточны для Глухого. Ключевым элементом в его "modus operandi" (образ действия преступника) было поведать полиции о своих планах задолго до их реализации. Сначала Карелла считал это признаком чудовищного самолюбия, но вскоре пришел к мысли, что Глухой использует полицию в роли второй банды налетчиков, более многочисленной, чем основная группа, но также незаменимой для успешного совершения преступления. То, что у него ничего не вышло предыдущие три раза, было целиком и полностью волей случая. Он был умнее полиции, пользовался полицией, и сообщал полиции, что она будет использована.

Зная, что их используют, но, не зная каким образом, зная, что он рассказывал им очень много о преступлении, но недостаточно много, зная, что он сделает то, что обещал, но не в точности так, полиция в целом действовала как деревенский сброд армии Мики Мауса. Их поведение, в свою очередь, укрепляла предположение Глухого, что они совершенно профнепригодны. Видя их невероятную неэффективность, он становился все более

возмутительным и более отчаянным. И чем наглее он становился, тем больше земля уходила у них из-под ног.

Однако он по-прежнему играл честно.

Карелле даже не хотелось думать, что бы было, если бы Глухой вдруг передумал играть честно.

А что если те семь сообщений на доске объявлений вообще не имеет ничего общего с преступлением, задуманным Глухим в этот раз? Что если каждое сообщение по отдельности не имеет ничего общего со всеми остальными? Короче говоря: что, если в этот раз он просто водит их за нос?

Казалось, что нет никаких сомнений – если они вообще когда-то были – что человек, оставивший труп Элизабет Тернер в парке через дорогу – это Глухой. Джози Сиарз не увидела слухового аппарата в ухе того человека, но указала в описании, что он был высокого роста и со светлыми волосами. При данных обстоятельствах этого было почти достаточно. Но чертовски бесполезно.

Также было ясно, что кто-то с такой же внешностью, и в этот раз определенно со слуховым аппаратом в ухе, представился Наоми Шнейдер как детектив Стив Карелла из 87-го участка.

Глухой был за рулем украденного голубого "Бьюика Сентри" в ту ночь, когда Джози видела его, и за рулем серого седана "Ягуар", когда вечером отвозил Наоми домой. Еще до самого звонка в отдел по автокражам Карелла подозревал, что "Ягуар" был тоже угнанным.

Из его звонка в Автоотдел выяснилось, что дюжина "Ягуаров", очевидно популярных у автоугонщиков, были украдены в этом городе с ноября. Четыре из них были седанами. Один из них – серого цвета. Его до сих пор не нашли. Теперь у Кареллы был лицензионный номер автомобиля, за рулем которого мог по-прежнему ездить Глухой. При условии, что этот самый номер все еще оставался на автомобиле. И если автомобиль не бросили, где-нибудь на пустой парковке в соседнем штате.

Глухой был матерым преступником.

Но что он задумал в этот раз?

Какой, черт возьми, смысл этих картинок, что он продолжает посылать им? Значат ли что-нибудь эти числа сами по себе? И по-хорошему счету, зачем вклеивать все эти полицейские принадлежности вкупе с восемью черными лошадьми?

"Давай же", – думал Карелла, – "играй честно. Может, дашь нам зацепку, а?"

* * *

Следующая зацепка в деле – если, оглядываясь назад, её можно считать таковой, – появилась 3 декабря в субботу. Она пришла в виде звонка от Наоми Шнейдер в двадцать минут четвертого.

– Вы мне только что звонили? – спросила она Кареллу.

– Нет, – ответил он и сразу же спросил в ответ, – он снова выходил на связь?

– Ну, кто-то назвавшийся Стивом Кареллой только что звонил мне, – сказал она.

– Голос похож на него?

– Думаю, что да. Я никогда не слышала его голос по телефону.

– Что ему было нужно?

– Сказал, что хочет снова увидеться со мной.

– Сказал когда?

– Сегодня.

– Где? Он приедет к вам?

– Ну, мы на самом деле ни о чем не договорились. Я подумала, что лучше сперва позвонить вам.

– Как вы закончили разговор?

– Я сказала, что перезвоню.

– Он оставил вам номер?

– Да.

– Какой?

Наоми продиктовала номер.

– Оставайтесь на месте, – сказал Карелла. – Если он снова позвонит, скажите ему, что все еще размышляете. Скажите, что вам больно из-за того, что он так долго не давал о себе знать.

– Ну, я уже сказала ему об этом.

– Вы уже сказали ему…?

– Ну, мне действительно было больно, – ответила Наоми.

– Наоми, – сказал Карелла, – этот человек – очень опасный преступник. Не играйте с ним в игры, слышите меня? Если он снова позвонит, скажите, что все еще думаете, хотите ли вы с ним встретиться или нет, а затем сразу же позвоните мне. Если меня не будет на месте, передайте сообщение любому детективу. Вы меня поняли?

– Да, конечно, я все поняла. Я ведь не ребенок, – ответила Наоми.

– Я перезвоню вам позднее, – сказал он и положил трубку. Карелла просмотрел свой личный справочник, набрал номер Главного управления, представился оператору, поднявшему трубку, и сообщил, что нужно узнать адрес по имеющемуся у него телефонному номеру. Новая горячая линия в Главном управлении была установлена из-за того, что полицейские по всему городу сталкивались с проблемами получения информации от телефонной компании, чья политика заключалась в отказе предоставлять адреса своих абонентов, даже если детектив говорил, что работает над делом об убийстве. Иногда Карелле казалось, что телефонная компания была под руководством или Мафии или КГБ. Оператор вернулся на линию через три минуты.

– Это номер телефонной будки, – сказал он.

– На улице или где-нибудь еще? – спросил Карелла.

– У меня записано: "Корнерз" на пересечении Детановер и Эш.

– Спасибо! – сказал Карела и положил трубку. – Арти, бери свою шапку!

*** * ***

Когда в дверь квартиры Наоми постучали, она подумала, что это, наверное, Карелла. Он обещал связаться с ней позднее, так ведь? Она подошла к двери.

– Кто там?

– Я, – ответил голос, – Стив.

Голос не был похож на настоящего Кареллу. Он звучал как фальшивый Карелла. И настоящий Карелла говорил ей, что фальшивый Карелла – очень опасный человек. Как будто она сама не знала.

– Секундочку, – сказала она, отперла дверь и сняла цепочку.

Он был там.

Высокий, светловолосый, красивый, он стоял, слегка склонив голову набок, и улыбался.

– Привет, – сказал он.

– Давно не виделись, – сказала она. Неожиданно она почувствовала слабость. Один его вид делал её слабой.

– Не против, если я зайду?

– Конечно, – сказала она и впустила его в квартиру.

*** * ***

"Корнерз" в 3:30 пополудни в ту субботу – благодаря футболу в телевизорах по всему бару – был наполнен людьми больше обычного, чем в любой другой день недели. Карелла с

Брауном мгновенно осмотрели место в поисках любого, кто даже отдаленно мог напоминать Глухого. Нашелся всего один блондин, который сидел у барной стойки, но он был толстым и невысокого роста. Детективы без промедления направились в мужской туалет. Пусто. Постучав в дверь женского туалета и не получив ответа, вошли в него и тоже осмотрели. Никого. Вернулись в бар. Карелла показал бармену свой жетон. Бармен понимающе кивнул.

– Высокий блондин, – сказал Карелла. – Должен был звонить из этой телефонной будки сорок минут назад.

– Что с ним?

– Вы его видели?

– Видел. Парень со слуховым аппаратом?

– Да.

– Я его видел.

– До этого он сюда заходил?

– Парочку раз.

– Может, вы знаете его имя?

– Думаю, что его зовут Деннис, но не уверен.

– Деннис, а дальше как?

– Не знаю. Он как-то вечером сидел здесь с одним парнем, я слышал, как тот называл его Деннис.

– У вас здесь только один зал, да? – спросил Браун.

– Да, только этот.

– Никаких боковых комнатушек или еще чего-то в этом роде?

– Только этот.

– А какие-то другие туалеты? Кроме тех, что мы видели?

– Нет. Это всё, – сказал бармен, – если вы его ищете, то он уже ушел.

– Есть догадки, куда ушел?

– Не-а.

– Он ушел сразу после звонка?

– Не-а. Сидел у барной стойки минут десять, доканчивал свою выпивку.

– А, что он пил? – спросил Карелла.

– "Джим Бим" с водой.

Карелла посмотрел на Брауна. Браун пожал плечами. Карелла зашел в телефонную будку и набрал номер Наоми Шнайдер.

* * *

"Пускай себе звонит", – сказал Глухой.

Она была голой. Они лежали на постели. Она не прикоснулась бы к телефону, даже если б это звонили с пожарного отделения сообщить, что в её доме пожар. Телефон продолжал звонить. Лежа под ним с широко расставленными ногам и закрыв глаза, она слышала далекий звонок, едва слышный звук в сравнении с мощным стуком собственного сердца, свирепым шумом бегущей в её жилах крови. Наконец-то телефон перестал звонить.

И неожиданно он тоже остановился.

– Эй, – сказала она, – не …

– Я хочу поговорить – сказал он.

– Войди в меня вновь, – потребовала она.

– Позже.

– Ну же! – взмолилась она.

– Нет.

– Пожалуйста, детка, я уже почти дошла, – сказала она. – Войди в меня вновь. Пожалуйста!

Он встал с кровати. Она проследила, как он подошел к комоду, взял пачку сигарет,

вытряхнул себе одну из нее. Поджег с помощью золотой зажигалки и выпустил облако дыма. У него все было золотое. Золотые часы, золотая зажигалка, золотые волосы, большой изумительный золотой…

– Нам нужно кое-что обсудить, – сказал он. – Я хочу, чтобы ты кое-что сделала для меня.

– Неси его ко мне, и я покажу, что могу для тебя сделать.

– Позже, – сказал он и улыбнулся.

* * *

В седане без каких-либо опознавательных знаков они возвращались в участок. Печка, как водится, сломалась. Окна покрылись инеем. Браун продолжал тереть лобовое стекло рукой в перчатке, стараясь избавиться от корки льда.

– Я сказал ей оставаться дома, – произнес Карела. – Я определенно сказал ей оставаться…

– Мы ей не хозяева, – ответил Браун.

* * *

– Кто твой хозяин?

– Ты.

– Скажи это.

– Ты мой хозяин.

– Еще раз.

– Ты мой хозяин.

– И ты сделаешь всё, что я хочу, так?

– Все что угодно.

* * *

– Думаешь, нам стоит заехать туда? – спросил Браун. – Это по дороге назад.

– Зачем? – спросил Карелла.

– Может она просто вышла за газетой или за чем-то еще.

– Подъедь к той телефонной будке, – сказал Карелла. – Я попробую еще раз.

Телефон снова зазвонил.

– А ты маленькая деловая леди, – заметил Глухой.

– Мне ответить на звонок?

– Нет.

Телефон продолжал звонить.

* * *

Карелла вышел из будки и вернулся в машину. Браун лупил по печке рукой.

– Удачно? – спросил он Кареллу.

– Нет

– И что ты предлагаешь делать?

– Давай мотнемся туда, – сказал Карелла.

* * *

– Ты мне нужна в канун Рождества, – сказал Глухой.

– Ты мне нужен прямо сейчас, – отвтеила Наоми.

– Я хочу, чтобы в Рождественский вечер ты стала хорошей маленькой девочкой.

– Я обещаю, что буду очень хорошей маленькой девочкой, – сказала она и обняла свои колени, словно восьмилетняя. – Но ты в самом деле должен извиниться, знаешь ли.

– Я ничего тебе не должен, – сухо сказал он.

– За то, что не звонил мне всё это…

– Ни за что, – ответил он. – Никогда не забывай об этом.

Наоми посмотрела на него. Кивнула. Она была готова сделать всё, что он попросит, она бы ждала, когда он позвонит, никогда не потребовала бы от него ни объяснений, ни извинений. За всю жизнь она не встречала никого, кто был бы похож на него. "Могу спорить, что у тебя есть девушки по всему городу, готовые на всё ради тебя" – чуть не сорвалось с её губ, но Наоми вовремя остановилась. Ей не хотелось, чтобы он ушел от нее. Ей не хотелось, чтобы он снова исчез из её жизни.

– Я хочу, чтобы ты для меня принарядилась, – сказал он, – в канун Рождества.

– Как хорошая маленькая девочка? – спросила она. – Короткая юбочка? Гетры? И туфельки "Бастер Браун"? И белые хлопковые трусики?

– Нет.

– Ну, во что скажешь, – сказала она, – безусловно.

– В униформу Армии Спасения, – сказал он.

– Окей, конечно.

"Это может оказаться забавным", – подумала она, – "униформа армии спасения. Под юбкой вообще ничего. Оригинальненько. Невинная пай-девочка с бубном в руках, одетая в юбку на голую задницу".

– И где же мне достать униформу Армии Спасения? – поинтересовалась она.

– Я достану её для тебя. Тебе не надо об этом волноваться.

– Конечно. Ты знаешь мой размер?

– Ты можешь дать мне его перед моим уходом.

– Уходом? – встревожено повторила она. – Я убью тебя, если ты уйдешь отсюда, не…

– Я никуда не ухожу отсюда. Пока мы полностью не обсудим это.

– И пока ты не…

– Тихо! – сказал он.

Наоми кивнула. С ним нужно быть очень осторожным. Ей не хотелось потерять его, больше никогда снова.

– Где ты хочешь, чтобы я носила эту униформу? – спросила она. – Ты придешь сюда?

– Нет.

– Тогда где? У тебя?

– В центре, – сказал он, – возле участка.

– Угу, – сказала она и взглянула ему в глаза. – Ты живешь там? Возле участка?

– Нет, я живу не там. Это – то место, где ты будешь носить униформу. Там, на улице. В нескольких кварталах от места моей работы.

– Мы будем заниматься этим прямо на улице? – спросила она и улыбнулась.

– Ты очень распущена, – сказал он и поцеловал её. Поцелуй отдался эхом в кончиках пальцев её ног. – Это наблюдательный пост. Полицейская работа. Мы оба будем в униформе Армии Спасения.

– О так ты тоже будешь переодет…

– Да.

– Звучит забавно, – сказала она. – Но что на самом деле ты задумал?

– Как раз это я и задумал, – ответил он.

– Наблюдательный пост?

– Да, наблюдательный пост.

– Даже не смотря на то, что ты не полицейский, да?

– Ты о чем?

– О том, что ты не полицейский.

– Не полицейский, да?
– Я знаю, что ты не Стив Карелла.
Он взглянул на неё.
– И откуда ты это знаешь? – спросил он.
– Я знакома с настоящим Стивом Кареллой, – сказала она.
Он продолжал смотреть на неё.
– Знакома, – сказала она и кивнула, – я звонила в полицию, в 87-й участок.
– И зачем ты это делала?
– Затем, что ты сказал, что работаешь там.
– Ты говорила с кем-то по имени Карелла?
– Стив Карелла, да. Я к тому же встречалась с ним. Потом.
– Ты встречалась с ним, – повторил он.
– Да.
– И?
– Он сказал мне, что ты это не он. Как будто я не знала. В том смысле, что как только я его увидела, я поняла, что он не…
– Что еще он рассказывал тебе?
– Говорил, что ты очень опасен, – сказала Наоми и захихикала.
– Так и есть.
– Ох, я в курсе, – сказала она и снова захихикала.
– А ты что ему рассказала?
– Ну… как мы познакомились… и чем мы занимались… ну и тому подобное…
– Ты рассказала, где именно мы познакомились?
– О да, конечно, в "Корнерз", – ответила она.
Он надолго замолчал.
– Что еще ты рассказывала ему, – спросил он наконец.

* * *

Для статистика хорошим способом определения количества полицейских на дежурстве в любом районе города является передача по радио вызова 10-13. Любой коп, находящийся поблизости, немедленно отзовется. Все потому, что радиокод 10-13 обозначает помощь офицеру полиции и обладает самым высоким приоритетом.

Карелла с Брауном находились в квартале от квартиры Наоми, когда код 10-13 вырвался из рации, лежащей на сиденье между ними. Они не спорили и не обсуждали этого. Коп, попавший в беду был в десяти кварталах от них, в противоположном направлении от места, куда они направлялись. Но Браун немедленно и резко развернул машину, а Карелла включил сирену.

* * *

Глухой выпрямил спину в тот момент, когда услышал звуки сирены. "Как животное, чующее опасность, – подумала Наоми. – Боже, он так прекрасен!" Но сирена удалялась от её улицы и по мере затихания звука, он, казалось, становился спокойнее.
– Что еще ты рассказывала ему? – снова спросил он.
– Ну… Больше ничего, – сказала она.
– Уверенна?
– Ну… Я рассказывала, как ты выглядишь и во что одет… он ведь задавал мне вопросы.
– Да, несомненно задавал. Как он отреагировал на всю эту информацию?
– Кажется, она его заинтересовала.
– О да, несомненно.

– Он сказал мне оставаться на связи.
– И ты связывалась с ним?
– Ну…
– Связывалась?
– Послушай, ты не думаешь, что тебе следовало рассказать мне, кто ты на самом деле? – спросила она.
– Я хочу знать, связывалась ли ты потом со Стивом Кареллой?
– Он сказал, что ты опасный преступник, это его точные слова. Ты – преступник?
– Да, – сказал он, – Расскажи мне, выходила ли ты с ним на связь?
– А какой ты преступник?
– Очень хороший.
– Я имею в виду… вор там… или грабитель… или… – она выгнула брови, как учили в её журналах. – Насильник?
– Когда он сообщил тебе, что я преступник? – спросил он.
– Ну, я думаю. Что когда я виделась с ним. В его доме.
– Ах, так ты была в его доме?
– Ну да.
– Когда это было?
– В День Благодарения.
– И именно тогда он сообщил тебе, что я преступник.
– Да. И еще раз – сегодня. "Опасный преступник" – так он…
– Сегодня? – переспросил Глухой. – Ты говорила с ним сегодня?
– Да, говорила.
– Когда?
– Сразу после твоего звонка.

* * *

Когда Карелла с Брауном подъехали на место, у тротуара были припаркованы уже четыре патрульных машины. Не менее дюжины полицейских с расчехленным оружием сидели на корточках за прикрытием своих машин. Еще больше патрульных продвигались бегом, револьверы волшебным образом появились в руках, когда они увидели суть происходящего. И снова Карелла и Браун не стали ничего обсуждать. Они незамедлительно достали оружие и вышли из машины.

Какой-то сержант сообщил, что полицейский был "там внутри". "Там внутри" – оказалось кабинетом частного врача. Этот полицейский вместе с напарником отозвались на радиокод 10-10 – "проверка подозрительной личности" – и, войдя в приемную, обнаружили там мужчину, вооруженного "Магнумом 0.357". Мужчина сразу открыл огонь, не попав ни в одного копа, но выбил огромные куски глины со стен приемной и до полусмерти перепугал пациентов. Наш полицейский бросился на пол, его напарник смог выбраться через дверь и передать по радио код 10-13. Сержант выяснил, что нападавший был "торчком" в поисках дозы. Частные врачебные кабинеты являлись первостепенной целью для торчков. Карелла спросил у сержанта, нужны ли они ему здесь. Сержант ответил: "Нет, я думаю, что все, что мне сейчас здесь нужно – отряд по освобождению заложников".

Карелла с Брауном спрятали оружие и вернулись в машину.

* * *

Глухой одевался. Наоми наблюдали за ним с постели.
– Я не рассказывал ему, что ты придешь ко мне, если тебя именно это беспокоит, – сказала она.
– Меня ничего не беспокоит, – ответил он.

Но тем не менее он заправил рубашку в брюки. Снова присел, натянул носки и надел туфли, затем направился к комоду за своими наручниками. Прикрепил наручники, вложил револьвер в кобуру. Затем нацепил портупею и вернулся к стулу за пиджаком.

Она продолжала наблюдать за ним, боясь что-либо сказать. Мужчину наподобие этого можно легко потерять, если слишком много болтать. Вместо этого Наоми немного шире раздвинула ноги, открывая более соблазнительный вид, он ведь был просто человеком, правда? Глухой подошел к платяному шкафу, взял с вешалки свое пальто и оделся.

Он повернулся к постели.

Улыбнулся, пошарил рукой под пиджаком и вытащил оружие из кобуры.

Наоми улыбнулась в ответ и раздвинула ноги еще слегка шире.

"Новая игра с оружием?" – спросила она.

* * *

На то, чтобы вырваться с территории вокруг кабинета врача у Кареллы с Брауном пошло 5 минут. Полицейские полностью огородили место заставами, и детективам пришлось пообщаться по душам на одной из баррикад для подтверждения своих личностей. Еще десять минут ушло на то, чтобы добраться до квартиры Наоми.

Они опоздали на двенадцать минут.

Дверь в квартиру Наоми была октрыта настежь.

Наоми лежала на постели, между глаз зияло отверстие от пули.

Подушка под её головой стала багрово красной.

Что ж, теперь у них появилась пуля…

Пуля вошла в череп Наоми Шнайдер ровно над переносицей слегка под углом, вышла через затылок и, пройдя через пуховую подушку, застряла в матраце, откуда потом техники выковыряли её.

Пуля поведала им, что орудием убийства был "Кольт Детектив Спешл" – такой же, как один из одиннадцати на картинке, присланной Глухим.

Но это и всё, что у них было.

И пока в их распоряжении не появится то самое оружие для проведения сравнительных тестов, пуля оставалась для них фактически бесполезной.

* * *

В понедельник утром 12 декабря по почте пришло еще одно послание от Глухого:

Они рассматривали семь листовок о розыске преступников.

– Прекрасные люди все вместе и каждый по отдельности, – заметил Майер.

– Может, он сообщает нам, кто входит в банду? – сказал Браун.

– Он не настолько сошел с ума, так ведь? – сказал Карелла. – Чтобы назвать нам их имена?

– Почему нет? – сказал Браун. – Если эти ребята все еще на свободе, их фото висят в каждом участке.

Что и составляло проблему само по себе.

Еще до того, как они прикрепили самое свежее послание на доску объявлений, эти фото уже были там. Все семь штук. И еще дюжина вроде них. Детективы глядели на все сообщения от Глухого, выстроенные на доске объявлений непостижимой горизонтальной линией.

Две дубинки. Три пары наручников. Четыре полицейских фуражки. Пять раций. Шесть полицейских жетона. Семь листовок о розыске. Восемь черных лошадей. Одиннадцать револьверов "Кольт Детектив Спешл".

– Чего здесь не хватает? – спросил Карелла.

– Всего, – ответил Браун.

– Я имею в виду, что нет одного, правильно? Ничего под номером один. И также ничего под девять или десять.

– Что наталкивает на мысль, что он планирует остановиться на одиннадцати, – сказал Майер. – А может он планирует дойти до двадцати? Или ста двадцати? Может он планирует присылать эту фигню без конца?

* * *

"Шутки шутками", – сказал лейтенант Бёрнс, – "но так случилось, что у нас есть два трупа".

Он сидел за столом в своем угловом кабинете с окнами, выходящими на парковку за полицейским участком. Внутри проволочной изгороди с обледенелыми колючками бледный декабрьский солнечный свет скользил по белым крышам припаркованных внизу патрульных машин. Карелле подумалось, что лейтенант выглядит уставшим. Его волосы казались немного седее, глаза – тусклее обычного. "И я буду выглядеть также через несколько лет?" – пронеслось у него в голове. – "Именно таким тебя делает эта работа? Сжигает тебя, превращает в потускневшие угли?"

– Технически, – сказал Карелла, – убийство Шнайдер…

– Они связаны, оно висит на нас, – сказал сухо Бёрнс. – И не важно, черт возьми, что фактически…

– Оно принадлежит 41-му участку, – добавил Карелла.

– И что? Они работают над ним?

– Нет, Пит. Они рады переложить его на нас.

– Конечно. Рождество на носу…

Он не закончил предложение. Он размышлял и Карелла знал, что впереди, следующие две недели будет предостаточно и других проблем. Все плохие парни совершают свой рождественский забег по магазинам. Для этого им не нужны ни наличные, ни кредитки, ни накопительные счета. Плохим парням нужны только проворные пальцы. Интересно, будут ли они такими же седыми и бледными, каким стал Бёрнс? Отправляешь их в тюрьму, а они жалуются, что плавательный бассейн недостаточно хорошо очищен. Не хочешь сидеть – не совершай преступлений! Они смеялись с этой полицейской присказки и отбывали свой срок, стоя на голове и продолжая смеяться. А выходят оттуда, выглядя здоровее, чем до отсидки, изрядно позанимавшись на тренажерах в тюремном спортзале. Выходят, готовые к новому насилию. Смеясь без конца. Ох, как же весело проехаться…

– Так что у нас есть? – спросил Бёрнс.

– Ничего, – ответил Карелла.

– Не говори мне, что ничего, – сказал Бёрнс. – Я начинаю беситься от этого. Копы в Нью-Йорке, у них уже Гарвард в этом деле, они бы оформили все за сорок восемь часов. У нас есть две мертвых девушки, и ты говоришь мне, что "ничего".

– Ну, мы знаем, что это сделал Глухой, но…

– Так найдите его!

– С этим проблема, Пит. Мы…

– Что за фигню он продолжает нам посылать? Как что-либо из этого связано с жертвами?

– Мы не знаем пока.

– Согласно этому, – он взял отпечатанный отчет детектива со стола. – Согласно этому, вторая девушка знала его, верно?

– Да, сэр. Но только как Стива Кареллу. Именно этим именем он представился ей.

– Использовал твое имя.

– Да, сэр.

– Почему она впустила его в квартиру? Ты говорил ей, что он опасен, да?

– Да, сэр.

– Так почему же она его впустила? Она сошла с ума или что? Впустить в квартиру такого человека? – он покачал головой. – Что на счет первой жертвы? Она знала… Как там её имя? – он начал перелистывать другие отчеты детективов.

– Элизабет Тёрнер, сэр.

– Она тоже была с ним знакома?

– Мы не знаем, Пит. Мы предполагаем, что да.

– И по-прежнему не знаем, где она работала, ага?

– Не знаем, сэр.

– Но вы предполагаете, что в банке.

– Эту версию мы и разрабатываем, да.

– Что даст нам ниточку. Я имею ввиду его "modus operandi".

– Да.

– Может, планирует внутреннюю работу, вы так себе это представляете?

– Что-то вроде того.

– Использовать девушку.

– Да.

– Но вы не знаете в каком банке.

– Мы проверили их все, Пит.

– Если он планировал использовать её, почему он её убил?

– Не знаем.

– Из того же оружия?

– Не знаем.

– Та картинка … из тех, что он прислал. Все револьверы модели "Кольт Детектив Спешл", ага?

– Да, сэр.

– И Шнайдер убита из такого же "Кольт Детектив Спешл", ага?

– Да, сэр.

– Их одиннадцать, да? На картинке.

– Одиннадцать, да, сэр.

– Думаете, он планирует убить одиннадцать девушек?

– Мы не знаем, сэр.

– Что же, черт возьми, ты знаешь? – сказал Бёрнс, и сразу добавил, – Извини, Стив, – лейтенант провел ладонью по лицу и тяжело вздохнул. – Мне звонил инспектор Кэссиди, этим утром. Отец этой девушки, Шнайдер, так вот её отец – большая шишка в какой-то церкви в Калмз Поинт. Он орёт, словно снова повторился Холокост! Как думаешь, есть ли какой-то антисемитский уклон здесь?

– Сомневаюсь.

– Другая девшка не была еврейкой, так ведь?

– Нет, сэр.

– Мда, хорошо… кроме того эта Шнайдер работала в Си-Би-Эс, эту работу газеты представляют гламурной…

– Она была там на ресепшине, Пит.

– Думаешь, он планировал ограбить Си-Би-Эс?

– Ну… Скажу тебе правду, это даже не приходило нам в голову.

– Я не знаю, но может у них там есть наличные?

– Сомневаюсь.

– Как бы там ни было, но есть девушка, работающая в телевизионной сети, журналисты раздувают из этого дело. Ну ты сам видел газеты и телевидение.

– Да, сэр.

– Я хочу сказать, что нас здесь здорово жарят, Стив. И департамент и журналисты. Мне бы хотелось, чтобы я мог рассказать кому-нибудь хоть что-то. И как можно скорее.

– Мы делаем все, что в наших силах, Пит.

– Да, знаю, знаю. Тут просто… с этим Рождеством…

Он снова не закончил предложение.

Глава 9

Рождество действительно приближалось.

И по мнению детектива Ллойда Эндрю Паркера приближалось оно слишком скоро. И действительно, из года в год оно наступало все раньше и раньше. В этом году магазины были украшены к Рождеству уже за несколько дней до Дня Благодарения. Просыпаетесь вы как-то утром, еще даже не время готовить индейку, а в магазинных витринах – Санта Клаус.

Паркер ненавидел Рождество.

Он также ненавидел свое имя. Врядли кто-то из персонала участка знал его имя Ллойд. Может быть, никто в целом мире не знал, что его зовут Ллойд. Да он и сам почти забыл, что его зовут Ллойд. Ну, возможно, Мисколо из канцелярии был в курсе, ведь именно он каждые две недели оплачивал все счета. Ллойд было отстойным именем. Эндрю казалось получше, потому что так звали одного из двенадцати апостолов, а кто угодно, названный в их честь, был хорошим парнем. Если вы читали книги – что Паркер изредка делал – и там встречался парень по имени Люк, Метью, Томас, Питер, Пол, Джеймс (Лука, Матфей, Фома, Пётр, Павел, Иаков), тогда вы наверняка знали, что это должен быть хороший парень. Так было в книгах. В реальной жизни попадались сущие отбросы общества с именами апостолов, преступники, готовые перерезать вам горло за несчастные пять центов.

Паркер ненавидел преступников.

Он также ненавидел, когда его звали Энди. Походило по звучанию на гребанного Энди Харди. Маленький гаденький болван, ведущий задушевные беседы со своим отцом судьей Харди. Паркер ненавидел судей. Именно судьи отпускали преступников на свободу. Он предпочитал, чтобы его звали Эндрю, что было его настоящим и честным вторым именем. Эндрю несло в себе некое уважение. Энди звучало, словно вы встретили старого доброго малого, с которым давно не виделись: «Эй, Энди, как оно ничего, Энди?» Паркер ненавидел свою мать, за то, что она дала ему первое имя Ллойд, а затем урезала второе имя, полученное им во время конфирмации, до простого Энди. Паркер ненавидел отца, за то, что он пошел на уступки матери, когда та решила дать ему первое имя Ллойд, а второе – Эндрю. Паркер был рад, что оба его родителя умерли.

Паркер хотел, чтобы Санта Клаус тоже умер.

Паркер хотел, чтобы Северный Олень Рудольф Красный Нос, получил пулю одним звездным предрождественским вечером и был подан к столу на Рождество в виде стейка. Или, еще лучше – в виде рагу. Если он хоть раз еще услышит по радио ту дебильную песенку, он возьмет пистолет и пристрелит это долбанное радио. Персонаж рождественской поры, который был Паркеру по душе – это Эбенезер Скрудж. Скрудж мог бы стать хорошим копом. Паркер тоже считал себя хорошим, но знал, что большинство коллег в участке думают, что он никудышный полицейский. Ему также было известно, что его не особо любят. Нахер их всех, он не участвует ни в каком конкурсе популярности!

Рождественские песни начались по радио пару дней назад, словно всем диск жокеям не терпелось начать их крутить. Все те же старые песни каждый год. Было всего лишь 19 декабря, а он уже прослушал все рождественские песни сотни раз подряд. "Тихая ночь", "Да прибудет с Вами Бог!" и "Маленький барабанщик" – он хотел, чтобы того маленького барабанщика пристрелили вместе с оленем Рудольфом, – и "Первое Рождество", "Радость всему миру", "Белое Рождество", "На Рождество я буду дома", "Украсьте залы", "Бубенцы звенят" и худшая из всех гребанных рождественских песен в мире за всю историю – "Все что я хочу на Рождество – два передних зуба." Если бы Паркер когда-нибудь встретил парня, написавшего эту песню, он, без проблем, отдал бы ему его два передних зуба, на тарелочке, предварительно выбив их ему.

Паркер ненавидел рождественские песни.

Он ненавидел всё в этом городе во время праздника Рождества.

Он ненавидел этот город всегда, но больше всего – в Рождество.

Все эти «липовые» Санта Клаусы, стоящие на перекрестках с колокольчиками в руках и просящие пожертвования. Все эти уроды из Армии Спасения, дудящие в трубы и трясущие бубнами. Все эти фальшивые гребанные попрошайки, заполонившие тротуары, парни с табличками, что они глухонемые, как жена Кареллы или парни на маленьких тележках с табличками, что они остались без ног – всё это – такая же «липа» как и те Санта Клаусы. Долбанный якобы слепой вечером пойдет домой, внезапно, он сможет видеть, когда начнет пересчитывать деньги в своей кружке. Паркер ненавидел уличных музыкантов и брейкдансеров. Ненавидел ребят, продающих товары на тротуарах возле больших магазинов. Была бы его воля – он пересажал бы их всех, даже тех, кто с торговой лицензией. Они создавали суматоху на тротуарах и в большинстве своем сбывали краденый товар. Паркер ненавидел гостей города, заполонивших его улицы перед Рождеством. «Вот это да, глянь, какие большие дома, мама!» Гребанные простофили, каждый из них и все вместе, фотографируя все подряд, охая и ахая, они в первую очередь привлекали карманников, доставляли проблем больше, чем сами того стоили. Излюбленные клиенты для парней, катающих на каретах с лошадьми вокруг Гровер Парка. Он ненавидел праздничный декор этих карет, гирлянды из хвои, венки, транспаранты с поздравлениями, все эти липовые завлекалочки Рождества. Он ненавидел и лошадей. Они только и делали, что гадили на улицах, усложняя жизнь ассенизаторам. Он ненавидел саму мысль, что в городе по-прежнему сохранились конные копы, еще больше лошадей, чтобы загаживать город. Прямо на территории 87-го участка у них была конюшня в старой оружейной на углу Первой и Сэнт Сэб. Каждое утро он наблюдал, как они направлялись в центр, долбанный парад лошадей разных мастей, а копы, сидящие верхом, напоминали долбанный Римский Легион. Он ненавидел лошадей и конных копов и туристов, которым следовало бы остаться дома в своем городке Слоновье Дерьмо, штата Айова.

Но больше всех Паркер ненавидел Элисию Патрисию Паркер.

Никто в участке не знал, что Паркер однажды был женат. К черту всех, это не их ума дело!

Накануне Рождества ему всегда становилось любопытно, где находилась Элис Паркер. Он ненавидел её, но ему было интересно, где она и что делает.

Вероятно, по-прежнему занимается проституцией где-нибудь.

Вероятно в Л. А. Она всегда говорила, что собирается в Калифорнию. Может быть, Сан-Франциско. Занимается проституцией где-нибудь там, в Калифорнии.

В День Благодарения он садился в одиночестве в своем частном доме в Маджесте и смотрел Груберовский парад в честь Дня Благодарения. По одному из местных каналов. Не такой большой и знаменитый, как парад Мэйси в Нью-Йорке, но, черт возьми, это был свой собственный городской парад! Паркер съедал индейку-полуфабрикат, разогретую в микроволновке. И думал, где же сейчас Элис Паркер.

И чем она занимается.

Светлые волосы и голубые глаза.

Сногсшибательная фигура.

И когда бы не находили жертву убийства, голубоглазую и со светлыми волосами, вроде той, что досталась Карелле и Брауну в октябре, Паркер думал, где же сейчас Элис Патрисия, не лежит ли она мертвой где-нибудь на аллее с глоткой, перерезанной каким-то калифорнийским сутенером.

«Это просто моя подработка», – говорила она ему.

Ну, послушай, ведь они предупреждали его. Это случилось, когда он еще работал в неплохом 31-ом, участке в центре города. Там он все еще носил форму, познавая, каково это быть грёбанным полицейским этого грёбанного города. Мразь и грязь – вот с чем доводилось иметь дело. Приходить домой, ощущая это на своих руках и в ноздрях. Они познакомились в

баре, где она танцевала топлесс, все ребята предупреждали его. «Эти танцовщицы топлесс», – говорили они, – «ты сам знаешь, кто они на самом деле. Они или уже подрабатывают проститутками или работают на полставки в каком-нибудь массажном кабинете и не успеешь оглянуться, как станут конченными уличными шлюхами.» Он послал их нахер. Может быть, Элис Патрисия и танцевала топлесс, но у нее были стремления и идеалы, в будущем она хотела участвовать в легальном шоу, сначала здесь, а потом переехать на Бродвей к большой славе. Ради этой цели она брала уроки балетного, вокального и актерского искусств. Она была совсем не такой, как они думали о ней. Паркер знал это. На свою свадьбу он не пригласил никого из парней 31-го участка.

Все будет хорошо, думал он, все, в самом деле, хорошо.

Затем, как-то вечером – он был на смене с четырех до полуночи – он забежал в клуб, где она работала, место под названием «Пузырьки Шампанского» или что-то вроде того, и одна девушка сказала ему, что Элис Патрисия отлучилась на часок-другой. Он спросил: «Что значит – отлучилась на часок-другой?» На часах было 00-30, час ночи, в клубе почти никого, лишь несколько моряков сидели у барной стойки и глазели на девушку, которую Элис Патрисия называла «Безсисястое Чудо». «В это время суток она отлучилась на часик-другой?» – переспросил Паркер. Он хорошо знал, во что превращается этот город после полуночи. Долбанная лунная пустошь, наполненная хищниками, крадущимися по улицам в поисках жертвы. Мразь и грязь и их запах. «Куда она пошла?» – спросил он.

Девушка посмотрела ему в глаза.

Она была топлесс. Её пальцы продолжали перебирать жемчужины на ожерелье.

– Куда она пошла? – снова спросил он.

– Пусть все останется как есть, Энди, – сказала она.

Он схватил её за жемчужное ожерелье и сорвал его с шеи. Жемчужины застучали, покатились по полу. Звук катящихся жемчужин был громче музыки, под которую танцевала девушка на сцене.

– Куда? – спросил он.

И так, знаете ли, он нашел её в одном из отелей-притончиков в трех кварталах от клуба. Он был в гражданском и портье принял его за детектива, когда увидел предъявленный жетон. Это произошло за год до того, как он сделался детективом третьего класса. Детективом третьего класса он стал уже после развода, когда ему не осталось ничего другого как сосредоточиться на полицейской работе. Портье сообщил, что светловолосая, голубоглазая девушка пришла с черным парнем примерно пятнадцать минут назад. Также портье сказал, что они в комнате с номером 1301. Паркер будет помнить номер той комнаты всю жизнь. И запах лизола в коридоре.

Он почти до смерти избил того чернокожего. Спустил его с лестницы. Велел выметаться из города. Потом вернулся в комнату. Элис Патрисия по-прежнему лежала голой в постели и курила сигарету.

Он спросил: «Почему?»

Она ответила: «Это просто моя подработка»

Он спросил: «Почему?»

«Чисто по кайфу», – ответила она и пожала плечами.

«Я любил тебя», – сказал он.

И это уже был глагол в прошедшем времени.

Элис Патрисия снова пожала плечами.

Ему следовало её убить.

Он сказал: «Все кончено, понимаешь?»

«Конечно», – ответила она и затушила сигарету.

Он вышел из комнаты, покинул отель и вернулся в город. Избил двух пьянчуг, во всю глотку горланящих песни на Гастингс-стрит. Разбил урной витрину на Джефферсон Авеню. Бродил по городу. Напился, когда вернулся домой в четыре утра. Он думал, что может застать Элис Патрисию дома. И если б она там была, он убил бы её. Но она уже ушла и

забрала все свои платья. Никакой записочки. Его юрист искал её целых три месяца. Развод состоялся еще через шесть месяцев. И спустя три месяца после этого Паркер стал детективом третьего класса.

Он по-прежнему интересовался ею всякий раз, когда наступали эти праздничные дни.

Ненавидел её, но думал о ней.

Ненавидел эти долбанные праздники.

Ненавидел саму мысль, что на Рождество может пойти снег.

Он ненавидел снег. Начиналось все с белого и чистого, а кончалось грязью.

Он ненавидел Рождественские ёлки, к тому же. Все к чему они были годны – создавать проблемы с уборкой мусора, что давало даже больше работы для ассенизаторов, чем лошадиные какашки на всех улицах. Сразу после Рождества возникал мертвый лес долбанных рождественских ёлок, укрытых блестками, выставленных на задний двор вместе с мусором. Мусор был реальной проблемой в этом городе, иногда ему казалось, что это был город неубранных черных пластиковых пакетов. Оставленные после Рождества ёлки, только усугубляли ситуацию. Они были по всему городу. Мертвые. Укрытые блестками. Она любила танцевать в таких трусиках «танга», что выглядели, словно сделанные из блесток для рождественской ёлки, сверкающие и яркие. Её бедра вращались, долларовые купюры запихивались за поясок. Это просто моя подработка. Могла бы стать грёбанной суперзвездой. Он зашел бы за кулисы, поболтал бы с другими участниками отбора. Элис Патрисия – моя жена, сказал бы он. Серьезно? Ага, я – коп. Серьёзно?

Он ненавидел быть копом.

Ненавидел записочки от этого парня, что держал в долбанной тревоге весь участок. Глухой. Кому было дело до этого сранного Глухого? В мире Паркера все были просто бандюками, одни были умными, а другие тупыми. Может быть, Глухой был из умных, но тем не менее просто бандюком. Так зачем вся эта возня с его записками? Он всего лишь находчивый бандюк.

Паркер думал, каково это быть юным.

Каково это снова услышать, как тебя зовут Эндрю.

Элис Патрисия любила называть его Эндрю.

Он ненавидел её.

О, Иисусе, как же он любил её!

* * *

В понедельник утром, 19 декабря пришло еще одно сообщение от Глухого.

Он начинал их утомлять. Через шесть дней будет Рождество. Им было чем заняться, кроме беспокойства по поводу его глупостей. По-прежнему не было понятно, зачем он убил Элизабет Тёрнер – если это он её убил – и что означают эти его чертовы сообщения. Предполагалось, что Наоми Шнайдер он убил из-за того, что она могла рассказать то, чего пока не вспомнила, и обнаруженные факты могут представлять опасность. Глухой давал им знать лишь то, что хотел, чтобы они знали. Остальное было рискованным, а он не мог пойти на непредсказуемые риски. Поэтому – прощай Наоми!

Но оба дела были такими же бесперспективными, каким скоро станет календарь за прошедший год, и последнее сообщение от Глухого вызвало только раздражение. Они просто взглянули на него а затем прикрепили на доску объявлений к другим сообщениям:

* * *

С Коттоном Хосом случилась беда.

Он словно давал вызов по радио 10-13. Хотя вместо этого, он сказал: «У меня действительно есть накопительный счет у Грубера».

Хос был в замешательстве, не зная с чего начать. Только что в качестве подарка на Рождество для Энни Роллз он приобрел сексуальное нижнее бельё стоимостью две сотни долларов. Двести тридцать долларов, учитывая налог. Он надеялся, что ему не придется объяснять этой леди на шестом этаже нового магазина Грубера, открывшегося на периферии, что он купил белье для детектива первого класса. Магазин, расположенный в шести кварталах от участка, был частью новой мэрской Программы Обновления Города. Настоящий магазин Грубера располагался в центре, на Мэссенджер Сквэр. Хосу лучше было бы поехать в центр. Ему не следовало быть настолько глупым, чтобы совершать покупки где-либо на территории участка, даже не смотря на то, что новый магазин был красивым и, по мнению администрации мэра, как минимум, прибыльным, служа моделью преобразования засранных районов по всему городу.

– Судя по нашим записям – нет, – сказала женщина за прилавком.

Хос представил, как находит её мертвой в таком же сексуальном нижнем белье, которое он выбрал для Энни.

– До сегодняшнего дня у меня был накопительный счет у Грубера целых три года, – сказал он.

– Дайте-ка взглянуть на вашу карточку еще раз, – сказала женщина.

Он передал её карточку.

Они находились в кредитном отделе на шестом этаже. Женщина с первого этажа, где был расположен отдел нижнего белья, сказала ему подняться на шестой этаж в кредитный отдел из-за того, что во время проверки карточки по компьютеру, выскочило сообщение «НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНА». Он поднялся на эскалаторе на шестой этаж и увидел пестрящее множество указателей направлений: ОФИС УПРАВЛЯЮЩЕГО, КАССИР, КРЕДИТНЫЙ ОТДЕЛ, ВОЗВРАТЫ, ОТДЕЛ КАДРОВ, ОТДЕЛ ИГРУШЕК, САНТА КЛАУС, ТЕЛЕФОННЫЙ ОФИС, ТУАЛЕТНЫЕ КОМНАТЫ. Он почти заблудился, не смотря на то, что был отличным детективом. Но теперь-то он находился в кредитном отделе и протягивал свою карточку через стойку женщине с носом, похожим на ручку от метлы. И грязного цвета глазами. У нее были глаза грязного цвета. Не карие, не черные – грязные. Она посмотрела на его карточку своими грязными глазами. Почти обнюхала её своим метловидным носом.

– У меня есть новая карточка, – сказал он.

– Где же она, Ваша новая карточка, сэр? – спросила она.

– Дома, – ответил он, – я еще не переложил её в свой бумажник.

Он осознавал, что разговоры о наличии карточки дома были сродни заверению вооруженного грабителя о разрешение на ношение оружия, забытом в ящике какого-то стола.

– Если Вы планировали делать покупки здесь, – заметила женщина, – Вам следовало бы положить карточку в свой бумажник.

Хос расскрыл бумажник.

– Вот здесь должна была быть новая карточка, – сказал он, – но я забыл ее дома.

Он так повернул свой раскрытый бумажник, чтобы ей было видно прикрепленный внутри золотисто-голубой жетон детектива. Она посмотрела на жетон своими грязными глазами.

– Вам следовало бы свою новую карточку иметь всегда при себе, – сказала она.

– Я не знал, что сегодня буду делать покупки, – сказал он. – У меня так много всего в бумажнике. Мой полицейский жетон. Мое удостоверение. Я – детектив. Я не люблю носить в бумажнике вещей больше, чем мне категорически необходимо.

– Но Вы ведь носите в бумажнике свою старую карточку, – сказала она.

– Да, ношу. По ошибке. Здесь должна была быть новая.

– Компьютер выдал, что Ваша старая карточка недействительна.

– Да, я знаю. Вот почему я пришел сюда на шестой этаж. Но если вы покопаетесь в файлах на вашем компьютере, Вы убедитесь, что я получал новую карточку в мае. И забыл положить её в свой бумажник.

– Неудивительно, что убийцам в этом городе удается скрыться, – сказала она и вышла из-за стойки.

Он ожидал.

Она вернулась спустя десять минут.

– Да, вы действительно получили новую карточку, – сказала она.

– Да, я знаю, – сказал он. – Спасибо!

– Понимаете, сэр, – сказала она, – оплата двухсотдолларового нижнего белья не может не вызывать вопросов, когда карточка оказывается недействительной.

– Да, я понимаю, – ответил он.

Она знала, что это была плата за нижнее бельё. Она звонила вниз. Интересно, узнала ли она, какого вида было это бельё?

– В этом городе полно жуликов, знаете ли, – сказал она.

– Да, я в курсе, – сказал он.

– Если Вы снова спуститесь в отдел нижнего белья, – сказала она, – карточка будет принята в этот раз. Надеюсь, Вы в курсе, что эти трусики не подлежат возврату.

– Я не знал об этом, – сказал он.

– Да. Особенно наша линейка «Открытый Город», которую многие женщины надевают для особых случаев. Надеюсь, Вы угадали с размером.

– Да, у меня правильный размер, – сказал он.

– Ну, да, – сказала она и вдохнула так, словно в воздухе что-то протухло. Затем взглянула на него своими грязными глазами и ушла, оставив его в одиночестве у стойки.

Всю дорогу домой он думал о своем посещении магазина Грубера. Ему хотелось, чтобы он сгорел дотла. И чтобы мэр перенес свою Программу Обновления Города в Даллас, штат Техас. Или во Владивосток. Все, что делал этот магазин Грубера – повышал преступность на территории уже насыщенной криминалом. Было намного больше арестов проклятых карманников и сумочников в этом магазине со дня его открытия в феврале, чем в любом другой «жирной» лавочке по всему Стэму. Допустим, он приносил много денег. И может быть, привлекал другой бизнес на эту территорию. Но мог ли когда-нибудь представить себе мэр, сколько раз вызывали копов в Грубер? Ради сранных мелких арестов? Для регистрации которых, они должны были переться в Головное Управление через весь город?

Когда Хос приехал в центр города к своему дому, он все еще кипел. Он вошел в маленькое фойе, достал ключи из кармана и открыл свой почтовый ящик. Там была целая пачка писем, вместе со счетом из Грубера. Он не рассматривал, пока не попал в квартиру. Ему хотелось позвонить Энни и рассказать её о перебранке в магазине, но это бы испортило весь сюрприз. Вместо этого, он приготовил себе выпить, присел и углубился в изучение конвертов. Один из них был похож на рождественскую открытку. Он открыл клапан красного конверта. Это была не рождественская открытка. Это было приглашение:

ВЫ ПРИГЛАШЕНЫ НА ВЕЧЕРИНКУ к лейтенанту Питеру Бёрнсу. ДАТА: 5 января. ВРЕМЯ: 20-00. МЕСТО: комната детективов 87-го участка.

На клапане конверта тем же почерком было написано следующее:

«Коттон! У меня нет возможности пригласить всех. Поэтому сохрани это в тайне, хорошо? Хэрриет.»

Хэрриет значило Хэрриет Бёрнс, жена лейтенанта. Какого черта она приглашала его на вечеринку в комнате детективов? У Питера будет День Рождения? Юбилей? Двадцать лет службы? Тридцать? Сто?

Хос пожал плечами и записал дату и время в своем ежедневнике.

* * *

В утро вторника, 20 декабря поступило десятое сообщение от Глухого.

Они знали, что количество предметов наклеенных на чистый лист бумаги никак не соотносилось с порядком, в котором эти сообщения были получены. Восемь черных лошадей, например, были в самом первом сообщении. Шесть полицейских жетонов были в четвертом. Одиннадцать револьверов «Кольт Детектив Спешл» – в седьмом сообщении. И так далее. А сейчас было десятое сообщение:

Детективы прикрепили этот лист бумаги к доске объявлений. И вот что получилось:

Две дубинки.

Три пары наручников.

Четыре полицейских фуражки.

Пять раций.

Шесть полицейских жетонов.

Семь листовок о розыске.

Восемь черных лошадей.

Девять патрульных машин.

Десять форм отчетов детективов.

Одиннадцать револьверов «Детектив Спешл».

Они все еще не знали, что значит любое из этих сообщений.

Он планировал остановиться на одиннадцати?

Или он пойдет дальше?

Если он остановиться на одиннадцати, тогда в последовательности по-прежнему недоставало номера один.

«Да и черт с ним», – решили они.

До Рождества оставалось всего пять дней.

* * *

Берт Клинг просматривал свою почту, когда Эйлин Бёрк вошла воспользовашись ключом, что он ей передал. Было почти половина пятого пополудни и огни на мосту Калмз Поинт, украшенные гирляндами к праздничной поре, мигали зеленым и красным на фоне розовеющего заката. Он сидел под торшером у окна в кресле, купленном в комиссионке после развода. Он никогда не говорил о своем разводе с Энди Паркером. Он никогда не говорил с Паркером ни о чем другом, кроме полицейской работы, да и то случалось не часто. Он не знал, что Паркер был в разводе. Он не знал, что у них двоих могли бы одинаковые мысли на эту тему и не знал, что Паркер, как и он сам, считал развод разновидностью убийства.

Праздники, даже теперь, даже с Эйлин, были самым трудным временем для Клинга. Августа всплывала в его сознании все время, когда он ходил по магазинам, даже когда с ним рядом была Эйлин. Он думал, что наверное всё дело в физическом сходстве. Когда пытался подобрать цвет, он объяснял менеджеру, что его девушка рыжеволосаи зеленоглаза – описывая Эйлин, конечно, и тут же мгновенно на ум приходила Августа. Или пытаясь вспомнить размер одежды Эйлин, он говорил, что она ростом пять футов и девять дюймов, и сразу же образ Августы возникал снова, непрошенный и призрачный, той Августы, что он впервые увидел при расследовании ограбления её квартиры.

Длинные рыжие волосы, зеленые глаза и густой загар. Темно-зеленый свитер, короткая коричневая юбка, коричневые туфли. Высокие скулы, миндалевидные глаза, пылающие зеленым огнем на фоне загорелой кожи, вздернутый нос, слегка приподнятая верхняя губа, обнажающая идеально белые зубы. Свитер плотно облегал груди без бюстгальтера, коричневый пояс с медными заклепками крепко стягивал шерстяную ткань у талии. Спинка софы повторяла изгиб её тела, юбка приоткрывала потайную часть её бедра, когда она немного поворачивалась к нему…

Августа.

«Привет,» – сказала Эйлин и подошла к нему.

Она поцеловала его в макушку. Красные и зеленые огни с моста мигнули в её красных и зеленых волосах и глазах

– Ты похожа на Рождество, – сказал он.

– Что, правда? – сказала она. – А чувствую себя как Хэллоуин. Когда ты вернулся? Я совсем недавно звонила тебе.

– Чуть позже четырех, – ответил он. – Я немного походил по магазинам. Что сказал доктор?

– Сказал, что время лечит любые раны.

Она сняла пальто, привычным движением бросила его на постель, села на её краешек, сняла туфли на высоком каблуке и стала массажировать ногу. Длинные ноги, гладкие и чистые, с изящным лодыжкам. Эйлин. Августа. Порезы на лице уничтожили б Августу. Она была моделью, её лицо было залогом её достатка. Эйлин была просто копом. Но она была женщиной. И красивой женщиной. И ей порезали лицо. Это случилось 21 октября, два месяца назад. В больнице наложили двенадцать стежков. Шрам на её левой щеке по-прежнему был багровым.

– Он сказал, что возможно, мне вообще не понадобится пластическая хирургия, – сказала Эйлин. – Сказал, что в приемной больницы сработали очень хорошо. Сказал, что шрам может и выглядит сейчас ужасно…

– Он реально выглядит не очень плохо, – перебил её Клинг.

– Да, черта с два, – сказала Эйлин. – Но, когда он заживет, останется тонкая белая линия, сказал он, если я смогу с этим жить. Сказал, что все зависит от моего «уровня приятия». Как тебе этот эвфемизм?

– Когда ты должна придти к нему в следующий раз? – спросил Клинг.

– Через месяц. Он сказал, что я пока еще не должна даже задумываться о пластической операции. Сказал, что порез полностью заживет за полгода или год и мне нужно дождаться, чтобы определится со своими ощущениями. Вот что он подразумевает под этим «уровнем приятия» наверное. Как много у меня пудры. Насколько уродливой я планирую быть до конца своих дней.

– Ты не выглядишь уродиной, – сказал Клинг. – Ты даже теоретически не можешь выглядеть…

– Я не выиграю теперь ни одного конкурса красоты, это уж точно, – сказала Эйлин. – Как думаешь, много ли в городе насильников, которые западают на шрамы? Как думаешь, клюнут они на приманку с рассеченной левой щекой?

– А мне даже нравится вид, который придает тебе этот шрам, – пошутил он в попытке вывести её из мрачного настроения. – Он придает тебе какой-то грозный вид.

– Ага, грозный, – отозвалась она.

– Бесшабашный. Как леди-пират.

– Как трехсотфунтовый вооруженный грабитель, – сказала Эйлин . – Только татуировки на руке не достает. «Мама в сердце».

– Как ты смотришь на то, чтобы побыть сегодня вечером немного китайцами? – спросил он.

– Я хочу завернуться в постель и проспать там месяц. Ходить к нему на прием утомительно. Он всегда такой чертовски утешительный, понимаешь, о чем я? Ведь это не его гребанное лицо, и он считает…

– Эй-эй! – мягко сказал Клинг.

Она посмотрела ему в глаза.

– Ну-ну, – сказал он и подошел. Поцеловал ее в макушку. Нежно положил руку под подбородок и поцеловал её лоб, а затем кончик носа. Поцеловал шрам. Бережно и нежно.

– Поцелуями не избавишься от него, Берт, – сказала она и после паузы добавила, – надеюсь ты не купил мне на Рождество чего-то излишне женственного.

– Что?

– Я не чувствую себя красивой. Мне бы не хотелось подарков, которые…

– Ты прекрасна, – сказал он. – И женственна. И сексуальна. И…

– Льстец.

– Так где ты хочешь поужинать? – спросил он. – В МакДональдсе?

– И большой транжира к тому же, – сказала она и после паузы добавила. – И что?

– Ха?

– Прекрасная и женственная, сексуальная и что дальше?

– И я люблю тебя, – сказал он.

– Правда?

– Правда.

– Не смотря на много миллионов других женщин в этом городе…?

– Ты – единственная женщина в этом городе.

Она посмотрела на него. Кивнула.

– Спасибо, – сказала она и встала с постели. – Дай мне принять душ и переодеться. Спасибо тебе! – снова сказала она, поцеловала его в губы и ушла в ванную.

Из ванной послышался шум душа.

Он снова принялся за стопку писем. Открыл несколько рождественских открыток, затем взял красный конверт и разорвал клапан. На открытке было написано:

ВЫ ПРИГЛАШЕНЫ НА ВЕЧЕРИНКУ к лейтенанту Питеру Бёрнсу. ДАТА: 5 января. ВРЕМЯ: 20-00. МЕСТО: комната детективов 87-го участка.

На клапане конверта тем же почерком было выведено следующее:

«Клинг! У меня нет возможности пригласить всех. Поэтому сохрани это в тайне, хорошо? Хэрриет.»

Дверь в ванную приоткрылась. Эйлин высунула голову в дверной проём. «Как на счет того, чтобы принять со мной душ?» – спросила она.

* * *

В этом году Рождество припадало на субботу.

Это было выгодно для магазинов. Обычно продажи слегка падали в канун Рождества. Были, конечно, покупатели последних минут и магазины не закрывались до шести вечера, подстраиваясь под самых нерасторопных, но объем продаж не шел ни в какое сравнение с тем, что наблюдался в любой день лихорадочной недели перед большим праздником. Только если канун Рождества не припадал на субботу. В таком случае, продажи чудесным образом взлетали до небес. Возможно, это было как-то связано с привычкой работающих людей совершать покупки именно по субботам. Может быть, они считали этот день обычной субботой, привычным временем для вылазки по магазинам и тратой пятничного жалования. А может быть и рождественские премии делают свое дело: когда получаешь хорошую сумму денег, суббота удачное время для их траты, так ведь? Забавно видеть, как субботний Рождественский вечер нагоняет целые толпы покупателей. Статистика утверждает, что, если канун Рождества припадает на воскресенье, ничего подобного не наблюдается. Не так много покупателей. Даже Бог отдыхал в воскресенье. В этом году, учитывая слегка задержавшееся экономическое процветание в стране и вечер Рождества, припавший на субботу, владельцы магазинов по всему городу предвкушали превосходный день.

Во вторник 22 декабря детективы 87-го получили, как они предполагали, было практически последним сообщением Глухого. Хотя Артур Браун всерьез высказал догадку, что оно предпоследнее. На одинарном листе бумаги из уже знакомого конверта было изображено следующее:

– Номер двенадцать, – сказал Браун.

– Двенадцать жареных поросят, – сказал Карелла.
– Осталось еще одно сообщение, – сказал Браун.
– С чего ты взял?
– Рождество длится двенадцать дней, разве вы еще не поняли? – сказал Браун. – Две дубинки, три пары наручников, четыре полицейских фуражки… двенадцать дней Рождества.
– Он просто поздравляет нас с Рождеством, да? – сказал Карелла.
– Было бы не плохо, – сказал Браун, – но чего не хватает, так это первого дня. У Рождества двенадцать дней, Стив. Готов спорить на месячную зарплату.
– Так что же будет на первый день?
– Догадайся, – сказал Браун, хитро улыбаясь.

* * *

Брауну не нравилось ставить ёлку на Рождество.
Ему также не нравились нынешние цены на них. Когда он был маленьким, большую ёлку можно было купить за пять баксов. Дерево высотой в семь футов обошлось ему в этом году в тридцать пять долларов. Грабеж среди бела дня. Он вообще не покупал бы ёлку, если б не Конни, его восьмилетняя дочь. Конни все еще верила в Санта Клауса. В квартире Брауна не было камина, и соответственно, дымохода, но Конни всегда оставляла под елкой для Санты стакан молока и тарелку печенья с шоколадными крошками. И каждое Рождество Браун должен был выпить этот чертов стакан молока перед тем, как лечь в постель. И съесть немного печенья в придачу.
Первым раздражающим моментом в установке рождественской ёлки для Брауна были гирлянды. Он считал, что если уж Соединенные Штаты смогли доставить человека на Луну, то какой-нибудь блестящий ученый где-то там мог бы и сообразить, как сделать ёлочные гирлянды без проводов. Сам Браун не относился к блестящим ученым, но для себя придумал очень простой способ решения этой проблемы, и, если бы какой-то там умирающий от голода изобретатель желал бы вложиться в это выгодное дельце, Браун был не прочь поделиться с ним секретом в обмен на большую долю в нем. Он понимал, как это должно работать в принципе, но не обладал навыками электропроектирования, чтобы перенести свою задумку на бумагу. Он никогда и ни с кем не обсуждал свою идею, боясь, что её украдут. В этом мире много жуликов, о чем он знал не понаслышке, и ему казалось, что эта его многомиллионная задумка будет украдена тотчас, как он с кем-нибудь всего лишь заговорит о ней. Он уже и название придумал для своего изделия: «Без ограничений». Если когда-нибудь он найдет себе бизнес партнера, они смогут продавать миллиарды миллиардов рождественских гирлянд ежегодно. Без ограничений. Без опутывающих ёлку проводов. Каждый огонек гирлянды будет отдельной единицей, которую можно поместить в любое место на дереве. Все заинтересованные могут написать ему в 87-й участок, сделать предложение. Браун открыт для любых предложений.
Тем временем он продолжал бороться с чертовой гирляндой.
Никто ему не помогал.
И это было вторым неприятным моментом в установке ёлки.
Каролина, его жена, пекла на кухне печенья с шоколадной крошкой, те самые, что Конни положит под ёлку в канун Рождества, часть которых позже съест Браун, выпивая этот чертов стакан с молоком. Сама Конни в своей комнате смотрела телевизор. Один одинешенек Браун в гостиной боролся сначала с гирляндой, а затем и с игрушечными шарами, которые были третьим нелюбимым моментом в установке ёлки. Не сами по себе ёлочные шары (за исключением тех случаев, когда они падали на пол и разбивались на такие мелкие серебристые осколки, что их невозможно было собрать), а маленькие крючочки на них, предназначенные для крепления к елке. Почему независимо от того, как складываешь украшения после Рождества, потом всегда получается больше шаров, чем крючков к ним? Браун подозревал о существовании международного союза воров крючочков от елочных

шаров.

Аромат печенья наполнял квартиру.

Голоса мультяшных героев наполняли квартиру.

Браун наряжал ёлку.

«Осталось всего два дня», – думал он.

Его дочь, Конни, неожиданно появилась в дверном проеме.

«Как так получается, что нет черного Санта Клауса?» – спросила она

Браун вздохнул.

*** * ***

Двенадцать дней Рождества.

Двеннадцатая Ночь.

Канун Богоявления.

Первым днем Рождества было само Рождество. В день Рождества детективы 87-го участка без сомнения будут праздновать, вскрывать свои скромные подарки, совсем никак не ожидая получить первый из его подарков. А получив, скорее всего разгадают в конце концов, что означала вся его предыдущая активность. Однако они не смогут даже представить, что припасено для них на 5 января, Двенадцатую Ночь, Канун Богоявления (в оригинале Epiphany Eve)…

Слово "epiphany" с маленькой буквы означает "прозрение, неожиданное обнаружение скрытой правды о человеке или ситуации". Это английское слово происходит от греческого "epiphaneia", что конечно же значит "появление богов пред очами смертных", но ирландский писатель Джеймс Джойс – один из самых любимых писателей Глухого – впервые в современной литературе популяризировал это слово, называя свои ранние прозаические очерки "эпифаниями" (прозрениями). Неожиданными вспышками, озарениями. Поймут ли это наконец детективы 87-го участка? Перед неожиданной вспышкой? Во время вспышки? Потом уже не будет времени на осмысливание.

Он снова улыбнулся.

Богоявление. 6 января. В честь первого явления Иисуса Христа язычникам. В Канун Богоявления или как его еще называют, Двенадцатой Ночи, – о сколько веселья устроил Шекспир в эту ночь! – Глухой мысленно явится детективам, давая ясно понять в первый, последний и единственный раз, что больше не будет терпеть вмешательство в избранное ним ремесло. В предыдущих трех случаях каждый раз он предоставлял им возможность нарушить его планы, действительно изложив их заранее, но все же, не представляя ни на секунду, что этим планам не суждено сбыться. О, конечно же не по вине их блестящей дедукции, нет, слишком много чести их интеллекту. Только волей несчастливых случайностей. Случайностей. Бичом всей жизни Глухого.

Случайности.

Первый раз это был коп, пожелавший отведать мороженого из угнанного Глухим фургона. Шарик пломбира. Фирменного мороженого со стружкой лесного ореха. Он никогда бы и представить не мог, что морозильное отделение было набито деньгами, похищенными из Меркантайл Траст. Но пустил все дело насмарку – волею случайности.

В следующем случае два мелких грабителя задумали налет на лавку портного в тот самый вечер, когда Глухой запланировал маленький сюрприз в своей схеме большого ограбления. В глубине лавки двое полицейских ожидали прихода грабителей. Глухой со своими подельниками вошли через главный вход в тот же момент. Вот те на! Ловушка то была для двух торчков, но случайно в неё угодил Глухой. Карелла тогда подстрелил его, и он не забудет этого никогда, он не простит Кареллу никогда.

В последний же раз, Глухой не рассчитывал, что Карелла раньше времени поймет, в чем дело, хотя, конечно же, основательно ему помог. То была его ошибка. Слишком доступно все изложил, слишком честно. Буквально рассказал Карелле, что планирует

ограбить один и тот же банк дважды за одно утро, рассчитывая на провал группы А, и вошел в банк с группой Б только для того, чтобы наткнуться там на Кареллу в засаде.

Карелла был умнее, чем думал Глухой.

Он, возможно, был даже умнее, чем сам думал о себе.

Случайности, но не ошибки.

Но теперь – больше никаких хороших парней.

Нигде в правилах не сказано, что он будет играть честно.

Им вообще повезло, что он с ними играл.

В рождественский вечер Глухой украдет миллион долларов или даже более того.

И в этот раз уйдет с деньгами, потому что в этот раз он заранее не оповещал полицию. Ну, конечно, он не мог устоять перед соблазном бросить тело Элизабет в парке напротив участка. Хотя и полностью голое, чтобы было невозможно опознать. И то была единственная зацепка, если можно считать её таковой, к тому, что он задумал в Канун Рождества.

В канун Богоявления, в Двенадцатую Ночь, он уничтожит детективов, – большинство из них – тех кто работает в старом строении с окнами на Гровер Парк.

И также спокойно уйдет.

Потому что, не смотря на то, что он предупредил их, сделал он это нечестно.

Они погибнут.

Ужасно.

Он улыбнулся от этой мысли.

Сегодня был вечер 23 декабря.

Сегодня вечером еще оставались кое-какие дела.

* * *

В этом районе надо быть осторожным, даже не смотря на приближающееся Рождество. Точнее, может быть, даже более осторожным в это время года. Люди совершают забавные дела в рождественские дни. Многие, живущие на здешних улицах, могли бы вспомнить одно время, хотя было это не под Рождество, а где-то в марте, так вот они могли бы вспомнить, как какие-то молодчики поджигали спящих в подъездах бездомных. Алкашей. Их обливали керосином и поджигали. Дуг Хеннеси тогда еще не жил в этом городе, но много слышал о тех поджогах и знал, что в этом городе нужно быть, наверное, даже осторожнее, чем в любом другом городе на земле. Хотя Дуг не считал себя бездомных. Или даже алкашом. Дуг был человеком улицы и ни кем другим. Ему не особо нравился сезон праздников из-за того, что улицы переполнялись людьми, все куда-то спешили, думая только о себе, совершенно забывая о том, чтобы бросить монетку другую кому-то нуждающемуся вроде самого Дуга. Сегодня ему удалось разжиться четырьмя долларами и двадцатью двумя центами – за два дня до Рождества, представляешь? А где же был ваш дух щедрости? – на все про все он потратил время с восьми утра до почти семи вечера! По-прежнему было непонятно, кто же мог дать ему два цента. Может то был хорошо одетый мужик в енотовом пальто и бобровой шапке? Два цента. И все же собранных денег хватило на покупку трех бутылок отличного вина по 1,4 доллара за штуку, включая налог, плюс два цента в остатке. Одну бутылку Дуг уже выпил, две другие он планировал растянуть на всю ночь, свернувшись калачиком в подъезде на Мэйсон Авеню.

Проституткам на Мэйсон Авеню не очень нравилась идея со спящими в подъездах бездомными. Им казалось, что это придает району дрянной вид, если что-либо в принципе было в состоянии придавать такой вид этому самому по себе дрянному району. Они считали, что бездомные в подъездах мешают их бизнесу. Какой-нибудь Джон из центра приезжал сюда в поисках маленькой пуэрториканской шлюшки и ему было не по душе видеть задницы алкашей в подъездах. Проститутки с Мэйсон Авеню подумывали о том, чтобы подать петицию против бездомных, придающих дрянной вид их владениям. Ну, сам Дуг не мог сильно винить их за это. У них была трудная работа. Он пытался вспомнить, когда в

последний раз был в постели с женщиной, проституткой или какой-то другой. И за всю свою жизнь не мог ничего вспомнить. Может быть тогда, в Чикаго? Давным-давно, когда он работал бухгалтером в Чикаго? В другой жизни.

Некоторые бездомные пользуются беззащитностью женщин с улицы, живущими также как и они. Находят какую-нибудь бездомную леди, спящую в подъезде, задирают ей юбку и делают свое дело. Дуг не воспользовался бы беззащитностью какой-то несчастной даже за миллион лет. Вчера утром он видел одну из таких и это почти разбило ему сердце. Он видел эту молодую бездомную, ей было не больше двадцати восьми-двадцати девяти лет. На ней был розовый свитер поверх тонкого летнего платья, шерстяные перчатки с отрезанными пальцами. Боже правый, она почти разбила ему сердце! Стоя в подъезде. Смотрясь в свое отражение на стеклянной поверхности двери. Руки обнимали живот. Шарили по животу. Широко расставленные пальцы трогали живот. Большой как арбуз. А на лице застыло выражение полной растерянности. На мгновение Дуг представил её стоящей в какой-нибудь спальне. Дверь платяного шкафа открыта. На ней зеркало в полный рост. Она в шелковом ночном платье. Растопыренные пальцы покоятся на беременном животе, точно так же, как они делают это сейчас в подъезде, но выражение лица другое. Выражение гордости, удовольствия. Молодая беременная женщина в благоговейном трепете от своего состояния, её лицо сияет. Но вместо всего этого – какой-то подъезд холодным зимним днем накануне Рождества и полный разлад на лице.

О Господи, как несчастны эти горемыки нашего мира!

Он откупорил вторую бутылку вина.

Наступала еще одна холодная ночь.

Может в день Рождества он сходит за супом на кухню Армии Спасения.

Поживем-увидем. Нет смысла строить планы наперед. Он плотно приложился к бутылке, когда из темноты внезапно возник человек. Уличный свет был у него за спиной и Дуг не смог рассмотреть его лицо. Лишь светлые волосы развивались на ветру. И что-то похожее на слуховой аппарат виднелось в его правом ухе.

– Добрый вечер, – приветливо сказал мужчина.

Дуг подумал, что это очередной Джон из центра пришел сюда в поисках юной шлюшки.

– Добрый вечер – отозвался Дуг, и совсем в духе праздничной атмосферы щедрости протянул незнакомцу бутылку вина, – Хотите вина, сэр?

– Нет, спасибо, – ответил мужчина. – Лучше твое ухо.

Сперва Дуг подумал, что мужчина хочет поговорить. Подумать только – одолжи мне свои уши! Но затем, он внезапно с ужасом увидел, как в руке незнакомца появился нож. На его лезвии отражались сменяющиеся от красного к зеленому сигналы светофора, мигающие огоньки рождественских гирлянд. И вдруг левая рука незнакомца схватила его за горло и придавила спиной к полу подъезда. Бутылка с вином грохнулась на тротуар – доллар и сорок центов! – разлетелась на тысячи осколков зеленого стекла. Мужчина перевернул его на левый бок, лезвие полыхнуло красным и желтым светом переключившегося светофора.

Дуг почувствовал как линия обжигающей боли полыхнула над его правым ухом.

Затем огонь спустился вниз, разливая такую острую боль, что Дуг заорал и инстинктивно приложил руку к своему правому уху.

Правого уха уже не было.

Он отдернул руку, перепачканную кровью.

Снова закричал.

Светловолосый со слуховым аппаратом исчез так же неожиданно, как и появился.

Дуг орал, не умолкая.

Проститутка по дороге в бар, шелестя красным рождественским сатином и поддельным мехом, стуча тонкими шпильками по тротуару, заглянула в подъезд, покачала головой и цокнула языком.

Глава 10

Рассвет в Канун Рождества выдался ясным и искристо холодным. Глухой был доволен. Снег вообще не мог расстроить его планы, да и ему самому нравилась такая погода. Кровь пела в венах.

Ему нравились рождественские праздники. Нравились все эти Санта Клаусы, звенящие колокольчиками практически на каждом углу. Нравились кареты, запряженные лошадьми. Большая елка на площади Андовокр. Вся эта сопливая мелюзга, охающая и ахающая от городских видов и звуков. Нравилась мысль обо всех деньгах, ожидающих, когда их украдут.

Улицы заполонили праздничные покупатели.

Это хорошо.

Больше налички в кассе.

Глухой улыбнулся.

Он запихнул Чарли Хенкинса в отель, находящийся в десяти кварталах от 87-го полицейского участка. Отель был местом малопримечательным и, вероятно, служил пристанищем для большого числа проституток, но в этом районе ничего лучшего не нашлось. Для себя лично Глухой снял особняк очень далеко от участка. Чарли никогда не был у него. Было очень важно, чтобы он не знал, где жил Глухой. После завершения работы, когда Чарли поймет, что никто не собирается к нему в отель с кровно заработанными деньгами, Глухой не хотел его нежданного визита. Но даже если Чарли и начнет что-либо вынюхивать, ему никогда не удастся найти этот особняк.

Глухой снял его на имя Др. Пьер Сурд. Строчными pierre значит «камень» по-французски. Sourd значит «глухой». Вместе данная идиома при некоторой вольности могла бы звучать как completement sourd (полностью глухой) или более вольно – sourd comme un pot (глухой как горшок) – что значит «глухой как камень».

Элизабет переехала в этот особняк вместе с ним в начале октября. Они познакомились с ней в Исольском Музее Арт Модерна, который местные жители нежно звали ИМАМ. В мусульманских странах имам был духовным лидером ислама, а в этом городе – это был музей и просто хорошее место для знакомства с впечатлительной молодой девушкой. Поболтай с ней о Матиссе и Шагале – как на счет чашечки чая в саду? Она была застенчивой, эта Элизабет. Девственница, сперва подумал он, но обошлось не без сюрпризов. Сюрпризы были всегда.

Он узнал, что она начала работать кассиром в августе. Ну-ну! Узнал, что имеет доступ к большим суммам денег. Что, Элизабет, правда? Он называл её Элизабет и ей это нравилось. О Боже, говорила она. Он оттрахал её в тот же вечер. Она громко кричала. Тихони всегда оказывались очень крикливыми.

Отель, в котором остановился Чарли, назывался «Экселсиор», что было образчиком явного преувеличения из-за того, что, возможно, название происходило от латинского excelsus, формы причастия прошедшего времени от глагола excellere, что значит «превосходить». Возможно однажды, давным-давно в незапамятные времена «Экселсиор» был и в самом деле превосходным, хотя Глухой в это не верил. С другой стороны, слово «экселсиор» использовалось для описания тонкой деревянной стружки, используемой для упаковки, а в руках поджигателя – в качестве запала. Таким образом, может быть, в конце концов, здание было названо правильно в том плане, что представляло из себя отличную огненную ловушку.

Глухой любил слова.

Глухой также любил превосходить.

Иногда ему казалось, что он мог быть превосходным писателем, хотя причина, по которой люди выбирали себе такое странное занятие, оставалась для него за гранью понимания.

Когда он вошел в комнату Чарли Хэнкинс был занят зубрежкой комбинаций.

– Я снова перебираю эти комбинации, – сказал он.

– Давай-ка проверим их, – сказал Глухой. – Наружная дверь?
– Семь-шесть-один, два-три-восемь.
– А внутренняя дверь?
– Девять-два-четыре, три-восемь-пять.
– Хорошо. А на самом сейфе?
– Два-четыре-семь, четыре-шесть-три.
– Хорошо. Еще раз!
– Наружная дверь. Вправо семь-шесть-один, два-три-восемь. Внутренняя дверь, снова вправо девять-два-четыре, три-восемь-пять. Открываем хранилище, кассир и помощник кассира сидят за двумя столами, деньги – в сейфе. Крутим вправо два-четыре-семь, четыре-шесть-три.
– Ты сразу застрелишь их, – сказал Глухой.
– Потому что на обоих столах есть «тревожные» кнопки.
– Под обоими столами, именно. С ножной активацией. Ты скажешь: «Веселого Рождества», и пристрелишь их.
– Этот самый, глушитель, он сработает, а?
– Он сработает, безусловно.
– Я ведь никогда не пользовался пушкой с глушителем.
– Он сработает, тебе нечего волноваться.
– После того, как я сложу деньги в сумку…
– Не только деньги. Все, что находится в сейфе.
– Чеки, все подряд, потому что нет времени заниматься сортировкой. Я просто закину всё в сумку.
– Верно.
– И затем я ухожу через служебный вход.
– Верно.
– А ты будешь ждать меня снаружи на тротуаре.
– У меня будет звучать «Безмолвная ночь».
– Да, «Безмолвная ночь», – сказал Чарли и улыбнулся.

* * *

Детектив Ричард Дженеро открыл верхний ящик своего стола и еще раз взглянул на приглашение:

ВЫ ПРИГЛАШЕНЫ НА ВЕЧЕРИНКУ к лейтенанту Питеру Бёрнсу. ДАТА: 5 января. ВРЕМЯ: 20-00. МЕСТО: комната детективов 87-го участка.
На обратной стороне конверта от руки было написано следующее:

«Ричард! У меня нет возможности пригласить всех. Поэтому сохрани это в тайне, хорошо? Хэрриет.»
Приглашение пришло два дня назад. Много времени было потрачено Дженеро на выяснение того, что Хэрриет – это Хэрриет Бёрнс, жена лейтенанта. Он осторожно спросил у Хэла Уиллиса – «Слушай, кто такая Хэрриет?», на что Уиилис ответил, подморгнув: «Жена Пита». Дженеро заподозрил, что Хэл Уиилис тоже приглашен на вечеринку, но он поклялся хранить тайну и поэтому больше не сказал ни слова. Теперь он размышлял, к чему была приурочена эта вечеринка. Казалось забавным, что Хэрриет не упомянула о поводе для вечеринки. А что если накануне вечеринки он позвонит миссис Бёрнс? Она подписалась под приглашением «Хэрриет», так ведь? Можно ли называть её «Хэрриет»? Или следует позвонить лейтенанту Питу? Никогда за всю свою жизнь он не называл его Питом.
Дженеро не понравилось, что все так усложнилось.
Например, почему миссис Бёрнс называет его Ричардом? Единственным человеком, кто

называл его Ричардом, была его собственная мать. Никто из детективов участка не называл его Ричардом. Также никто из детективов участка не называл его Диком. Никто в целом мире не называл его Диком! В участке все звали его Дженеро. Только по фамилии. Дженеро. Они называли Кареллу «Стив», а Хоса – «Коттон», Клинга – «Бэн», но его самого – всегда только «Дженеро». По фамилии. Конечно, они называли Майера «Майером», но только потому, что его имя и фамилия совпадали. Мать Дженеро говорила, что обращение по фамилии – признак уважения людей. А он отвечал ей, что они обращаются к нему не «мистер Дженеро», а просто «Дженеро». А она настаивала, что все равно это – дань уважения.

Также она настаивала, что ему следует разузнать побольше об этой вечеринке, а то вдруг от него ожидают подарок. Если окажется, что нужно принести подарок, а он придет без него, в глазах лейтенанта это будет выглядеть не очень хорошо.

«Il mondo ; fatto a scale» , – говорила ему мать. – «Chi le scende e chi le sale».

Это переводилось как: «Мир состоит из ступенек, одни ведут вверх, другие – вниз».

Что в конечном итоге значило: «Если Дженеро желает когда-либо занять достойное место в полицейском участке, ему нужно прийти с подарком на вечеринку лейтенанта, если подарок подразумевается».

‘Ognuno cerca di portare l’acqua al suo Molino,’ – говорила его мать.

Это переводилось как: «Каждый человек старается сам принести воды на свою мельницу»

Что в конечном итоге значило: «В интересах самого Дженеро прийти с подарком на вечеринку лейтенанта, если он желает продвинуться по службе в полицейском участке».

Но Хэрриет Бёрнс попросила его хранить тайну о вечеринке.

Так как же ему спросить у кого-то, нужен подарок или нет?

Все было так запутано!

Дженеро вздохнул и посмотрел через окно на парковку позади участка.

Бледные послеобеденные лучи отражались от белых крыш припаркованных патрульных автомобилей.

****

Синоптики обещали снег на Рождество, но вряд ли сегодня его стоило ожидать. В этом городе случались дни, когда было непонятно, зачем люди стремятся уехать к Солнечному Поясу. Да, было холодно, безусловно. Но холод лишь ускорял шаг и заставлял чувствовать себя бодрее. А небо было таким голубым, что хотелось его обнять. И сверкающий солнечный свет создавал подобие летнего дня, не смотря ни на какой холод.

Большие супермаркеты заполонили полноразмерные страницы газет своей рекламой, сообщая, что будут работать до 18-00. Бизнес и ничего более. То был прекрасный день для совершения покупок. Щедрое солнце, хрустящий холодный воздух напоминали, что сегодня канун Рождества, улицы оживлялись настроением предвкушения и ожидания, зазывающее тепло магазинов со сверкающими табло, да и сами продавцы в этот день были вежливее и обходительнее чем когда-либо.

На шестом этаже одного из магазинов Грубера на окраине города, недалеко от 87-го участка, Санта Клаус или точнее, человек, изображающий Санта Клауса, был поражен очередью детишек, выстроившейся в ожидании беседы с ним, в пять часов вечера. Каждому маленькому мальчику, взобравшемуся ему на колени, он повелевал как можно скорее давать свои заказы на игрушки, потому как Санте еще нужно было торопиться на Северный полюс кормить оленя и готовиться к долгой и холодной ночной скачке. Мальчишки благоговейно трепетали от Санты и выпаливали свои просьбы со скоростью табачных аукционистов. А маленькие девочки совершенно не спешили. Возможно из-за того, что это была последняя возможность увидеть Санту перед тем, как он спустится в камин завтрашним утром. А может, потому, что человек, изображающий Санту, поощрял их использовать столько времени, сколько им было необходимо. На самом деле человека, изображающего Санту,

звали Артур Дритс, и самой ближней точкой к Северному полюсу в его жизни была тюрьма Каслвью, где он провел уйму времени за изнасилование I степени, преступление класса Б следующей формулировки:

Будучи мужчиной, вступить в сексуальную связь с особой женского пола:

1. С помощью силового принуждения; или

2. Пользуясь физической беспомощностью жертвы; или

3. С той, кому не исполнилось одиннадцати лет.

Менеджер по персоналу, нанявший Дритса на роль Санты для супермаркета Грубера, не знал, что у него есть тюремный срок или, что он любит детей намного больше, чем должен это показывать – особенно девочек моложе одиннадцати лет. В глазах менеджера по персоналу то был просто добродушный малый с небольшим брюшком и часто моргающими голубыми глазами – из него мог получиться отличный Санта. Даже после того, как Дритс приступил к работе в супермаркете, менеджер ни разу не заметил, что большинству мальчиков Санта уделяет совсем немного внимания, в то время как даже некрасивые девочки засиживаются у него на коленях необычайно долго.

Сегодня в начале шестого, зная, что официально супермаркет закроется ровно в шесть, Дритс уже целых пять минут удерживал на своих коленях восьмилетнюю девочку со светлыми кудрями, пожирая ее взглядом, пока она восторженно излагала свои разнообразные просьбы. Он напомнил ей перед сном оставить для него чашку горячего шоколада, а затем помог слезть с колена. Его большая мясистая ладонь крепко сжала пухлую правую ягодицу девочки, когда он опускал её на пол. Затем он повернулся к следующей девочке из очереди – очаровательной латиноамериканке со светлыми глазами-кнопками и ангельским ротиком: «Ну-ка милая, садись на колено к Санте и расскажи, что хочешь получить на Рождество!».

Дритс на Рождество хотел её.

Он посмотрел на висящие на стене супермаркета часы, и пожелал, чтобы эта работа никогда не закончилась.

* * *

На воровском языке это называлась «работа с запасным».

Один парень заходит в магазин, прячется где-нибудь внутри, остается до закрытия и ухода персонала домой. Затем «запасной» отрубает сигнализацию, впускает своего напарника, и они вместе обчищают точку. Только это было не кражей, а вооруженным налетом. И Чарли не собирался ожидать закрытия, потому что в этом случае он никогда не смог бы выбраться оттуда. Во всем же остальном, тем не менее, это была «работа с запасным». В мужском туалет на шестом этаже Чарли ждал, когда магазин начнет выпровожать всех покупателей. Затем он спустится в холл к офису кассира, и Счастливого Рождества вам, леди!

Мало кто знал, что множество супермаркетов имели свое собственное хранилище, как у банков. Хранилища были необходимы из-за огромного оборота наличных в этих магазинах и потому, что большинство из них работало дольше, чем сами банки. Что же им оставалось делать с наличными после закрытия? Чтобы вы сделали на их месте? Завели бы себе свое собственное хранилище, с системой безопасности, похожей на банковскую, и оставляли бы там всю выручку на ночь до тех пор, пока не получиться передать её на хранение в банк. У некоторых супермаркетов были свои собственные бронемобили для сбора наличных и отправки в центральное хранилище, но Лиззи Тёрнер говорила, что у сети супермаркетов Грубера нет никаких бронемобилей, никто не приезжает за деньгами. У Грубера было собственное хранилище с отдельным сейфом внутри.

Завтра будет воскресенье.

В обычных обстоятельствах вся субботняя выручка была бы зарегистрирована в офисе кассира ранним утром понедельника, а затем пара бронемобилей перевезла бы её на

хранение в банк.

Но завтра будет не просто воскресенье, а еще и Рождество.

Из чего следовало, что понедельник 26 декабря – официальный выходной и банки тоже не откроются. Если все пойдет хорошо, то, как предполагал Деннис, до утра вторника, пока вновь не откроется офис кассира, никто даже не догадается, что магазин ограбили.

Чарли сидел на унитазе со спущенными до щиколоток штанами. Так он сидел уже около получаса, прислушиваясь к потоку людей входящих и выходящим из туалета на шестом этаже супермаркета. До 18-45 шевелиться он не планировал.

Лиззи говорила им, что система безопасности в офисе кассира очень хорошая, лучше, чем у некоторых банков. Две разные комбинации на двух дверях, ведущих в хранилище, еще одна на самом сейфе. Никаких окон. Только два стола, различные счетные машины, компьютеры и прочая ерунда, ну и большой сейф на дальней стене. После закрытия магазина в 18-00 у заведующих отделами каждого этажа примерно полчаса уходит на сверку наличности с чеками кассового аппарата. Затем они кладут выручку в пластиковые пакеты с клапаном-молнией и приносят в офис кассира на шестой этаж.

Лиззи рассказывала, что они с помощницей складывают эти пластиковые пакеты в сейф и активируют сигнализацию сейфа и двух дверей хранилища перед тем, как покинуть офис незадолго до семи часов вечера. Редко кто-то из персонала, включая всех управляющих, оставался в магазине после семи. Все сотрудники покидали супермаркет через служебный вход. Сотрудник службы безопасности наблюдал по часам, как они покидали магазин. Когда уходил последний, служба безопасности запускала внутреннюю сигнализацию.

Она рассказала им это все, когда они планировали работу.

Милая девушка, эта Лиззи. И смышленая к тому же. Уйти с работы в начале октября – затаиться до момента дележа денег. До завтрашнего утра. Рождества на троих. Рождества в номере «Экселсиора», наступающего в тот момент, когда Деннис придет и принесет с собой…

Неожиданно ожил громкоговоритель на стене, и женский голос растревожил тишину мужского туалета.

«Дамы и господа, супермаркет Грубера закрывается через двадцать минут, – произнес женский голос. – Любезно просим вас завершить свои покупки до шести часов. Спасибо вам и Счастливого Рождества!»

Чарли посмотрел на часы.

Затем поднялся, надел трусы и брюки, застегнул ремень и потянулся к своему чемодану, стоящему у стены кабинки. Он снова проверил замок на двери, а затем открыл чемодан.

* * *

Огромный красный баннер с золотой окантовкой развевался и хлопал на ветру над входом в магазин Грубера. Золотыми буквами одно над другим на нем были вышиты следующие поздравления:

СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА

FELIZ NATAL

JOYEUX NOEL

BUON NATALE

Под баннером, ближе к бордюру стоял мужчина в униформе «Армии Спасения», на треноге висел железный котелок. К треноге была прикреплена табличка:

Делиться – значит заботиться. Армия Спасения. Благослови вас Господь!

Кассетный магнитофон орал «Безмолвную ночь».

Мужчина в форме «Армии Спасения» носил слуховой аппарат в правом ухе, но из-за теплых наушников на его ушах никто не мог этого увидеть.

«Благослови вас Господь», – сказал он мужчине, бросившему «четвертак» в котелок.

* * *

«Дамы и господа, магазин Грубера закрывается через пятнадцать минут, – произнес женский голос. – Любезно просим вас завершить свои покупки до шести часов. Спасибо вам и Счастливого Рождества!»

* * *

В мужском туалете на шестом этаже Чарли вновь посмотрел на часы. Он уже прикрепил подушку к своему и так заметному брюшку и надел красные штаны с черными сапогами. Теперь же он натягивал красный жакет. Вот он застегнул пуговицы жакета. Затянул широкий черный пояс на талии, затем нацепил бороду и надел красную шапку с полоской белого меха. Перед тем как покинуть мужскую комнату, он точнее приладит бороду, глядя в зеркало над раковиной. Чарли снова потянулся к чемодану, достал оттуда большой полосатый мешок с красно-зеленой надписью «Счастливого Рождества» и пистолет с глушителем. Засунул пистолет под жакет, поверх подушки.

За стеной кабинки кто-то мочился в писсуар.

* * *

«Дамы и господа, магазин Грубера закрывается через пять минут, – произнес женский голос. – Любезно просим вас завершить свои покупки до шести часов. Магазин снова откроется во вторник 27 декабря, и все товары будут продаваться со скидкой 30-50%. Спасибо вам и Счастливого Рождества!»

Тротуары возле магазина Грубера напоминали восточный базар. Осознавая, что магазин закрывается в шесть вечера и в канун Рождества запоздалые покупатели могут пожелать спустить несколько баксов на покупку подарка последней минуты, уличные торговцы толпами стеклись сюда. Справа от котелка Армии Спасения стоял пуэрториканец, продающий широкий выбор наручных часов, размещенных в складном кейсе на складной стойке. Если вдруг появится представитель закона и у продавца не окажется лицензии на торговлю, он просто сложит кейс и стойку, как арабы складывают шатер, и также быстро исчезнет в ночи. Глухой пришел к выводу, что все часы – краденые. Иначе, почему человек станет продавать их по пять долларов за штуку?

«Пят доллар! – кричал мужчина, – савершенны новы наручный часы, пят доллар!»

Слева от Глухого еще один антрепренер, перекрикивая звуки «Безмолвной Ночи», демонстрировал пару дюжин шарфов различной сверкающей расцветки, разложенных на изрядно побитом молью армейском одеяле.

«Настоящий шелк! – кричал он прохожим. – Подходи – выбирай, три доллара за штуку, четыре – за десять, настоящий шелк!»

На углу, где проспект пересекался с улицей, какой-то мужчина продавал хот-доги из тележки. Другой – кренделя. Третий мужчина предлагал 100% свежевыжатый апельсиновый сок и итальянское мороженое.

Где-то дальше по проспекту, на башне Церкви Вознесения Христова зазвучали колокола, на две минуты раньше наступления часа.

* * *

Менеджер по персоналу поднялся в отдел игрушек на шестом этаже без двух минут шесть. Санта одиноко восседал на своем троне. Менеджер, чье имя было Самуэль Ароновиц, подошел к Санте и сказал: «Сегодня больше не будет маленьких девочек и мальчиков, Санта! Давай-ка пойдем – выпьем!»

Санта печально вздохнул.

Они прошли в вестибюль мимо ошеломляющей россыпи указателей во всех возможных направлениях компаса: ОФИС УПРАВЛЯЮЩЕГО, ОФИС КАССИРА, КРЕДИТНЫЙ ОТДЕЛ. ВОЗВРАТЫ, ОТДЕЛ КАДРОВ, ОТДЕЛ ИГРУШЕК, САНТА КЛАУС, ТЕЛЕФОННЫЙ ОТДЕЛ, УБОРНЫЕ.

Когда они вошли в отдел кадров, Ароновиц снова услышал женский голос из громкоговорителя.

«Дамы и господа, уже шесть часов. Если вы все еще в магазине, рекомендуем вам воспользоваться выходом на Четвертую улицу. Пользуясь случаем, от имени магазинов Грубера из центра и окраины и всего города мы желаем вам всем Счастливого Рождества! Счастливого Рождества всем вам и доброй ночи!»

«Так было в нашей рекламе на радио», – сказал Арановиц.

«Сэр?» – не понял Дритс.

– Строчка «из центра и окраины и всего города». Очень эффективна. Входите, входите же, чего бы вы хотели выпить? У меня есть скотч и джин.

– Немного скотча, пожалуйста, – сказал Дритс.

* * *

В офисе кассира Молли Дрисколл и Хелен Руджиеро одновременно посмотрели на часы. Молли была кассиром. Она приступила к этой работе в середине октября. Хелен была помощником кассира и сердилась на то, что её не продвинули по службе после ухода Лиз Тёрнер.

На часах было уже четверть седьмого и все отделы магазина кроме «Лучшие платья», «Важная бытовая техника», «Юниоры» и «Багаж» принесли свои пакеты на молнии, набитые выручкой, и сложили их в небольшой стальной ящик, встроенный в стену, справа от внешней бронированной двери. Обе стальные двери в хранилище были закрыты на замок. Сейф оставался открытым. Они закроют его и активируют сигнализацию, как только положат туда последнюю выручку.

Хелен и Молли очень хотели убраться отсюда.

Молли хотелось поскорее домой, где ее ждали муж и трое детей.

Хелен торопилась в квартиру своего бойфренда. После обеда он сказал ей, что прикупил немного отличного «кокса».

«Что же они там копаются?» – вопрошала она.

* * *

– Мистер Дритс, я хочу лично поблагодарить вас за блестящую работу в магазине Грубера, – сказал Арановиц. – Ваша сердечность, терпение, безусловное понимание детей – всё это вкупе сделало из вас лучшего Санту, который когда-либо у нас был! Хотите еще выпить?

– Да, сэр, спасибо, – сказал Дритс.

– Я надеюсь, мистер Дритс, что в следующем году вы снова придете поработать к нам. Откровенно говоря, у нас постоянные проблемы с подбором подходящего Санты.

– Буду счастлив вернуться к вам через год, – ответил Дритс, принимая следующую порцию выпивки.

«При условии, что не попаду в Каслвью», – добавил про себя Дритс.

* * *

В закрытой кабинке мужского туалета Чарли снова посмотрел на часы.

18-30.

Пятнадцать минут до его выхода.

Пот начал сочиться сквозь накладную бороду.

* * *

На тротуаре снаружи магазина Глухой посмотрел на часы.

Без двадцати пяти семь.

«Четыре доллар, – кричал пуэрториканец, – савершенны новы чисы!»

«Шелковые шарфы, абсолютно все шелковые, два доллара за штуку, четыре – за шесть!» – кричал другой торговец.

«Без-молвна-а-ая ночь, – орал кассетник. – Свя-а-а-тая ночь!»

* * *

Мужчина у рукомойника в туалете горланил «Безмолвную ночь» во всю мощь своих легких.

В закрытой кабинке Чарли снова посмотрел на часы.

18-42.

«Вси-у-уду тишь, – орал мужчина, – вси-о-о светло!»

* * *

В офисе кассира Хелен посмотрела на часы и сказала: «Где же эти «Лучшие платья»?»

* * *

Уже было 18-45.

Чарли пора было действовать.

Мужчина у рукомойника продолжал петь.

«Вкруг де-э-э-вы Марии с дитям».

Чарли замер. Мужчина прекратил петь. Чарли услышал, как открылся кран с водой. Снова посмотрел на часы. Больше он не мог ждать.

Чарли вышел из кабинки.

И уставился на Санта Клауса.

Санта Клаус умывался.

Его борода покоилась на краю рукомойника.

Санта повернулся.

Перед Чарли стоял Артур Дритс, сидевший в Каслвью, когда сам Чарли был там заключенным. Педофил.

«Эй, чувак», – сказал Дритс удивленно.

Дритс был удивлен тем, что видел перед собой такого же, как он Санту. Он и не знал, что в магазине было целых два Санты. Чарли, забыв о накладной бороде, подумал, что Дритс был удивлен тем, что узнал его. Чарли выбежал из уборной до того, как Дритс смог его хорошенько рассмотреть.

* * *

Молли закрыла дверь сейфа и нажала кнопки, включающие сигнализацию

Два-четыре-семь, четыре-шесть-три.

«Ну вот и все», – произнесла она.

«Finalmente!» (Наконец-то) – ответила Хелен.

* * *

Когда Дритс вышел из служебного входа магазина Грубера, на нем снова была борода. Это поднимало ему настроение: носить бороду, быть одетым как Санта, как лучший чертовый Санта, который когда-либо нанимал магазин! Но кто же, черт его дери, был тот самозванец в мужской уборной? Что еще больше поднимало настроение Дритса так это изрядная порция скотча из офиса Арановица. Очень хорошего скотча. От него в кругленьком брюшке было приятно и тепло.

На тротуаре стоял человек, продающий часы за два доллара.

И человек, продающий шарфы по доллару за штуку.

И парень из Армии Спасения у большого котелка.

«Сюда», – крикнул парень из Армии Спасения.

Дритс взглянул на него.

«Хо, хо, хо», – ответил он.

«Где мешок?», – прошептал парень из Армии Спасения.

Дритс подумал, что у парня не все дома.

Он показал ему средний палец и зашагал по улице.

* * *

Молли и Хелен уже собирались покинуть офис, когда открылась внутренняя бронированная дверь.

Они уставились на Санту Клауса.

«Счастливого Рождества, леди!» – сказал Санта и выпустил по одной пуле каждой промеж глаз.

Глушитель сработал отлично.

* * *

Глухой смутился лишь на мгновение.

«Конечно же, – подумал он, – это был настоящий Санта. Или, как минимум, Санта из супермаркета».

Он взглянул на часы.

Без пяти семь.

Чарли должен был выйти с минуты на минуту.

Он посмотрел на угол, где улица пересекалась с проспектом. Из-за угла появился полицейский в форме.

«Эй, ты!» – крикнул коп пуэрториканцу, продававшему часы.

* * *

Сотруднику службы безопасности у служебного входа показалось, что он уже видел, как уходил Санта.

«Вас двое, да?» – спросил он у Чарли.

Чарли шел по графику. Полосатый мешок с красно-зеленой надписью «Счастливого Рождества» распух от денег, взятых из сейфа. Чарли взял карточку с полочки Хелен Руджиеро и приложил её к турникету.

Было почти семь.

«Нас двое, верно», – сказал он.

«Ну, Счастливого Рождества тебе, Санта!» – сказал сбэшник, хихикая от своей маленькой шутки.

«И тебе тоже, друг», – сказал Чарли и вышел на улицу, где все неожиданно пошло к

чертям…

* * *

Коп хотел видеть лицензию на торговлю.

У пуэрториканца не было лицензии на торговлю.

Коп сказал, что выпишет ему повестку в суд.

Кто-то из толпы прохожих выкрикнул: «Да ладно, гавнюк, сегодня же Канун Рождества!»

Коп прокричал в ответ: «Ты тоже хочешь повестку?»

Толпа неодобрительно загудела на полицейского.

Именно в этот момент пуэрториканец решил, что неплохо было бы смыться.

Именно в этот момент Чарли вышел из магазина с большим мешком денег.

По плану мешок с деньгами нужно было положить у котелка, где его бы приняли за имущество Армии Спасения.

По плану Чарли должен был раствориться в ночи без награбленного.

По плану Глухой должен был подождать пять минут, взять мешок и уйти с ним прочь.

Так было по плану.

Пока пуэрториканец не врезался в Чарли, выходящего из магазина.

И мешок не упал на тротуар.

И пластиковые пакеты на молнии не рассыпались под ногами.

И толпа не решила, что это Санта раздает деньги к Рождеству.

И коп не подумал, что Санта – гребанный вор.

Толпа метнулась к деньгам, разбросанным по тротуару.

«Стой, не то пристрелю!» – заорал коп на Санту. Толпа решила, что он велит им прекратить поднимать деньги.

«Пошел нахер, свинья!» – заорала толпа.

К тому времени пуэрториканец пробежал полквартала.

В руке Санты внезапно появилось оружие.

Глухой лишь моргнуть успел, как полицейский выстрелил в Чарли.

Чарли приземлил свои булки на тротуар, пуля попала ему в правое плечо.

Какая-то леди швырнула десять центов в котелок Армии Спасения.

«Боже благослови!», – сказал Глухой.

«Спи в небе-е-е-сном по-о-окое», – проорал кассетник, – «небе-е-есном покое…»

«Вот дерьмо!», – подумал Глухой.

И растаял в толпе

Глава 11

Ни Карелле, ни Брауну не хотелось работать на Рождество.

Оба сознательно решили работать в смену с «четырех-до-полуночи» в канун Рождества так, чтобы у них получилось провести праздничный день в кругу своих семей. Но примерно в семь вечера человек по имени Чарли Хенкинс опрометчиво ограбил супермаркет Грубера и при этом убил двух женщин. У Кареллы с Брауном перехватило дыхание, когда позвонил какой-то безумный патрульный и сказал, что он только что подстрелил Санту. Официально дело закреплялось за ними, и вот почему в десять часов рождественского утра они проводили допрос Хенкинса в палате Больницы Святого Иуды.

«Я невинная жертва», – сказал Хенкинс.

Браун подумал, что он и в самом деле выглядел невинно. В белой больничной пижаме, с перевязанным плечом, мигающими голубыми глазами, округлым брюшком под одеялом он напоминал старого Святого Николая без бороды, прилегшего для долгой зимней спячки.

– Это другой Санта Клаус сделал, – сказал Хенкинс

– Какой такой «другой Санта Клаус»? – не понял Карелла
– Артур Дритс, – ответил Хенкинс.
Карелла посмотрел на Брауна.
– Давай-ка проясним один момент, – сказал Карелла.
– Я невинная жертва, – снова сказал Хенкинс.
– Чем ты занимался в наряде Санта Клауса? – спросил Карелла.
– Я направлялся в сиротский приют, чтобы сделать детишкам сюрприз.
– Какой сиротский приют? – спросил Браун. – У нас там нет никаких приютов для сирот.
– Я думал, что там есть такой приют.
– Ты шел с оружием в приют?
– Пушка не моя, офицеры, – сказал Хенкинс.
– А чья?
– Санты, – сказал Хенкинс. – Другого Санты.
– Давай-ка проясним один момент, – снова сказал Карелла. В этот раз он опять испытывал затруднения с ясностью. Он знал только, что Хенкинс вышел из магазина Грубера с мешком, набитым пакетами на молнии, в которых по подсчетам, сделанным перед передачей денег в канцелярию, было восемьсот тысяч двести пятьдесят два доллара наличными и множество персональных чеков. У Хенкинса было оружие – идентифицированное и помеченное как револьвер 32 калибра модели «Смит и Вессон Регьюлейшн Полис». Подходящий к револьверу глушитель был найден в офисе кассира у тела одной из жертв, женщины по имени Хелен Руджиеро, у которой в сумочке случайно обнаружилось четыре пакетика с марихуаной. Патрульный прокричал дежурное предупреждение и подстрелил Хенкинса. Теперь патрульный находился в штаб-квартире в центре города, где заполнял бумаги с пояснениями того, почему он, во-первых, достал свой служебный револьвер, а, во-вторых, зачем открыл огонь.
– Дайте мне все объяснить, – сказал Хенкинс.
Браун знал, что Чарли собирается бессовестно лгать.
– Я зашел в супермаркет Грубера, чтобы воспользоваться удобствами.
– Какими удобствами?
– Я поднялся на шестой этаж, чтобы отлить.
– А потом?
– Столкнулся с Дритсом в мужском туалете.
– Артуром Дритсом.
– Артуром Дритсом, с которым мы давно знакомы.
– Ага, продолжай, – сказал Браун.
– Дритс был одет как Санта Клаус. И к тому же у него была пушка, которую вы приписываете мне.
– А как оружие оказалось у тебя?
– Дритс мне отдал его.
– Зачем?
– Он сказал «Счастливого Рождества», и вручил мне его.
– А ты взял.
– Это был подарок.
– Поэтому, когда ты вышел из магазина, у тебя было оружие…
– Именно.
– И ты вытащил его.
– Только для того, чтобы отдать его офицеру полиции, потому как к тому времени у меня появился подозрения.
– Какого рода подозрения?
– Кто знает, может, эта пушка замешана в каком-то преступлении?
– Да, действительно, кто знает? – сказал Браун.

– Откуда у тебя взялся мешок с деньгами? – спросил Карелла.
– Он был у пуэрториканца.
– Какого пуэрториканца?
– Того, что торговал наручными часами. В мешке он держал свои часы. Когда он бросил мне мешок, часы и деньги высыпались из него.
– Выходит, что оружие принадлежало Дритсу, а мешок – пуэрториканцу.
– Тебе дошло, наконец, – сказал Хенкинс. – Я невинная жертва.
Карелла снова посмотрел на Брауна.
– В городе много дикарей, – сказал Хенкинс. – Видели бы вы всех этих людей, дерущихся за деньги! – Он потряс головой. – И это в канун Рождества!
– Давай-ка поговорим об этом персонаже, Артуре Дритсе, – сказал Браун.
– Да, сэр, – сказал Хенкинс.
– Говоришь, что он был твоим другом?
– Просто знакомым, сэр, – ответил Хенкинс.
Из этих «сэр» Браун понял, что докопался до чего-то важного.
– Говоришь, что знаком с ним очень давно.
– Да, сэр.
– Как давно?
– Ну, около четырех-пяти лет.
– И ты случайно столкнулся с ним в мужской уборной в магазине Грубера.
– Именно так все и было, сэр, – сказал Хенкинс. – Клянусь глазами своей мамы.
– Не примешивай свою мать сюда, – сказал Браун.
– Моя мама уже умерла, – сказал Хенкинс.
– Итак, у нас два человека в офисе кассира, – сказал Браун. – Убитые из оружия, которое было у тебя в руках.
– Пушка Дритса.
– С кем ты познакомился очень давно.
– Четыре или пять лет назад.
– Где? – спросил Браун.
– Что где, сэр?
– Где ты с ним познакомился?
– Ну, сэр, это не так уж просто вспомнить.
– Попытайся.
– Реально не могу сказать.
Браун посмотрел на Кареллу.
– Понимаешь, – подключился Карела, – мы здесь толкуем о двойном предумышленном убийстве? Плюс еще…
– Дритс должно быть и убил тех двоих, – сказал Хенкинс.
– Где ты познакомился с этим Дритсом? – спросил Карелла. – Если он, конечно, существует…
Хенкинс задумался.
– Забудь, – сказал Браун Карелле и повернулся к Хенкинсу. – Вы арестованы, мистер Хенкинс. Вы обвиняетесь в двойном убийстве и вооруженном ограблении. Согласно постановлению Высшего Суда в деле Миранда-Эскобедо…
– Эй-эй, подождите минутку, – сказал Хенкинс. – Я гребанная невинная жертва в этом деле!
– Это были Дритс и пуэрториканец, правильно? – спросил Карелла.
– Дритс дал мне пушку. Не знаю, где пуэрториканец достал все эти деньги, за которые дрались те животные.
– Где ты встретил его? – спросил Браун.
– На тротуаре, на выходе из магазина. Он врезался в меня…
– Не пуэрториканца! – крикнул Браун. – Дритса! Где, мать твою, ты встретил его?

– Я вам сказал один раз, скажу еще. Я отливал в мужской уборной, когда Дритс…
– В самый первый раз! – закричал Браун. – Где ты встретил его в самый первый раз?
– Ну…
– Поторопись, – сказал Браун. – Меня ждет Рождество.
– В Каслвью, так годится? – сказал Хенкинс.
– Ты сидел в Каслвью?
– Немного.
– Сколько?
– Мне дали «двадцатку».
– За что?
– Ну… Как-то вечером мне захотелось пить.
– Что это значит?
– Я зашел в этот ликеро-водочный магазин.
– Где?
– В Калмз Поинт.
– И?
– Попросил у парнишки бутылку «Гордона»
– И?
– Он не захотел дать мне её.
– И что?
– Мне пришлось уговорить его.
– Как ты уговаривал его? С помощью оружия?
– Ну, думаю, вы могли бы назвать это оружием.
– А как бы ты мог назвать это?
– Думаю, что я мог бы назвать это оружием.
– Как судья называл это?
– Ну, оружием.
– Значит, это было вооруженное ограбление.
– Они так и говорили.
– И тебе дали за него «двадцатку».
– Я отсидел только восемь.
– Итак, теперь ты снова взялся за старое, ага?
– Говорю же вам, это была пушка Дритса. Должно быть, Дритс и пристрелил тех двух леди. Если б я знал, что эта пушка была «горячей», я бы никогда не взял её.
– Кто тебе сказал, что это были леди? – спросил Браун.
– Что?
– Кто тебе сказал, что двое убитых в офисе кассира были женщинами?
Хенкингс заморгал.
– Хочешь рассказать нам об этом?
В комнате стало тихо. Детективы ожидали.
– Деннис должно быть застрелил тех двух леди, – сказал Хенкинс.
– Что за Деннис?
– Деннис Дав. Он, должно быть, зашел в офис кассира и пристрелил тех двух леди. Меня и близко не было там, когда происходило ограбление. Я ожидал на первом этаже. Я даже не знал, что происходит ограбление. Все, что мне было нужно сделать – дождаться Денниса и забрать пушку с мешком…
– Минуточку, – сказал Карелла, – давай-ка проясним один момент, – он снова испытывал проблемы с ясностью.
– Деннис попросил оказать ему одну услугу, вот и всё. – Его мигающие голубые глаза неистово метались из стороны в сторону. – Он попросил меня подождать на лестнице внизу и забрать этот мешок, чтобы я отнес его в сиротский приют…
– Снова этот приют, – сказал Браун.

– и отдать его маленьким ребятишкам в канун Рождества.

– А что с оружием?

– Я не знаю, откуда оно у Дритса. Может он тоже участвовал. Он ведь бывший зек, понимаете? – сказал Хенкинс и пожал плечами.

– И поэтому он сидел в Каслвью? За вооруженное ограбление?

– Нет, он долбил детей.

– Что ты имеешь в виду.

– Педофил, понимаете?

– Совратитель детей?

– Ага. – Хенкинс снова пожал плечами.

– Но ты думаешь, что он участвовал в ограблении с Давом, да?

– Должен был, а вы так не думаете? – сказал Хенкинс. – Иначе откуда у него пушка?

– Но ты был на первом этаже.

– Верно.

– Не где-нибудь рядом с офисом кассира.

– Верно.

– Офис кассира на шестом этаже, – сказал Браун.

– И мужская уборная там же, – добавил Карелла.

– Совпадение, абсолютное совпадение, – сказал Хенкинс.

– Чушь собачья, абсолютная чушь собачья! – сказал Браун

– Кто такой этот Деннис Дав? – спросил Карелла.

– Парень, которого я встретил незадолго до этого. Попросил меня оказать ему услугу под Рождество.

– Это его полное имя? Деннис Дав?

– Да, насколько я знаю.

– Где он живет?

– Я не знаю.

– Как он выглядит?

– Высокий блондин, – сказал Хенкинс. – Носит слуховой аппарат.

Оба детектива одновременно посмотрели друг на друга.

– А незадолго до этого когда? – спросил Браун.

– Что? – переспросил Хенкинс.

– Когда вы познакомились?

– В октябре. Когда Лиззи вводила нас в курс дела.

– Кто эта Лиззи? – спросил Карелла. У него было гнетущее предчувствие, что Хенкинс говорил не о Лиззи Борден.

– Одна телка, которую он потрахивал. Сходила с ума от него. Она когда-то работал в магазине Грубера. Я и не знал, что они планировали. Я был там только потому, что они попросили оказать им услугу, понимаете? Как бы там ни было…

– А как фамилия этой Лиззи? – спросил Карелла.

– Тёрнер, – ответил Хенкинс.

* * *

Вот как вывернулось это дело.

И куда оно их привело.

Они не знали, куда оно привело их.

Выходит, что Глухой стоял за этим вооруженным ограблением супермаркета Грубера. И выходит, что Элизабет Тёрнер работала у Грубера и состояла в интимных отношениях с Глухим. Они проверят, работала ли она в офисе кассира, что было весьма вероятно, учитывая ее предыдущее место работы. Они не знали, как она познакомилась с Глухим. Было известно наверняка, что Хенкинс нагло врал о своем участии в ограблении: оружие было только у

него в руках, и только его отпечатки были обнаружены на нем. Но было непонятно, говорил ли он правду о человеке по имени Деннис Дав, чье описание подходило Глухому. При этом Хенкинс явно не мог выдумать имя Лиззи Тёрнер из ничего. И в ночь её убийства человека, по описанию похожего на Глухого, видели несущим женщину, похожую на описание Элизабет Тёрнер. В этом, казалось, был смысл. Какой-то смысл…

Но как ограбление магазина Грубера соотносилось с записками, которые присылал им Глухой?

По их мнению – никак.

Две дубинки для ночного патрулирования.

Три пары наручников.

Четыре полицейские фуражки.

Пять раций.

Шесть полицейских жетонов.

Семь листовок о розыске.

Восемь черных лошадей.

Девять патрульных машин.

Десять форм отчетов детективов.

Одиннадцать револьверов «Детектив Спешиал».

Двенадцать жареных поросят.

А затем, в одиннадцать часов рождественского утра, в то время, когда Карела печатал отчет о допросе Хенкинса, а Браун общался с исполнительным офицером по условно-досрочному освобождению в поисках последнего адреса Артура Дритса, к деревянной перегородке, отделявшей коридор от комнаты детективов, подошел мальчик из службы доставки. В руках у него была посылка, обернутая зеленой бумагой. Посылка была довольно объемной, так что ему было трудно держать её обеими руками.

– Детектив Стивен Луис Карелла здесь? – спросил посыльный.

– Я Карелла, – сказал Карелла.

– Флорист Ди Фиоре, – сказал посыльный.

– Входи, – сказал Карелла.

– Ну… может кто-нибудь поможет мне здесь с задвижкой? – спросил посыльный.

Карелла помог открыть задвижку. Посыльный с большим трудом занес посылку в комнату детективов, осмотрелся вокруг в поисках подходящего для нее места и поставил ее на пустой стол Дженеро. Карелла задумался, стоит ли ему дать чаевые парню. Затем порылся в кармане и вручил ему четвертак.

– Может, еще и разменяете? – спросил посыльный. – Счастливого Рождества, – добавил он кисло, и вышел из комнаты.

Карелла разорвал зеленую оберточную бумагу.

Его глазам предстало то, что показалось ему похожим на грушевое дерево. Он не знал, было ли это настоящее грушевое дерево, но на всех ветках висели груши. То были ненастоящие груши, но выглядели они как настоящие. Маленькие деревянные груши, развешенные по всему дереву.

Кроме того на дереве висел конверт.

Адресованный детективу Стивену Луису Карелле.

Карелла разорвал его.

Внутри на карточке была надпись:

«В первый день Рождества

Мой любимый прислал мне

Куропатку на грушевом дереве».

(Куплет из песни «Двенадцать дней Рождества»)

Карелла осмотрел дерево в поисках куропатки.

Маленький сверток из фольги висел на одной из веток. Карелла развернул сверток. Внутри находилось нечто, украшенное перьями. То была не куропатка, но казалось чем-то

похожим на птицу. Нечто, густо обклеенное перьями. Похожими на куриные. Но не цыпленок – слишком малО для цыпленка. Карелла пригляделся внимательнее.

Нечто оказалось отрезанным человеческим ухом.

Карелла сразу же бросил его.

* * *

26 декабря на второй день Рождества две тяжелые полицейские дубинки прибыли в комнату детективов. Завернутые в поздравительную бумагу, адресованы они были Карелле.

Двое детективов рассматривали эти дубинки.

Они не выглядели как новые. На обоих были царапины и потертости.

«И все же он мог просто купить их», – сказал Клинг.

В этом городе офицер полиции сам отвечал за приобретение любой части своей экипировки, которую он носил или надевал, за исключением жетона, достающегося бесплатно вместе с должностью. Булавка для крепления жетона к форме все же обходилась ему в 50 центов. На форму каждому полицейскому ежегодно выделяли 370 долларов. Свое оружие он покупал сам – обычно это был Кольт 0.38 или Смит и Вессон такого же калибра – как и патроны к оружию – 6 в барабане и 12 на поясе, и свой собственный свисток, который в наши дни продается за 2 доллара. Он также сам покупал себе обувь. За год пеший патрульный мог сносить не менее двух пар обуви. Тяжелая деревянная дубинка длиной два фута обходилась полицейскому в 2 доллара и 50 центов, плюс еще 40 центов за кожаную перевязь. Короткая резиновая дубинка стоила 3 доллара и 50 центов и опять таки плюс 40 центов за перевязь. Наручники сейчас продаются по 25 доларов за пару.

Большинство полицейских покупали свое обмудирование в Бюро Полицейской Экипировки в центре города возле Полицейской Академии, но магазины с полицейским барахлом были по всему городу. Сам Клинг носил «Детектив Спешл», приобретенный в одном из таких магазинов. Для покупки револьвера ему пришлось предъявить свое удостоверение личности, но когда он был еще патрульным, он купил форму и даже наручники, и никто даже не поинтересовался спросить его имя. В данный момент на нем красовался один из галстуков, подаренных ему Эйлин Бёрк к Рождеству. То был ослепительный галстук, но никто не рассматривал его. Они все по-прежнему изучали дубинки.

– Лучше проверить их на предмет скрытых отпечатков, – сказал Майер.

– Не будет никаких отпечатков, – сказал Браун.

– Я не могу понять, – сказал Карелла. – Он присылает нам записку с двумя изображениями тяжелой дубинки, а затем присылает сами дубинки. А вы понимаете?

Он спрашивал у всех, но ответил только Хос.

– Он спятил, – сказал он. – В его действиях и не должно быть смысла.

– Выходит, что завтра мы получим три пары наручников, так ведь? А послезавтра…

– Давайте посмотрим, что произойдет завтра, – сказал Майер.

* * *

27 декабря они вышли на Артура Дритса.

Карелла и Браун беседовали с ним в комнате для допросов.

Дритс уже бывал внутри комнаты для допросов. Он знал, что зеркало перед ним – одностороннее и скорее всего кто-то сидит в смежной комнате, следя за каждым его движением. На самом деле в смежной комнате никого не было.

Браун перешел сразу к делу.

– Что ты делал в отделе супермаркета Грубера в тот вечер, когда произошло ограбление?

– Первый раз слышу о каком-то ограблении, – сказал Дритс.

– Не читаешь газеты? – спросил Карелла.
– Не слишком часто, – ответил Дритс.
Единственным, что он читал в газетах, были рекламные объявления о продаже детской одежды, с изображениями маленьких девочек в коротких платьицах.
– Смотришь телевизор? – спросил Браун.
– У меня нет телевизора, – ответил Дритс.
– Так ты не знаешь, что Грубер ограбили в канун Рождества, правильно?
– Вы мне об этом сказали всего минуту назад.
– Знаешь кого-то по имени Элизабет Тёрнер?
– Нет.
– Она работала в офисе кассира у Грубера.
Эту информацию им уже подтвердил менеджер по персоналу. Элизабет Тёрнер приступила к работе у них 8 августа и уволилась 7 октября – за семнадцать дней до своего убийства.
– Никогда не слышал о ней.
– Как насчет имени Деннис Дав?
– О нем тоже не слышал.
– Чарли Хэнкинс?
Дритс моргнул.
– Горячо?
– Да.
– Познакомились с ним в Каслвью, так ведь?
– Ага.
– Где ты мотал срок за изнасилование первой степени.
– Так они сказали.
– Встречался с ним после отсидки?
– Нет.
– А как насчет кануна Рождества? Ты видел Хэнкинса в канун Рождества?
– Нет.
– Посещал ли ты мужскую уборную на шестом этаже супермаркета Грубера в канун Рождества?
– Да, но… – сказал Дритс, заметно удивляясь.
– Ты видел Санта Клауса в мужской уборной?
– Да, но…
– Он был похож на Хэнкинса?
– Нет, он был похож на Санта Клауса.
– То был Хэнкинс.
– Одурачили меня, – пробормотал Дритс.
– Что ты делал в мужской уборной супермаркета Грубера? – спросил Браун.
– Умывался. Этот мужик вышел из будки, тамошней кабинки, он был одет в такой же костюм Санты как у меня. Я чуть не обделался.
– На тебе тоже был костюм Санты? – спросил Карелла.
– Да, конечно.
– Это была часть твоей работы?
– Конечно.
Детективы переглянулись. Они считали, что Хэнкинс лгал о Дритсе в костюме Санты, но теперь…
– В ограблении должно было быть два парня в костюме Санта Клауса?
– Что? – не понял Дритс.
– Какого хера ты там делал в костюме Санта Клауса? – не выдержал Браун.
– Я работал на супермаркет, – ответил Дритс. – Я был Санта Клаусом супермаркета.
Оба детектива уставились на него.

– Я был очень хорошим Сантой, – сказал Дритс с достоинством.

– И ты никогда не слышал ни о ком по имени Элизабет Тёрнер? Не встречался с ней?

– Никогда.

– Или с человеком по имени Деннис Дав?

– Никогда.

– Ты давал какой-нибудь револьвер Чарли Хэнкинсу в уборной супермаркета Грубер?

– Я не давал ему ничего. Я даже не знал, что то был Хэнкинс пока вы мне об этом не сказали. Я удивился, увидев еще одного мужика в костюме Санты, вот и всё. Он тоже выглядел удивленным и сразу же убежал.

– А ты что сделал?

– Вытер лицо, нацепил назад бороду и ушел из магазина.

– Куда?

– Домой.

– Куда домой?

– Я живу в отеле на Вэйверли.

– Ты был на улице, когда подстрелили Хэнкинса?

– Я и не знал, что Хэнкинса подстрелили.

– И не видел перестрелки, ага?

– Нет.

– А что ты видел? Когда вышел из супермаркета?

– Кто бы вспомнил за меня, что я видел? Людей. Я видел людей.

– Кого? Каких людей?

– Людей. Какой-то тип продавал часы, другой – шарфы, еще был какой-то тип не все дома из Армии Спасения.

– Что ты имеешь в виду под «не все дома»?

– Чокнутый, понимаете? Он такой говорит мне: Сюда!

– Что он тебе говорит?

– Сюда!

– С-л-ю-д-а?

– Нет: «с-ю-д-а», мне кажется, хотя с этими чокнутыми кто может знать наверняка?

– Сюда? К чему это он?

– Я не знаю.

– А как думаешь?

– Думаю, что он просто чокнутый. Он спросил меня, где сумка.

– Как он выглядел? – сразу же спросил Карелла.

– Высокий парень в форме Армии Спасения. Не все дома.

– Какого цвета волосы?

– Не знаю, он был в шапке.

– У него был слуховой аппарат?

– У него были теплые наушники.

Карелла тяжело вздохнул. Браун – тоже.

– Ладно, держи нос по ветру, – сказал Браун.

– Я могу идти? – спросил Дритс.

– Почему нет? – сказал Браун. – Ты что-то натворил?

– Нет-нет, – отозвался Дритс.

– Смотри, чтобы не натворил, – сказал Карелла.

* * *

После полудня были доставлены три пары наручников

Они уже успели расспросить Джорджа Ди Фиоре, владельца «Флористы Ди Фиоре» о человеке, заказавшем грушевое дерево, и он рассказал, что справедливости ради это была

ненастоящая груша, а «Фикус Бенджамина», но когда пришел человек и заказал грушевое дерево, у них они уже закончились. Ди Фиоре также рассказал, что этот человек лично выбирал маленькие деревянные груши и собственными руками прикрепил к дереву открытку и маленький сверток. Ди Фиоре не знал, что было в свертке, и посчитал неуместным задавать вопросы. Карелле хотелось спросить у Ди Фиоре – что по-итальянски обозначало «в цветах» – выбрал ли он себе занятие из-за фамилии или нет? У него был знакомый мануальный терапевт по фамилии Хэндс (англ. Руки) Вместо этого он спросил, как выглядел покупатель грушевого дерева.

– Высокий блондин со слуховым аппаратом, – ответил Ди Фиоре.

Теперь три пары наручников.

Выглядели они как совершенно новые.

Их могли купить, как снова предположил Клинг, в любом городском магазине полицейского снабжения.

Было 27 декабря, третий день Рождества, и три пары наручников.

Завтра, Карелла знал наверняка, появятся четыре полицейских фуражки.

* * *

И они появились.

Прибыли доставкой от «Юнайтед Парсел», упакованные в коробку и завернутые в праздничную рождественскую бумагу.

Фуражки определенно были не новыми.

Внутренние ободки были засаленными, а кожаные козырьки – потрескались от времени. Более того, на них были прикреплены полицейские жетоны. И в отличие от картинок, полученных ранее, на этих жетонах имелись личные номера.

Это были четыре разных номера.

Карелла позвонил Маллени в отдел по персоналу и попросил его идентифицировать эти жетоны.

«Это снова Коппола?» – спросил Маллени.

Вернувшись на линию, Маллени рассказал Карелле, что эти жетоны и, предположительно фуражки, на которых они находились, принадлежали четырем разным офицерам четырех разных участков. Карелла записал их имена, а затем обзвонил все участки. Дежурный сержант в приемной каждого участка сообщил Карелле, что, мол, да, в самом деле, такой-то и такой-то офицер работает в этом участке, но он или в случае с женщиной – она, не сообщали о потере его или её фуражки. Один сержант поинтересовался, не шутит ли Карелла. Карелла сказал, что, по его мнению, это не было шуткой.

Но если это не шутка, тогда, черт возьми, что же это было?

Карелла проворчал что-то неразборчивое и взял в руки одну из фуражек.

Мужчина или женщина, что носили её, страдали от перхоти.

* * *

– Это полицейские рации, – сказал Мисколо. – Стандартного образца.

Мисколо был полицейским клерком, а не детективом, но здесь и без детектива было заметно, что все рации, доставленные «Юнайтед Парсел» на пятый день рождества, 29 декабря, помечены пластиковой лентой с буквами. На каждой рации было две полоски такой ленты. Первая – одинакова у всех. На ней было написано:

ВЕРНУТЬ НА БАЗУ ДЛЯ ЗАРЯДКИ

Надпись на второй полоске у всех была разной:

СОБСТВЕННОСТЬ 21 УЧАСТКА

СОБСТВЕННОСТЬ 12 УЧАСТКА

СОБСТВЕННОСТЬ 61 УЧАСТКА

СОБСТВЕННОСТЬ МИДТАУН ИСТ
СОБСТВЕННОСТЬ 83 УЧАСТКА
Пять разных раций из пяти разных участков.

– Их украли из пяти разных участков, – сказал Мисколо. – Этот человек проникает в полицейские участки по всему городу.

* * *

Шесть полицейских жетонов, появившиеся в пятницу 30 декабря на шестой день Рождества, точно также принадлежали шести разным участкам. Никто из офицеров не заявлял о пропаже или краже своего жетона. Копам совсем не по душе признаваться, что кто-то слямзил их чертову бляху. Более того, эти шесть участков, из которых похитили жетоны – а Карелла уже был уверен, что их похитили – не были теми участками, из которых выкрали рации или фуражки. Короче говоря, кто-то проник в пятнадцать участков – четыре фуражки, пять раций и шесть жетонов для общего числа пятнадцать – и стащил полицейскую экипировку прямо из под носа этой самой полиции. В одной только Исоле располагалось двенадцать полицейских участков. Какая-то полицейская экипировка была украдена из участков Калмз Поинта и Маджесты. Ничего не было украдено из Бестауна или Риверхеда. Но кто-то основательно постарался, даже если предположить, что ни дубинки, ни наручники не были украдены таким же образом, что в сумме доводило количество участков с дырявой системой безопасности до целых двадцати четырех.

Для чего? – размышлял Карелла.

Что будет в конце?

* * *

Седьмой день Рождества выпадал в канун Нового Года, и это была суббота.

Самые настоящие листовки о розыске прибыли вместе с утренней почтой.

И самое настоящее отключение электричества случилось в 15-30, за пятнадцать минут до окончания смены «с восьми до четырех». Это был бы не предновогодний вечер, если бы не произошло хоть что-нибудь, задержавшее на работе сменяющихся детективов. Детективы дневной смены, жаждущие поскорее покинуть к чертям этот участок и начать праздновать, знали, что каким-то образом электроснабжающая «Большая Исольская Компания Света и Электропитания». в очередной раз налажала, и до четырех часов уже не получиться закончить всю бумажную работу. Но чего они не знали, так это то, что данная электрокомпания в этот раз была совершенно невиновна.

Причиной отключения питания был Гофер Нельсон.

Отключение длилось ровно одну минуту.

Гофер вызвал его, клацнув выключатель, обозначенный на схеме «План композитной платы питания», переданной Глухим. Эта схема была одной из четырех, полученных от Глухого, который объяснил, что достал их очень давно, когда планировал поместить бомбу под кровать мэра. Гофер удивлялся, зачем Глухой планировал такие странные дела, но вслух он ничего не сказал. Деньги платились приличные.

На первой схеме стояла печать «Собственность Большой Исольской Компании Света». На ней было показано расположение всех подстанций в районе верхней Исолы. Территория, на которой находился 87-участок, была обозначена как «Гровер Северный». На эту подстанцию с каких-то трансформаторных станций общей системы электропередачи заходили высоковольтные линии, также называемые «фидерами».

Вторая схема с такой же печатью носила название «Системные Узлы» и представляла собой увеличенную схему системы фидеров, запитывающих любую подстанцию. Подстанция на первой карте имела название «№4 Фуллер». Найдя её на более подробной схеме, Гоферу и Глухому удалось выяснить обозначение для соответствующего фидера:

«85RL9».

Что привело их к третьей схеме, озаглавленной просто «85RL9», с припиской «Районная Подстанция Гровер Северный». То была довольно длинная и узкая диаграмма маршрута кабелей, или фидеров, проходивших под городскими улицами, с нанесенными номерами люков, дающих доступ непосредственно к этим кабелям. Ближайший 87-ому участку люк был в трёх кварталах на пересечении Гровер Авеню и Фуллер Стрит. На схеме «План композитной платы питания» он обозначался как «R2147-120’ESC-CENT».

Люк находился в ста двадцати футах на восток от южного конца Фуллера, посредине улице, прямо перед статуей Джона Г. Фуллера, знаменитого воздухоплавателя. Кабели располагались на глубине пяти футов от поверхности, защищенные трехсотфунтовой крышкой люка. Гофер установил предупреждающий знак, поднял ломиком крышку люка, спустился вниз, нашел коробку с выключателем, открыл её, а затем спустя минуту, закрыл. Огни в здании 87-го участка погасли ровно на это время, впрочем, как и в прилегающих к нему зданиях. Но Гоферу для своего дела этого времени было вполне достаточно.

Было 16-15, когда он появился у стола дежурного сержанта, одетый в униформу с эмблемой «БИКСиЭ». Предъявив свое фальшивое удостоверение, Гофер сообщил, что пришел сюда из-за сбоя электроснабжения. Сержант посмотрел на этого маленького паренька с порослью каштановых усов и в голубой бейсболке, а затем сообщил, что не было никакого реального сбоя, просто где-то около минуты не было света и всё. Гофер ответил: «Где-то около минуты у нас считается сбоем».

«И чего же ты хочешь сделать?» – спросил сержант. Он думал о том, какую грандиозную попойку устаривает сегодня вечером сержант из 88-го и надеялся, что успеет попасть туда в самый её разгар. Он сменится без четверти двенадцать. Плюс пятнадцать минут на переодевание и еще полчаса на дорогу через город…

– Я должен установить регистратор напряжения на вашу линию, – сказал Гофер.

– Что за суматоха? – спросил сержант. – У нас уже есть свет, так ведь?

– Пока что? – ответил Гофер. – Хотите, чтобы он вырубился, когда у вас здесь окажется какой-то головорез?

Дежурному сержанту не хотелось, чтобы свет погас, даже если у них будет какой-нибудь мошенник. Сержант уже представлял себе как оденет на голову веселый колпак и будет дудеть в трубу.

«Это у тебя регистратор напряжения там?» – спросил он, внимательно рассматривая из-за стола деревянный ящик у ног Гофера.

Ящик был размером с небольшой чемодан. И выглядел как увеличенная версия коробка, в котором можно переносить роликовые коньки, с металлическими гранями, ручкой и застежками на крышке. Но на одной стороне ящика был прямоугольный циферблат с тремя зонами: желтой, красной и зеленой. Желтая зона, нанесенная левее всех, была помечена металлической биркой «60 вольт». Зеленая зона по центру циферблата обозначалась похожей биркой, но с надписью «120 вольт». На бирке под красной зоной с правого края была надпись: «200 вольт». За стеклом циферблата находилась стрелка, а под ним – три вращающиеся ручки.

– А это для чего? – спросил сержант.

– В нем есть кассета с магнитной лентой и диаграммная бумага, – ответил Гофер. – Он отслеживает входящее напряжение, фиксируя появление скачков и флуктуации напряжения в…

– Прости, что спросил, – сказал сержант. – Иди, делай свою работу.

Гофер зашагал по окованным ступенькам, ведущим в комнату детективов.

В деревянной коробке не было никакой диаграммной бумаги или кассеты с магнитной пленкой.

Циферблат был вполне настоящим – Гофер снял его с рабочего регистратора напряжения – но он ни к чему не подсоединялся, а ручки под ним, используемые на оригинальном регистраторе для калибровки, здесь были совершенно нефункциональными.

Внутри коробки был таймер с циферблатом, рассчитанным на семь дней. Обычно такой таймер использовался для программирования систем отопления, кондиционирования воздуха или вентиляции, а так же насосов, электроосвещения, моторов и другого оборудования с питанием от одной до трёх фаз. Семь наборов реле, снабженных таймером, позволяли пользователю настроить программу включения/отключения на каждый день недели. Таймер выглядел следующим образом:

Когда отодвигаешь крышку влево можно прочитать значения на табло:

Было 31 декабря, суббота. Таймер уже был запрограммирован на следующий вторник, и это будет 5 января. Время на таймере – 20-15, в этот момент на провода будет подано какое-то напряжение.

Сейчас же провода были не под напряжением.

Внутри коробки находился пятифунтовый заряд динамита. И пластиковый пакет с черным порошком. Один из проводов из клеммы был заземлен к корпусу, другой – свободно болтался вокруг первого. В 20-15 следующего вторника, когда сработавший таймер включит подачу питания, электроразряд между двумя проводами подожжет черный порошок, а затем и шнур, ведущий к заряду динамита. Всё что сейчас нужно было сделать Гоферу – просто подключить свой фальшивый регистратор напряжения в обычную 110-вольтовую розетку и установить текущее время.

Остальное случится само по себе.

В комнате детективов шло обсуждение листовок о розыске, полученных вместе с сегодняшней почтой.

– Они должно быть самые настоящие, – сказал О`Брайен.

– Он мог раздобыть их на почте, – сказал Фудживара.

– Отличная публика, не так ли? – сказал Уиллис. – Изнасилование, поджог, вооруженный налет, похищение людей…

– Ты ведь не думаешь, что он указывает нам на них,правда?

– Указывает на кого?

– На тех, кто поработал вместе с ним в супермаркете «Грубера».

– Что на самом деле он делает, – сказал О`Брайен, – так это – сообщает нам, что может проникнуть в любую чертову комнату детективов в этом городе и сделать там, все, что ему, черт подери, захочется!

– При условии, что он выкрал их из участков, – сказал Фудживара.

– Именно там он их и взял, можешь не сомневаться, – сказал Уиллис.

Гофер остановился у разделителя на входе в комнату детективов.

– Электрокомпания, – сказал он. – Нужно установить регистратор напряжения на вашу линию.

– Входи, – сказал О`Брайен.

– Где у вас электрощит? – спросил Гофер.

– Кто его знает? – сказал Уиллис.

Гоферу ни к чему было определять место нахождения электрощита. Нужен был повод, чтобы хорошенько осмотреть место. Он пристроил коробок возле одного из столов и начал бродить по помещению. В комнате было полно розеток, но для размещения зажигательных смесей требовалось особое место.

– Здесь что? – спросил он, дергая ручку двери.

– Чулан, – ответил Фудживара.

Одинокая лампочка с цепочкой и без плафона висела в чулане. Гофер потянул за цепочку. Лампочка на 40 Ватт. Удивительно, как эти ребята могут здесь что-либо рассмотреть.

– Не возражаете, если я закурю? – спросил он.

– Если только не устроишь нам здесь пожар, – сказал О`Брайен.

Гофер засмеялся.

Он осмотрел чулан на предмет наличия розетки. Обычно в чуланах не делают розетки, но в некоторых зданиях старой постройки имели обыкновение разделять стенами одну большую комнату в совершенно произвольном порядке. Гофер нашел двойную розетку на задней стене чулана. Отлично. Можно запитать коробку прямо здесь, где находилась масса легкогорючего барахла. Если как следует распалить его с помощью зажигательных смесей, то можно получить небольшой костер ровно за минуту. Старое дерево по всей комнате. Ох, это будет чудный пожарище!

– Я на минуту, – сказал Гофер. – У вас есть пепельница?

– Сбивай пепел прямо на пол, – сказал О`Брайен.

Полторы минуты ушло у Гофера на то, чтобы перенести коробку в чулан, поставить её на полку у задней стены и включить в розетку.

Три минуты ушло на то, чтобы выставить на таймере текущее время, сверенное по настенным часам в комнате детективов.

– Я должен принести сюда еще кое-что, – сказал Гофер. – Кое-какие химикаты для осушения воздуха в чулане. Иначе регистратор не сможет дать нам точные данные. Я сложу их на полках, не на проходе.

Он спустился по ступенькам за своими зажигательными смесями.

Гофер сложил свои три невинно выглядевшие картонные коробки в чулане, по одной на трех полках над ящиком. Во время работы он прислушивался к разговорам детективов.

– Так зачем, он пытается сообщить нам, что может пробраться в любой участок? – сказал Фудживара. – Если именно это он пытается сказать.

– Потому что он чокнутый, – сказал Уиллис.

*** * ***

За последние несколько лет это превратилось в ритуал. В канун Нового Года перед тем, как отправиться на какую-то вечеринку, Карелла и Тедди занимались любовью. И когда они снова возвращались домой, уже в новом году, то снова занимались любовью.

Однажды когда-то очень давно один детектив шотландского происхождения рассказывал Карелле, что в северной части Великой Британии обычай первовхождения в первый день Нового Года все еще в почете. Кто-нибудь темноглазый и темноволосый – скорее всего из-за того, что в незапамятные времена враги Британии были светлоглазыми и рыжеволосыми – приносит символический подарок, обычно кусочек угля или щепотку соли на порог дружеского дома. Принесший подарок и является первым, кто войдет в дом в Новом Году: отсюда и первовхождение. Его или её подарок это – пожелание здоровья и достатка в наступающем году.

Карелла не знал, правильно ли он запомнил эту историю и правду ли рассказал ему тот шотландец. И все же надеялся, что никто не будет шутить, когда речь идет об обычае. Ему понравилась эта история и ему хотелось верить, что подобный обычай в самом деле существует. В мире, где слишком много людей приносит смерть, было утешением знать, что в какой-то деревушке где-то на севере в первый день нового года кто-то приходил с даром жизни: с кусочком угля для печи, со щепоткой соли для горшка. В каком-то смысле, обычай рассказанный шотландцем, был новым подтверждением жизни.

Для Кареллы занятие любовью было таким же подтверждением жизни.

Он беззаветно любил эту женщину.

Эта женщина была всей его жизнью.

И сжимая её в своих объятиях в первый день Нового Года, – темноглазую и темноволосую, никаких врагов в этой постели – он мысленно желал ей всего наилучшего, что может быть в жизни.

Но первый день Нового Года был к тому же восьмым днем Рождества.

И кто-то придет, принося с собой известия о смерти.

Глава 12

Перед ограблением супермаркета Глухой планировал нанять кого-нибудь для дела с лошадьми – так же, как он нанял Гофера для обработки машин и комнаты детективов. Ему не нравилась грязная работа. Даже отрезание уха у бомжа, крайне необходимое для донесения информации болванам из 87 участка, вызвало в нем отвращение. Глухому нравилось делать все чисто и аккуратно. Точно. Мероприятия, запланированные для увеселения детективов, работающих в старом здании на Гровер Авеню, изначально рассматривались как толчок к делу с ограблением супермаркета. Сперва дать им понять, что он может провернуть все с их участком, что ему захочется, сделать работу, слинять и преподать им урок раз и навсегда: больше он не будет терпеть их вмешательство в его дела. Конец всем отношениям. Пока, ребятки!

Он передумал после того, как ограбление "Грубера" завершилось катастрофой.

И вновь по стечению обстоятельств.

Вся проделанная работа – псу под хвост.

И теперь он был вне себя от ярости.

Обычно ему не нравились запредельные эмоции. Женщина в постели для него была не предметом любви, а просто вещью для подчинения. В его лексиконе "любить" значило "рисковать". Элизабет Тёрнер совершила роковую ошибку, влюбившись в него, и тем самым, рискнув всем, что у неё было. Она умоляла его отказаться от ограбления "Грубера", поменять образ жизни, уехать с ней в другой город, забыть о прошлом.

Запах опасности затмевал всё.

Её любовь могла привести к опасно непредсказуемым последствиям: это мог быть визит в полицию с целью предупредить о предстоящем деле, а дальше была бы слезливая сцена с признанием в своем предательстве, и снова были бы увещевания отказаться от запланированного ограбления из-за того, что она сделала его невозможным.

Она никогда не угрожала чем-то подобным – у неё хватало ума не угрожать ему – но по перепадам её настроения было заметно, что она сожалеет о переданной ему информации, ведь она "любила" его и могла совершить какую-то глупость для его"защиты". Но чего Глухой боялся больше всего – так это благих намерений добродушных людей, самых больших идиотов во всем мире.

Но убил он её не из ярости.

Ярость была бесполезным, глупым и энергозатратным расточительством.

На самом деле он убил её сразу же после занятия любовью с ней, чтобы это не значило. Двое людей занимаются любовью. Двое тяжелодышащих человека – хоть он дышал не так тяжело как она – вместе создающих шаткое строение под названием – та-дам – ЛЮБОВЬ! Архитектор и подрядчик в страстном сотрудничестве, занимаются любовью.

Она отдалась ему по собственному желанию, а он в последствии буднично застрелил её. Она стояла спиной к нему на коленях, наклонив голову, ожидая Бог знает ещё какого удовольствия.

Никакой ярости.

Но сейчас он был вне себя от ярости.

*** * ***

Старое кирпичное здание арсенала на пересечении Первой и Себастьян Авеню служило конюшней дольше, чем помнил кто-либо из местных старожилов. Одно время здесь содержалось около сотни лошадей – все были частью элитного в то время Верхового Патруля. "Отряд Золотого Слитка" – как всадников фамильярно, иронично и завистливо называли их коллеги полицейские, в течение долгого времени медленно сокращались в количестве. Два популярных мэра считали, что люди верхом уж слишком напоминали

козаков, поэтому в наши дни их почти не осталось. Верховой патруль использовали только для торжественных церемоний и мероприятий, где ожидалось большое стечение людей. Например, вчера вечером 12 всадников присутствовали в центре на Стэме, где сотни людей наблюдали за новогодним пуском красного шара. Лошади, на которых гарцевали двенадцать полицейских, ныне стояли в конюшне в здании арсенала на территории 87-го участка. Вместе с еще одной дюжиной они составляли остатки некогда славного легиона. Большинство лошадей были коричневыми. Только десять из них – черные.

В первый день нового года на дежурстве в арсенале был только один полицейский. Даже в те дни, что не были законными праздниками здесь находилось максимум три офицера. Рабочие конюшни – всего четверо – были наемными гражданскими. В первый день нового года только один из них был в арсенале. И он, и патрульный, оба они страдали от ужасного похмелья.

День выдался холодный и дождливый – плохой предвестник на весь следующий год.

Человек, прибывший в арсенал, держал в руках белую картонную коробку с пиццей. И еще белый бумажный пакет. Он подошел к большой деревянной двери с железными петлями, постучал молоточком и стал ждать.

Патрульный открыл дверь и выглянул наружу.

– Да? – сказал он.

– У меня для вас пицца и немного газировки, – ответил мужчина за дверью.

На нем был черный дождевик. Волосы светлые и непокрытые. В правом ухе виднелся слуховой аппарат.

– Никто не заказывал никакой пиццы, – сказал патрульный и начал закрывать дверь.

– Это из 87-го участка, – сказал человек.

– Что? – не понял патрульный.

– Можно мне войти? – сказал человек. – Здесь как-то сыро.

– Конечно, – сказал патрульный.

Курьер вошел в помещение арсенала. Патрульный закрыл за ним дверь. Дверь грохнула как раскат грома или ему показалось так с похмелья, но жуткий звук заставил его вздрогнуть. Арсенал пах лошадьми и конским навозом. Откуда-то из глубин конюшни доносилось ржание какой-то лошади.

– Им не нравится дождь, – сказал патрульный.

– Куда все это поставить?

– Заносите сюда в контору, – ответил патрульный.

Контора была маленькой комнатушкой, где на стенах по-прежнему висели полковые знамена. Работник конюшни сидел в конторе, положив ноги на стол.

– Пахнет хорошо, – сказал он.

– Небольшой подарок от парней из 87-го, – сказал курьер, ставя коробку на стол. – Они подумали, что вы могли проголодаться здесь в одиночестве в первый день нового года.

Он извлек две бутылки "Пепси" из бумажного пакета и поставил их на стол возле коробки с пиццей. Затем достал из кармана открывалку и откупорил обе бутылки. Крышки отошли легко и беззвучно без шипучих пузырьков выходящего газа.

– Очень мило с их стороны, – сказал патрульный.

В 87-ом участке он не знал никого. Сам он был полицейским "Лука-и-Стрелы", который когда-то был верховым патрульным. Официально он все еще числился в Верховом Патруле, но больше не ездил верхом, и к тому же ему запретили носить огнестрельное оружие. Отсюда и прозвище "Лук-и-Стрела". Полицейский департамент лишил его и лошади, и оружия после того, как он на большем черном жеребце влетел в тысячную толпу, на ходу стреляя в людей. В тот момент он был пьян. Никто не пострадал, кроме лошади, которая молнией рванула с места, испугавшись выстрелов, и врезалась в фонарный столб, сломав при этом себе ногу. Лошадь пришлось пристрелить. Любители лошадей по всему городу устроили протесты.

– Что там написано? – спросил конюший.

Он уже успел открыть коробку. Курьер топтался на месте, словно ожидая чаевых.

– Колбаса и сыр, – сказал курьер.

Патрульный и конюший уставились друг на друга, прикидывая, сколько надо дать парню за доставку пиццы в такой холодный и дождливый день.

– Лучше съешьте её, пока не остыла, – сказал курьер.

Конюший взял кусок пиццы из коробки и приложился зубами.

– Вкусно, – сказал он жуя.

Затем он взял одну из бутылок "Пепси", приложил к губам и надпил немного.

– Немного выдохлась, – заметил он.

Патрульный взял кусок пиццы.

– Все еще вкусна и горяча. Хотите кусочек? – спросил он курьера.

– Нет, спасибо.

– У тебя есть мелочь? – спросил патрульный конюшего и взял другую бутылку "Пепси"

– Ага, секундочку, – ответил конюший. Он еще раз укусил пиццу, запил её выдохшейся "Пепси" и потянулся к своему карману.

– Нет, не надо, – сказал курьер. – С Новым Годом!

– Точно не хотите кусочек пиццы? – спросил конюший.

– Я просто хочу немного согреться, перед тем как снова пойду на улицу, – ответил курьер.

– Садись, садись, – сказал патрульный и снова приложился к бутылочке "Пепси".

Патрульный и конюший ели пиццу и пили "Пепси". Где-то в конюшне заржала еще одна лошадь. Курьер потирал руки, пытаясь согреться.

Через десять минут оба и патрульный, и конюший лежали на полу без сознания.

Глухой улыбнулся.

Хлорал гидрат сработал быстро и эффективно.

Глухой достал из кармана дождевика пистолет. По дороге к стойлам, где содержались лошади, он прикрепил к его стволу глушитель.

* * *

Восьмой день Рождества был законным выходным и никто ничего не ожидал получить от Глухого. Никакой почты в законные выходные. Никакой доставки от "Юнайтед Деливериз". Никаких доставок от "Федерал", "Эмори", "Пьюрэлейтер" и прочих экспресс служб. Лишь тишь да спокойствие. Как и подобает первому дню Нового Года.

Машина патруля "Адам Один" была направлена к зданию арсенала в 1:30 пополудни из-за того, что кто-то из живущих по соседству позвонил в 911 и сообщил о лошадинных криках.

К прибытию патруля шестнадцать лошадей еще были живы. Они собственно и не кричали. Кричала лошадь с белыми от ужаса глазами, один из патрульных описал её как "причитающей по умершему", но он был ирландцем.

Восемь лошадей были мертвы.

Каждую из них застрелили.

Это были черные лошади.

* * *

И вот теперь все серьёзно.

Хотя, возможно, отрезанное ухо тоже было серьёзным. Может быть, отрезанное ухо было не просто способом Глухого заявить о себе во весь голос, а кроме того – обещанием перехода к кровавому месиву.

Карелла и Браун смотрели на мертвых лошадей.

Было очень много крови.

"В этом нет смысла", – сказал Карелла.

Он думал, что лошади ничего плохого не сделали.

Он думал, что то были красивые и невинные животные.

Восемь из них были мертвы.

Все они – черные.

Браун думал, что все было спланировано еще тогда, в октябре. От этой мысли по спине пробегал холодок.

Оба мужчины долго стояли возле мертвых лошадей.

Снаружи по-прежнему шел дождь.

* * *

Дождь прекратился на второй день Нового Года, девятый день Рождества. Ему на смену пришло голубые небеса и арктические температуры. Гофер был не против холода. Дождь мог доставить массу проблем. Взрывчатку следует держать сухой.

Проникнуть внутрь оказалось даже проще, чем ожидал Гофер.

У входа за вращающейся дверью стоял коп в форме, но у Гофера на рабочем комбинезоне был пластиковый бейдж с его цветным фото и надписью "Полицейский департамент Исолы. Транспортный отдел". Кроме того, в руке у него был ордер на фирменном бланке полицейского департамента Исолы, что уполномочивал ему проверить электропроводку всех пятнадцати автомобилей в подчинении 87-го полицейского участка.

Полицейский у ворот взглянул на его бейдж и спросил: "В чем дело?"

Гофер предъявил ему ордер.

Полицейский спросил: "Ты говорил с сержантом?"

"Он сказал зайти, когда буду возвращаться, " – сказал Гофер.

На самом деле он ни с кем не говорил. Никогда не проси, никогда не сожалей – таким был его девиз. Заходишь как к себе домой куда бы то ни было, даешь объяснения только если спрашивают. Ему не хотелось появиться в участке снова, потому что даже несмотря на то, что он сбрил усы, которые носил со времен Вьетнама и что сейчас на нем были большие очки, оставался риск быть опознанным. Он прикинул, что, если неожиданно появится сержант и спросит какого черта он здесь делает, ему может помочь блеф. Снова показываешь документы, говоришь, что не ожидал нарваться на внутреннюю проверку ради того, чтобы обслужить несколько гребаных автомобилей. И считаешь, что они должны были обрадоваться вместо того, чтобы давать ему взбучку. Если вдруг дело станет совсем туго, он был готов свернуть всю работу за минуту. Ни одно дело не стоит того, чтобы сесть в тюрьму. Работая здесь без усов и в фальшивых очках, он надеялся, что никто не проведет связи между ним и парнем, посетившим комнату детективов в канун Нового Года. Этот расчет строился на том факте, что большинство людей – даже копы – умеют замечать только внешнюю мишуру.

– Большая часть "барахла" на маршруте, – сказал полицейский. – смены будут меняться не раньше, чем без пятнадцати восемь.

Сейчас было десять минут восьмого. Солнце полностью взойдет не раньше семи двадцати двух утра. А полностью стемнеет сегодня в четыре сорок шесть пополудни. Фонарь за зданием участка был очень тусклым.

– Я займусь всеми машинами, которые сейчас под рукой, – сказал Гофер. – Придержи остальные, как только они появятся.

– С каких это пор вы, ребята, начали делать выездную работу? – спросил полицейский.

– Обычно, если что-то было не так, мы пригоняли их в центральный гараж.

– Праздники, – сказал Гофер. – Мы зашиваемся в центре.

– Ладно, валяй, – сказал полицейский.

Все вышло проще простого.

Территория 87-го участка делилась на восемь секторов и за каждым сектором был

закреплен патрульный автомобиль с рацией. У патрульного сержанта был свой автомобиль с личным водителем, что в сумме давало девять рабочих автомобилей в любое время. Кроме того, еще шесть автомобилей было на подмене. Эта шестерка часто находилась в сервисе, из-за того, что полицейские автомобили, как и полицейские участки, получали хорошую трепку 24 часа в сутки, и на дороге случалась масса поломок. Патрульные офицеры часто могли в девять утра выехать на одной машине, а в одиннадцать – уже на другой.

Никакого различия между машинами на подмене и теми что их часто заменяли, не было. На жаргоне полицейского участка их всех называли "барахлом". Копы загружались на барахло в начале их дежурного маршрута, и слезали с него по завершению. Барахло было и единственным числом и множественным. Одна патрульная машина была барахло. Шесть патрульных машин были барахлом. Сотня патрульных машин были бы барахлом. Когда бы не сломалась машина ее называли гребаное барахло. Лишь одна машина за все время носила имя. То была любимая машина участка, старая рабочая лошадка, которая редко ломалась. Копы называли ее Сейди. В конце концов, двигатель Сейди издох, и город принял решение, что дешевле ее поменять , чем ее починить. Полицейские 87го участка провели маленькую церемонию по случаю смерти Сейди. Она по прежнему оставалась их любимицей.

Из практичных соображений, всё "барахло" участка, машины закрепленные за маршрутами и машины на подмене, использовались на более или менее ротационной основе. Было также несколько седанов без опознавательных знаков, принадлежащих детективам, но они не считались частью "барахла". У "барахла" были белые панели на дверях с городским гербом и номером участка, черные бамперы, черный капот и белая крыша с рядом мигалок на ней. Немаркированные автомобили детективов всегда парковались на площадке за зданием участка. "Барахло" парковали или там же или перед зданием под углом к бордюру.

Когда Гофер преступил к работе, на парковке за зданием участка было семь машин: шесть машин подмены и машина сержанта. На то чтоб заминировать каждую из них ушло три минуты. К семи двадцати двум он заминировал четыре из них. К семи сорока, когда начали съезжаться машины ночной смены, он закончил минирование оставшихся трех и ожидал еще две в работу. Как только пара патрульных вышла из машины и направилась в здание участка, Гофер открыл капот. Между решеткой и радиатором он поместил коробку с пластиковым пакетом черного порошка и пятифунтовым зарядом динамита. Провод заземления он прикрепил к шасси. Затем отсоединил нужный ему провод и свободно скрутил зачищенные концы обоих оставшихся проводов. Провода вели в пластиковый пакет с черным порошком. Запал динамита также находился в этом пакете.

К семи сорока пяти, когда первые машины начали отъезжать с новой сменой, Гофер уже упаковывал свои инструменты в грузовик.

Он поздравил с Новым Годом сменяющегося полицейского на входе, забрался в грузовик и уехал.

*** * ***

Первый взрыв случился не раньше, чем спустя полчаса от начала работы смены "с четырех до двенадцати".

Без десяти четыре патрульный, назначенный в "Чарли Два", получил машину. Патрульный сержант, который, когда дело доходило до "барахла" становился занозой в заднице, вышел осмотреть автомобиль на предмет сколов или царапин, занося данные даже по малейшим следам, с целью проведения сравнения, когда машина будет сдана в одиннадцать сорок пять этой же ночью. "Чарли два" покинул участок без пяти четыре. В четыре пятнадцать совершив одиночный проезд по маршруту они решили сделать остановку чтобы попить кофе. Полицейский, сидящий рядом с водителем, вернулся в машину в четыре двадцать два, в каждой руке у него было по стаканчику кофе.

– Начинает темнеть, – заметил он.

Водитель потянулся за стаканчиком кофе правой рукой, а левой к выключателю света

фар. Он включил фары. Кабель питания отсоединенный Гофером от правой передней фары, неожиданно ожил от тока двенадцати-вольтовой батареи. Свободно скрученные провода в пластиковом пакете с черным порошком замкнулись и дали искру, порошок вспыхнул, запал загорелся и мгновение спустя – взорвался динамит.

На часах было 16:23.

* * *

В 16:27, за девятнадцать минут до захода солнца, патрульные на "Бой Один" в Секторе Два, увидели мужчину бегущего по Калвер Авеню. Обычно патрульные назначались в один и тот же сектор на каждой своей смене. В теории считалось, что близкое знакомство с районом, приводило к лучшему предотвращению преступлений. Если патрульный замечал что-то необычное для него: закрытую бакалею, когда она должна быть открыта, группу проституток, стоящих не на том углу – он сразу же начинал проверку. Бегущий человек всегда вызывал подозрение. Бегун в этом городе должен был быть одетым в спортивный костюм и беговые кроссовки. Остальные, могли идти быстро, но редко бегали. Бегущий человек в обычной одежде как правило, убегал от чего-то.

Патрульный, сидящий рядом с водителем в "Бой Один", сказал: "Трогай, Фрэнк!"

– Вижу его, – отозвался водитель

На часах было 16:28.

Водитель подрулил вправо к тротуару и сбавил скорость. Человек продолжал бежать.

– Несется как дьявол, – сказал патрульный на пассажирском сиденье.

Они продолжали следить.

– Он просто пытается догнать автобус на углу, – сказал водитель

– Мда, – сказал другой патрульный.

Человек успел на автобус. Автобус отъехал от остановки.

– Темнеет, – сказал патрульный с пассажирского сиденья. – Ты бы включил…

Водитель уже тянулся к выключателю.

Мгновение спустя "Бой Один" взорвался.

* * *

Преусс, патрульный сержант, выйдя из помещения участка в направлении своей машины, посмотрел на часы. Водитель шел за ним по пятам. Было 16:31. Кроме того, часы показали ему, что сегодня понедельник, 2 января. В наше время часы могут показывать почти всё. Преусс знал одного парня, у которого в часах был будильник: когда он срабатывает, говоришь часам "Стоп" и они дают поспать еще 4 минуты.

Садясь в машину, Преусс размышлял о том, что один взрыв мог быть несчастным случаем, а два – уже заговором. Заговоры ужасали его с самаго начала карькеры сержанта. Он знал, что у полицейских в этом городе нет ни единого шанса выстоять, в том случае, если все плохие парни соберутся вместе и решат вышвырнуть их вон.

Водитель вставил ключ в зажигание и провернул его.

Двигатель, рыча, ожил

И поскольку стремительно сгущались сумерки, водитель потянулся к выключателю фар.

* * *

К 16:38 шесть из восьми патрульных машин вышли из строя. Остальным двум экипажам поступил экстренный радиозапрос 10-02 – выйти на связь с центром. Команда взрывотехников выехала на вызов в 87-й участок.

Ни одна патрульная машина не вернулась в участок целой и невредимой.

Солнце село в 16:46.

К тому времени девять машин, восемь патрулей и машина сержанта, были уничтожены.

Погибло три офицера полиции – среди них одна женщина – пятерых госпитализировали, из них двоих – в критическом состоянии с ожогами третьей степени.

* * *

– Он предлагает нам поссать против ветра, – сказал Браун.

На улице было очень холодно, иней покрыл зарешеченные окна комнаты детективов.

Наступил десятый день Рождества.

3 января, судя по настенному календарю. 10:05, если верить настенным часам. На дежурстве тем утром было четыре детектива: Браун, Клинг, Майер и Карелла. Все вместе они рассматривали десять бланков отчета детектива, доставленные ранее службой "Федерал Экспресс" . Бланки выглядели довольно невинно. Стандартного издания. Напечатаны для департамента муниципальным подрядчиком.

– Он предлагает нам написать отчеты, – сказал Браун, – потому что все бесполезно.

– Эти бланки настоящие, – сказал Клинг. – Их нельзя купить где-то, он, должен был стащить их из какого-то участка.

– Или десяти участков, – заметил Карелла.

– Пишите свои тупые отчеты, говорит он, – сказал Браун. – Сдайте в архив свое дерьмо по восьми черным лошадям и девяти машинам…

– И он все это спланировал еще в октябре? – спросил Майер. – Прислать нам десять бланков, чтобы мы могли написать отчеты?

– Десять бланков, верно, – не унимался Браун. – Для десяти разных отчетов.

– А мы должны написать отчет и по этому дерьму тоже?

– По какому дерьму? – спросил Браун.

– По этому дерьму. По бланкам, полученным сегодня.

– Это как раз то, на чем ты пишешь это дерьмо, не так ли? – сказал Браун и посмотрел на Майера, так, словно тот моментально утратил способность думать. – Ты составляешь это дерьмо на бланках отчета детектива.

– Я имею в виду о самих бланках?

– Что?

– Он рассчитывает, что мы составим отчет и об этих бланках?

– Кто знает, на что он рассчитывает? – сказал Браун. – У чувака извращенный мозг.

– Так он предлагает нам написать отчет о грушевом дереве, да? И двух дубинках…

– Не надо все заново перечислять, ладно? – сказал Клинг. – Я уже устал слушать обо всем этом барахле снова и снова.

– Он устал… – скзал Браун, закатывая глаза.

– Нет, давайте все же пройдемся по списку снова, – сказал Карелла. – Больше у нас ничего нет, так пройдемся еще раз.

Клинг тяжело вздохнул.

– Сперва грушовое дерево, – сказал Карелла.

– В первый день Рождества, – сказал Браун. – Я все время тебе говорил, что будет двенадцать дней Рождества.

– Дайте ему медаль, – сказал Майер.

– К дереву было прикреплено ухо, – продолжал Карелла.

– Чтобы дать нам знать, что это он, – сказал Браун.

– Затем две дубинки…

– Их легко достать, – заметил Клинг

– Так же и с тремя парами наручников, – сказал Браун.

– Легкотня.

– Затем барахло из участков по всему городу…

– Четыре фуражки, пять раций, шесть жетонов…
– Объявления о розыске…
– Семь штук…
– Должно быть из комнат детективов, – сказал Браун.
– Необязательно. На любой доске объявлений в фойе участка…
– Ну, хорошо, он мог взять их из фойе какого-то участка.
– А дальше все стало серьёзно, – сказал Карелла.
– Восемь черных лошадей, – сказал Клинг. – В шести кварталах отсюда.
– И девять машин. Наших машин.
Детективы замолчали.
– Десять бланков для отчетов детективов, – прервал молчание Майер.
– Их не найдешь на доске объявлений в фойе какого-то участка, – сказал Браун.
– Эти бланки из комнаты детективов.
– Или десяти участков, – повторил Карелла.
– Значит, завтра мы получим одиннадцать револьверов «Детектив Спешл», – сказал Браун.
– А в четверг у нас будет свинной праздник. Двенадцать жареных поросят.
– И сотня танцующих девочек, – добавил Майер.
– Если бы, – сказал Браун и быстро осмотрелся кругом, так, словно его жена Каролина неожиданно материализовалась в комнате детективов.
– Может быть, он закончил, – сказал Клинг. – Может, эти девять машин были завершением и теперь он говорит нам, что всё кончено, мы можем составлять свои отчеты. Как и предполагал Арти.
– Что насчет револьверов завтра? – спросил Майер. – Что если он пришлют их нам?
– Этим о скажет нам засунуть наши пушки себе в зад, – сказал Браун.
– Он ведь жарит свиней, вы не догоняете? – спросил Клинг.
– А?
– Свиньи, – сказал Клинг. – Копы.
– И что?
– Вы никогда не смотрели по телеку «Жарка Знаменитости»
– Что это такое? – спросил Майер.
– Жарка, – сказал Клинг. – Это банкет в чью-то честь, там собираются все эти парни, ставят знаменитость на фоне решетки с углями. Они рассказывают шутки, выставляя её дураком – «жарят». Вы что никогда не слышали о таком?
– Тех полицейских вчера поджарили, совпадает, – сказал Майер.
Карелла долгое время молчал.
– Я тут раздумывал… – сказал он.
Все повернулись.
– Моя бабушка как-то рассказывала мне, что в Неаполе… а так же, скорее всего, и в других итальянских городах… когда умирает какая-то важная особа, его гроб помещают в большую черную карету и она едет по центру дороги… а запрягают в неё восемь черных лошадей…
Детективы какое-то время обдумывали услышанное.
– Может, он говорит нам, что на следующий день будут похороны? – спросил Клинг.
– Сначала восемь черных лошадей а потом мёртвые копы? На следующий день?
– Не знаю, – сказал Карелла.
Окна в комнате детективов задрожали от яростного порыва ветра.
– Ну, – сказал Клинг, – может, эти машины вчера были концом всему?
– Может быть, – ответил Карелла.

****

В приглашении было сказано:

ВЫ ПРИГЛАШЕНЫ НА ВЕЧЕРИНКУ к лейтенанту Питеру Бёрнсу. ДАТА: 5 января. ВРЕМЯ: 20-00. МЕСТО: комната детективов 87-го участка.

На обратной стороне конверта от руки было написано следующее:

"Энди! У меня нет возможности пригласить всех. Поэтому сохрани это в тайне, хорошо? Хэрриет."

Энди Паркер был тронут.

Ему и в голову не могло придти, что жена лейтенанта знает его имя.

Он задумался над тем, надо ли принести подарок или нет.

* * *

4 января на одиннадцатый день Рождества в комнату детективов доставили одиннадцать револьверов «Кольт Детектив Спэшл». Револьверы были не новые. Даже поверхностный осмотр выявил, что из них уже стреляли, и дай Бог только в тире. На каждом револьвере был серийный номер. Проверка через отдел выдачи разрешений на ношение оружия показала, что одиннадцать револьверов числились за одиннадцатью детективами из разных участков по всему городу. Ни один детектив не сообщил о пропаже или краже оружия. Потерять оружие для копа было позорно.

– Как я вам и говорил, – сказал Браун, – он предлагает засунуть нам в задницы наши револьверы.

– Нет, – сказал Карелла. – Он сообщает нам, что смог проникнуть в одиннадцать разных комнат детективов.

– Необязательно, – возразил Паркер. – Я знаю простых патрульных, кто тоже носит «Спэшл».

– Это не по правилам, – сказал Браун.

– Для подстраховки, – сказал Паркер. – Как бы там не было, ты кто такой, гребанный бой-скаут?

Непреложным фактом было то, что «Детектив Спэшл» оставался излюбленным оружием большинства детективов этого города. Все трое детективов, сидящим за столом Кареллы, носили точно такой же револьвер, как и те, что словно маленький арсенал были разложены перед ними.

– Только мудак может дать украсть свою пушку, – сказал Паркер и задумался, приглашены ли к лейтенанту на завтрашнюю вечеринку Карелла и Браун. – Что нам следовало бы сделать, так это завернуть эти пушки как подарки и отослать их назад этим тупицам, – добавил он.

И снова задумался, надо ли принести подарок.

«Лейтенант мне даже не нравится», – пронеслось в его голове.

Глава 13

Глухой в числе первых согласился бы с мыслью, что все катастрофы в этом мире происходят из-за дураков. Однако ему даже и не снилось, что когда-нибудь дурак сможет предотвратить катастрофу, тем самым перерастя свое низкое сословие и превратившись в героя.

Первый шанс стать героем выпал для Дженеро в 2:45 пополудни 5 января, на двенадцатый день Рождества. К тому времени город уже освободился от рождественских украшений. Он выглядел каким-то голым, хотя и сейчас в нем было около 8 миллионов этажей. Температура, застывшая на 12 градусах по Фаренгейту – на двенадцать выше нуля здесь, но на одиннадцать ниже нуля в Цельсий-говорящих странах – во многом

обескураживала причудливую идею (у Рождества ведь целых 12 дней!), что праздничный сезон задержится после Нового Года. Жители города знали только, что зима была в самом разгаре, а до Пасхи еще очень далеко. И в этом промежутке будут лишь скудные праздничные крохи, брошенные охлажденному народу: День Рождения Линкольна, День Святого Валентина, День Рождения Вашингтона, День Святого Патрика – и только День Рождения Вашингтона отмечался официально. Пока что и город, и предстоящие месяцы выглядели чрезвычайно мрачно.

Полицейские нервничали.

Всего лишь три дня назад были взорваны девять полицейских машин.

Кое-где в городе граждане слышали мнения, что данное событие сослужило хорошую службу для копов. Теперь-то они сами узнали, каково это стать жертвой. Может, хоть теперь они сделают что-нибудь с проклятой преступностью этого города! Может быть, они снова сделают поездки в метро безопасными. Какое отношение патрульные автомобили имели к подземки, никто не потрудился выяснять. Люди в этом городе, даже когда полицейские машины не взрывались, испытывали к ним противоречивые чувства. Если как-то вечером они возвращались домой и обнаруживали что их квартиру обокрали, первым делом вызывали полицию. А затем жаловались, что копы слишком долго едут на вызов и никогда не находят украденное. В этом городе какой-нибудь линчеватель мог стать героем, даже будучи полным дураком.

В глазах полицейских 87-го Дженеро не был дураком. Для их словаря это слово было слишком элитным. Дженеро был ябедой, нытиком, неэффективным копом и болваном, но не дураком. Просто ослом. Немногие детективы были в восторге от работы в паре с Дженеро. Они чувствовали и, возможно, вполне справедливо, что когда станет горячо, Дженеро не лучший кандидат для вытаскивания их из передряги. Жизнь полицейского часто зависела от времени реакции его напарника. Как можно доверить свою жизнь человеку, который даже не может произнести по буквам слово "наблюдение"? Или даже "автотранспорт". Даже самый законченный шовинист в участке предпочел бы себе в напарники женщину вместо Дженеро. Скажи им, что Дженеро вот-вот станет героем и они рассмеются тебе прямо в лицо.

К 2-45 пополудни двенадцатого дня Рождества, Дженеро в результате блестящей детективной работы в офисе раздобыл домашний номер лейтенанта. Он не знал, что будет делать, если трубку возьмет сам лейтенант, но был уверен, что справится и в таком случае. От также не знал, что скажет Хэрриет Бирнс, но полагал, что сможет что-то придумать на ходу.

Трубку взяла женщина.

– Миссис Бирнс? – спросил Дженеро.

– Да? – ответила Хэрриет.

– Это Ричард.

Было забавно называться Ричардом, но именно так она обращалась к нему в приглашении, правда?

– Кто? – спросила она.

– Ричард, – повторил он.

– Какой Ричард?

– Дженеро. Детектив Ричард Дженеро, – сказал он. – Детектив третьего класса Ричард Дженеро.

– Да?

– Знаете ли, – сказал он.

– Да?

– Я работаю с вашим супругом. – сказал он. – Питером Бирнсом. Лейтенантом-детективом Питером Бирнсом. Питом.

– Ах, да, – ответила она. – Мне жаль, но его сейчас нет дома. Передать ему… ?

– Отлично, – сказал Дженеро. – Я в том смысле , что на самом деле я бы хотел поговорить с вами, миссис Бирнс.

– Да? – удивилась Хэрриет.
– Должен ли я принести подарок? – спросил он.
– Что?
– Сегодня вечером.
– Что?
– На вечеринку.
В трубке надолго замолчали.
– Извините, – скзала Хэрриет. – О какой вечеринке… ?
– Вы знаете, – ответил он и практически подмигнул.
В трубке снова замолчали.
– Извините, но я не понимаю, о чем вы говорите.
– Я никому не говорил, вам не о чем волноваться, – ответил Дженеро.
– Никому не говорили о чем? – спросила Хэрриет.
– О вечеринке.
Хэрриет решила, что один из мужниных детективов рехнулся. Иногда такое случае во время праздников. Копам частенько приходится тянуть свою лямку и в праздничные дни. Кое-кто делает это и на Хэллоуин. Но ведь праздники уже прошли, так ведь?
– Как вы говорите вас зовут? – спросила она.
– Дженеро, – ответил он. – Вы же сами знаете. Ричард.
– У вас какие-то проблемы, детектив Дженеро? – спросила она.
– Только на счет того, надо ли приносить подарок.
– Ну, мне нужно будет спросить у Пита…
– Нет, не нужно этого делать! – резко сказал он.
– Почему?
– Это ведь должно быть сюрпризом, так ведь?
– Почему?
– Я думал… что в приглашении речь шла о неожиданной вечеринке.
– Ну, так разве это значит, что нужен подарок? – спросила Хэрриет и подумала, зачем это её втянуло в бредовую систему этого человека.
– Что?
– Я говорила…
– Постойте, нет, именно поэтому я и звоню вам, – неожиданно ему подумалось, что он ошибся номером. – Это Хэрриет Бирнс?
– Да, это Хэрриет Бирнс.
– Жена лейтенанта Бирнса?
– Да, я жена лейтенанта Бирнса.
– Так должен ли я принести подарок?
– Детектив Дженеро, – сказала Хэрриет, – мне очень жаль, но я не могу вам ничего посоветовать.
– Вы не можете? – удивился Дженеро.
– Может быть, об этом вам следует поговорить с кем-то, кто действительно может помочь. Если вы и в самом деле так переживаете о каком-то подарке…
– Кто?
– Вы, – сказала Хэрриет. – Разве не вы беспокоитесь об этом…?
– Я имею в виду, кто может мне помочь с этим?
– Думаю, вам стоит обратиться в Психологическую Службу, – сказала она.
– Можете повторить по буквам? – спросил Дженеро.
– Просто позвоните в Психологическую Службу, в головной офис, – сказала она. – Скажите, что вы излишне переживаете из-за подарка, и что вам необходимо с кем-то встретиться по этому поводу. Как только переговорите с ними, сразу сможете принять решение надо ли…
– Ага, я понял, – сказал Дженеро. – Все в порядке. Я молчок!

– А тем временем я расскажу Питу, что вы…

– Нет-нет, не надо нарушать сюрприз, миссис Бирнс, все в порядке. Большое вам спасибо! Вероятно встретимся с вами позже, так? Еще раз спасибо! – сказал он и повесил трубку.

Хэрриет посмотрела на телефонную трубку.

Было трудно поверить, что она только что провела эту беседу.

Она задумалась, стоит ли повзвонить Питу и рассказать, что один из его детективов сбрендил. А еще задумалась, а вдруг кто-то действительно устраивает сюрпризом вечеринку для её мужа. Она тяжело вздохнула. Иногда полицейская работа становилась слишком уже утомительной.

* * *

Дженеро мог стать героем уже тогда, во время разговора с Хэрриет Бирнс. Он мог догадаться, что она не присылала никаких приглашений и никакой вечеринки-сюрприза для лейтенанта не планировалось. Но Дженеро был болваном т вообще ничего не понял, по-прежнему сомневаясь, стоит ли ему принести подарок или нет.

Единственным понятным из сообщенного миссис Бирнс было то, что он должен сам принять решение.

Но вот беда: никакого мнения по этому вопросу у него не было. Допустим, он приходит с пустыми руками, а подарок был нужен. Тогда он будет выглядеть ослом. А если он принесет подарок и окажется единственным таким, тогда опять таки будет выглядеть идиотом. И вот он сидит в своей комнате в квартире матери – так мило, что он по-прежнему живет со своей мамой – и размышляет, как же ему поступить.

Если бы только узнать кого еще из детективов пригласили…

Но он не знал…

Если бы только знать, кому из детективов можно довериться…

Ему подумалось, что, возможно, стоит довериться Карелле. Но Карелла был объектом восхищения и Дженеро не хотелось, показаться ему идиотом, задавая вопрос о подарке и предполагая, что Карелла тоже приглашен, хотя его могли и не пригласить.

Другим объектом восхищения и, может быть, даже большим, чем Карелла был детектив Энди Паркер.

Он позвонил в участок и попросил позвать Паркера. Санторо, отвтетивший на звонок, сообщил, что Паркер будет на смене "с четырех до полуночи".

Дженеро подумал, стоит ли спросить Санторо о вечеринке, но вместо этого, попросил домашний номер Паркера. Паркер отвтеил после третьего гудка.

– Говори! – сказал он

Грубоватый стиль Паркера был одним из тех качеств, что нравились в нем Дженеро.

– Энди?

– Кто это? – спросил Паркер.

– Дженеро.

– Чего тебе? – сказал Паркер. – Я не на смене до четырех.

– Ты планируешь вечером там быть, да? – спросил Дженеро.

– Где?

– В комнате детективов.

– У меня смена, я прийду, – сказал Паркер.

– С и ли без? – хитро спросил Дженеро

– Ты о чем?

– Сам знаешь, – сказал Дженеро, и вдруг призадумался, а правда ли знает. – Ладно, забудь! – и повесил трубку.

"Долбанный кретин", – подумал Паркер

* * *

В кладовке, что находилась в комнате детективов, таймер внутри деревянной коробки показывал 15:15. В полночь циферблат сдвинулся и стрелка переместилась в пирогообразный сегмент, подписанный как "Четверг". На циферблате было семь таких сегментов, по одному на каждый день недели. Каждый сегмент в свою очередь был разделен на пятнадцатиминутные участки.

И сейчас, совершенно бесшумно циферблат передвинулся и стрелка стала посередине между 15:15 и 15:30.

* * *

Гигантским скачком на пути к становлению героя для Дженеро стало решение купить подарок лейтенанту. Он подумал, что это может быть чем-то обезличенным. И купил ему пару пижам. Так же он решил спрятать свой подарок под пальто до тех пор пока не увидит, купили другие парни подарок или нет. Так он сможет прикрыть себя со всех сторон. Если другие не купили подарки, он просто заберет пижамы домой и будет их носить сам. Он купил их в своем размере, не смотря на то,что Бирнс был выше и плотнее его.

Дженеро сгорал от нетерпения узнать, принесут ли другие парни подарки на вечеринку.

И сколько парней вообще приглашено.

* * *

В 87-ом участке числилось шестнадцать детективов. Двое из них были в отпуске. Из оставшихся четырнадцати четверым выпала смена с 16 до 24 пятого дня января и они находились бы в участке, даже если бы не получили приглашения на вечеринку. В отличие от патрульных, которые работали пять фиксированных восьмичасовых смен, а затем гуляли 56 часов, детективы составляли свои собственные графики дежурств. Обычно это было вызвано тем, что графики отпусков и походов в суды заметно истощали список, только четверо из них могли быть на каждой смене. Четырьмя детективами, прибывшими в участок в 15:45 того дня, были: Паркер, Уиллис, О`Брайен и Фудживара. Все они получили приглашение на вечеринку к лейтенанту. Никто из них и словом не обмолвился об этом . Копы умели хранить секреты. В каком-то смысле секреты составляли основную часть их каждодневной работы.

В кладовке таймер передвинулся в положение между 15:45 и 16:00 в сегменте четверга.

* * *

В 18:30 пошел снег.

Синоптики по-прежнему обещали небольшие осадки. Люди в этом городе уже знали, что когда синоптики обещают небольшие осадки, можно ожидать метель.

Все приглашенные на вечеринку детективы посчитали, что было бы неплохо отправится в участок немного раньше запланированного.

Остальными приглашенными были:

Стив Карелла.

Берт Клинг.

Александре Дельгадо

Коттон Хос.

Ричард Дженеро.

Артур Браун.

Майер Майер.

И сам виновник торжества – Питер Бирнс.

Бирнс думал, что виновником торжества был Карелла. Потому что в его приглашении было сказано, что вечеринка в честь Стива Кареллы. Надпись на обратной стороне приглашения, сделанная от руки, гласила "Тедди". Его подмывало позвонить Тедди и спросить, нужно ли подготовить подарок. Но ему категорически не хотелось говорить с ихней стервозной домохозяйкой. Вместо этого он купил Карелле пару наручников и спрятал их в верхний ящик своего стола.

Одеваясь в тот вечер, он размышлял о том, почему Тедди сперва не договорилась с ним. Вечеринка в комнате детективов? Комната детективов была местом работы. Или может, она съездила в головной офис и через его голову договорилась с помощником инспектора или еще с кем-то? Спросила, можно ли устроить маленькую вечеринку в комнате детективов в честь её мужа…

А что за повод был у её мужа?

Разве у Стива день рождения?

Бирнс так не думал.

Он был смутно обеспокоен вечеринкой в комнате детективов. Он надеялся, что ни один ведомственный начальник не появится, и он надеялся, что Тедди не планировал подавать алкоголь. Он смог вспомнить лишь одну вечеринку в участке, и это было, когда капитан Оверман уходил на пенсию, так много лет назад, что Бирнс не мог и сосчитать.

Никакой выпивки. Просто сэндвичи и пунш, хотя позже Бирнс подозревал, что один из патрульных сержантов подливал в пунш водку. Тем не менее, было не похоже на Тедди, чтобы она сперва не переговорила с ним. Ему снова захотелось позвонить ей, спросить, есть ли у нее какое-то разрешение. Тедди знала, как работает этот проклятый отдел, она долгое время была женой полицейского.

Хэрриет смотрела как он завязывает галстук.

– В честь кого вечеринка? – спросила она осторожно. Она подумала, что предполагается сюрприз и он считает, что вечеринка в честь кого-то другого.

– В честь Стива, – ответил он.

– Ты ничего не говорил мне об этом, – сказал она.

– Я не должен был кому-либо говорить, – сказал Бирнс.

– Я не кто-либо, я твоя жена!

– И все же это должно было быть сюрпризом.

Она подумала, а что если вдруг вечеринка и впрямь в честь Кареллы? По телефону этот детектив, как там его звали, сказал только что "Это ведь должно быть сюрпризом, так ведь?" Он не сказал, что сюрприз был для Пита.

– Ты купил подарок? – спросила она.

– Ага, пару наручников.

– Дженнарио хотел узнать, надо ли ему подготовить подарок.

– Кто?

– Дженнарио. Один из твоих детективов.

– Дженеро?

– Да, правильно, Дженеро. Он звонил сюда и хотел узнать, должен ли он принести подарок.

– И что ты ему ответила?

– Сказала, что не знаю.

– Он придурок, – сказал Бирнс.

Часы на комоде показывали 18:45.

* * *

– В котором часу ты вернешься? – спрашивала Энни Ролз.

– В самом деле не знаю, – отвечал Хос.

На Энни был один из его рождественских подарков. Он подарил ей набор из семи

шелковых трусиков, на каждый день недели. Трусики были разного цвета. Голубые на понедельник, зеленые на вторник, сиреневые на среду, пурпурные на четверг, красные на пятницу, черные на субботу и белые на воскресенье. Она спросила его, почему он выбрал именно такие цвета для каждого дня. Он ответил: трусики голубые в понедельник из-за "Грустного Понедельника" (песня британской группы "New Order", голубой и грустный на английском передаются одним словом "blue"), а дальше до уик-энда он просто шел по цветовому спектру. Пятница была первым днем уик-энда и соответствующий стартовый цвет должен быть красный. Суббота была изящной и сексуальной, отсюда – черный. Воскресенье – чистое, как снег, поэтому белый. Элементарно, мой дорогой Уотсон!

Сегодня четверг и на ней были пурпурные трусики.

Кроме того, на ней был сиреневый пояс с резинками, сиреневый бюстгальтер, один пурпурный чулок, другой – черный, золотая цепочка с кулоном, которые она никогда не снимала. Тридцати четырех лет от роду, с карими глазами, черными, подстриженными клинышком волосами, длинными изящными ногами и маленькой грудью превосходной формы, она стояла на высоком каблуке пурпурных сатиновых домашних туфель, упершись руками в узкие бедра, и больше походила на танцовщицу Боба Фосси, чем на детектива 1 класса, зарабатывающего 37935 $ в год. И еще она напоминала падшую женщину. Хос поглядывал на часы, стоящие на комоде. Они показывали 18:48…

– И что это за вечеринка? – спросила она.

– В честь лейтенанта, – сказал он.

– И она будет в комнате детективов?

– Ага.

– А у вас всегда бывают вечеринки в старом добром 87-ом?

– Это – первая на моей памяти, – сказал он.

Энни посмотрела на него.

– Ты не врешь мне сейчас? – спросила она.

– Ты о чем?

– Там точно будет вечеринка?

– Конечно, она будет…

– … в комнате детективов, и из всех мест…

– Именно там…

– Или есть что-то еще, о чем ты хочешь мне поведать?

– О чем, например?

– О том, почему ты убегаешь отсюда сломя голову…

– Кто убегает?

– … когда я вырядилась словно шлюха?

– Шлюха? Ты шикарно выглядишь!

– Почему ты не рассказывал мне об этой вечеринке раньше?

– По правде говоря, я просто забыл о ней. Мне пришло приглашение за пару дней до Рождества.

– Сомневаюсь я что-то…

– Хочешь сама на него взглянуть?

– Да, хочу, – сказала Энни, – будь так добр! Она чувствовала себя глупо в сексуальном нижнем белье. Разоделась в честь вечеринки самой себя, но никто не придет.

Хос достал приглашение из кармана пиджака.

Энни посмотрела на него.

– К чему вся эта секретность? – спросила она.

– Без понятия.

– Маленькая вечеринка, ага? – спросила она.

– Похоже на то, так?

– Сколько людей?

– Не знаю. Я ни с кем не говорил об этом. Хэрриет особенно…

– Ну, если это будет в комнате детективов и она попросила хранить все в тайне, тогда, мне кажется, это должна быть маленькая вечеринка.

– Угу.

– Причина, по которой я задаю все эти вопросы…

– Ммм?

– … не в том, что я изощренный детектив, пытающийся выяснить, почему кто-то в здравом уме решил закатить вечеринку в грязной комнате детективов, а только потому, что я стою здесь полуобнаженная размышляя как долго продлится эта вечеринка.

– Почему? У тебя есть другие планы?

– Уже подумываю над этим, – сказала Энни. – Так чтобы наряд уличной проститутки не был совсем бесполезным.

Он подошел к ней. Обнял её.

– Мне нужно выйти в 19:30, – сказал он.

– Прекрасно. Сколько у нас есть? Полчаса?

– Проститутки справляются и за десять минут, – сказал он.

– Ох, так я ненастоящая проститутка, сэр, – сказала она, хлопнула в ладоши и закатила глаза.

– Я сбегу оттуда как только смогу, – сказал Хос.

– Уже может быть слишком поздно, – сказала Энни. – В 72-ом есть один капитан, который строил мне глазки.

– Как его зовут? Пойду пристрелю его.

– Болтун, – сказала Энни. – Собрался пристрелить какого-то капитана, а сам не может стянуть с дамы шелковые пурпурные трусики…

* * *

Дженеро появился в комнате детективов раньше остальных.

Не потому, что обычно он был пунктуальным, а затем, что ему не хотелось ходить в плаще и выглядеть идиотом. Пижамы, купленные для лейтенанта, были спрятаны под пальто. Если он его снимет, все увидят, что он принес подарок и, если остальные пришли без подарков, он будет выглядеть идиотом. С другой стороны, если он останется в пальто в натопленной комнате, все опять таки посчитают его идиотом. И поэтому он пришел в в комнату детективов немного раньше 19:30 и пошел прямиком к кладовке, не снимая пальто. Он положил свой подарок на крышку деревянного ящика, оснащенного спереди какой-то измерительной шкалой.

Это был второй раз, когда он приблизился к тому, чтобы стать героем.

Таймер внутри ящика бесшумно сдвинулся в сектор 19:30-19:45.

– Салют, парни! – сказал Дженеро, снимая пальто и вешая его на крючок. – Как делишки?

– Никто из детективов смены "с 16 до 24" не ответил ему.

Паркер задумался, неужели жена лейтенанта настолько тупа, чтобы пригласить этого идиота на свою вечеринку?

* * *

Эйлин Бёрк плакала.

Клинг смотрел на часы у постели, думая, что из-за снега ему нужно выйти пораньше. За окном снег падал, как в арктической тундре, а часы показывали 19:32. Зная этот город, пробки растянутся на много миль, а ехать нужно в участок в направлении центра.

Но Эйлин плакала.

– Ну же, милая, – сказал он.

Она была в одежде, надетой сегодня утром на работу. Серый костюм, черные туфли на

французском каблуке и белая блузка. С момента изнасилования она больше не носила никаких сережек. Раньше она считала серьги талисманом на удачу. Удача сбежала от неё в тот вечер, когда ее порезали и изнасиловали. С той поры она перестала носить серьги.

Они были у нее на квартире. Он примчался по первому её зову.

– Ты не понимаешь, – сказала она.

– Понимаю, – сказал он.

– Я испугалась, – сказала она. – Я сплоховала, потому что испугалась.

– У тебя были все основания, чтобы испугаться, – ответил он.

– Я – коп!

– Во-первых, они не были обязаны спрашивать у тебя. Эта банда..

– От этого еще хуже, – сказала она. – Банда, Берт. Чертова банда промышляющая изнасилованиями женщин!

– Они не рассчитывают, что ты справишься с бандой, – сказал он. – Готовить приманку для целой банды – это словно…

– Там будет группа прикрытия. Четыре человека.

– И ни черта хорошего у них не выйдет, если на тебя бросится дюжина парней. Кто, черт побери, это предложил?

– Капитан Джордан.

– Откуда?

– Из Седьмого участка

– Я пойду к нему и поболтаю с глазу…

– Нет, не пойдешь! – закричала Эйлин. – И так все плохо! Пойти на попятную перед четырьмя лузерами, которые…

– Кто эти четверо? Ты говоришь о группе прикрытия?

– Из Седьмого участка. Не помню, как их зовут. Все, что я помню это их глаза. То, что в них было.

– Пускай кто-нибудь из них побудет приманкой, – расердился Клинг. – Пускай столкнется лицом к лицу с бандой этих…

– У них в глазах было написано: "Она испугалась".

– Ты и должна была испугаться.

– Нет.

– Да.

– Нет. Я – коп! Любой другой полицейский, будучи приманкой, и глазом не моргнул бы. Ожидается целая банда? Проще простого! Когда?

– Неправда и ты знаешь это.

– Правда!

– Любая, женщина, согласившаяся выйти в одиночку против дюжины мужчин…

– Восьми.

– Что?

– Их всего восемь.

– Жуть. Восемь парней затаскивают женщину в кусты…

– Они работают в метро.

– Еще лучше. Все кончится на гребанных рельсах и будет еще один шрам на твоем…

Он резко замолчал. Затем сказал: "Прости меня"!

Долгое время она не отвечала.

– В этом и проблема, – затем сказала она, – так ведь? Я боюсь, что мне снова сделают больно?

– Тебе не нужно ничего доказывать.

– Я позвоню Джордану, – сказала она. – Скажу ему, что все обдумала и…

– Нет.

– Берт…

– Да пропади оно все пропадом! – сказал он и обнял её. – Эйлин, я люблю тебя! Если с

тобой что-то случится…

– Кто посоветовал тебе заводить роман с копом? – спросила она.

– Ты правильно поступила. Я бы тоже не справился.

– Справился бы.

– Нет.

Оба замолчали.

– Я тоже люблю тебя, – сказала она.

Он сжал её крепче.

– Я не хочу чтобы с тобой или со мной что-нибудь случилось, – сказала она, – никогда!

– Ничего с нами не случится, – сказал он. – Никогда!

– Но я собираюсь позвонить Джордану…

– Эйлин, прошу тебя…

– … сказать ему, что мне нужно больше людей для прикрытия. По всей платформе. Мужчин и женщин. От одной стены к другой.

– Ты не должна…

– Я так хочу.

– Нет, не хочешь.

– Да, не хочу. Но я обязана, – сказал она. – Иначе я больше никогда не смогу.

Она взглянула на часы.

– Ты опаздываешь, – сказала она.

– Ты будешь хорошо себя вести?

– Да, – ответила она. – Иди. Возвращайся поскорее.

Он нежно поцеловал её и вышел за дверь

– Будь осторожен, – сказала она.

Часы на комоде показывали 19:45.

* * *

В парке через дорогу от здания участка Глухой наблюдал за их сбором. Большие люди, в основном. Детектива всегда можно различить по размеру. Все добротно укутались от холода. Очень холодный вечер. Ну так, совсем скоро они согреются.

Он посмотрел на часы.

Без десяти восемь.

Ровно через двадцать пять минут… Армагеддон.

Он снова стал вышагивать туда-сюда.

Снег яростно летал вокруг него.

Он надеялся, что никто не опоздает.

* * *

К 19:55 согласно часам в комнате детективов пришли все приглашенные кроме трёх человек. Так как никто из детективов не знал, кого приглашали, не было понятно, что кого-то еще нет. И принимая во внимание, что каждый присутствующий был приглашен, они решили, что можно свободно обсудить вечеринку.

– Для чего это? – спросил Браун. – Есть идеи?

– Ты принес подарок? – поинтересовался Дженеро.

– Нет, – ответил Браун. – А что, надо было приходить с подарком?

– Кто-нибудь знает, для чего это? – снова спросил Браун.

– Написано в 20:00, так ведь? – спросил Дельгадо. – В приглашении.

Мужчина в камере предварительного задержания сказал: "О чем, черт подери, вы говорите?" Десять минут назад его арестовал Паркер. "Меня закрыли здесь в этой гребанной клетке, как долбанное животное, а вы, парни, закатываете вечеринку здесь?"

– Заткнись! – сказал Паркер.

– Где мой адвокат? – спросил мужчина.

– Едет, – ответил Паркер, – заткнись!

Даже детективы, бывшие на дежурстве сегодня, нарядились как положено. Костюмы и галстуки, начищенные туфли. Паркер расстроился из-за того, что запачкал кровью рубашку при задержании ныне сидящего в камере арестованного. Этот человек обычной бритвой перерезал горло своей жене.

– Моя жена умерла, а у вас тут вечеринка, – сказал арестованный.

– Так ведь именно ты ее убил, – ответил Паркер.

– Не важно, кто её убил, разве это правильно устраивать вечеринку, когда женщина умерла? И вообще я не убивал её.

– Нет, конечно, бритва сама выпрыгнула из рукомойника, – сказал Паркер.

– Это даже не моя бритва была!

– Прибереги слова на потом, когда сюда приедет адвокат, – сказал Паркер. – Ты замазал мне кровью всю рубашку.

Он подошел к рукомойнику возле кладовки, оторвал бумажное полотенце, открыл кран с холодной водой и принялся затирать пятна крови.

Внутри коробка в кладовой таймер переместился в сектор 20:00-20:15.

На пороге комнаты детективов появился Карелла.

Дженеро сразу же заметил подарок в его руках.

– Где Хэрриет? – спросил Карелла.

* * *

В парке через дорогу Глухой снова посмотрел на часы. Только что он увидел как в здание участка вошел Карелла. Он знал Кареллу. Он опознал Кареллу. Хотя ровно через 14 минут Кареллу и всех остальных нельзя будет опознать. В тот момент, когда…

Вот!

Еще один.

Светловолосый и без головного убора, выгнул шею словно утка на встречу летящему снегу.

Глухой улыбнулся.

Альфред Хичкок, режиссер, чьи работы Глухой высоко ценил, кроме "Птицы", глупого упражнения в научной фантастике, однажды рассказывал журналисту о разнице между шоком и тревогой. Мэтр использовал для объяснения притчу.

В совещательно комнате проходит заседание. За столом сидят двадцать человек и обсуждают финансовые вопросы. Зрители не знают, что в комнате заложена бомба. Спикер совещания не успевает закончить предложение, когда срабатывает бомба.

Это – шок.

В совещательной комнате проходит заседание. За столом сидят те же двадцать человек и обсуждают финансовые вопросы. Но в этот раз зритель знает, что в комнате бомба и что таймер установлен на 20:15. Люди продолжают говорит о финансах. Камера периодически перемещается на часы по мере того, как проходят минута за минутой.

20:08

20:12

20:14

Это – тревога.

Детективы в участке через дорогу не знали, что таймер установлен ровно на 20:15, затем будет взрыв и поджог. Им предстояло адское море шока.

Однако Глухой, будучи в данном случае зрителем, знал о бомбе, и его тревога была просто невыносима.

Он снова посмотрел на часы.

20:03

Это длилось уже целую вечность.

* * *

Настоящее волнение началось, когда в комнату вошел лейтенант Бирнс.

– Где Тедди? – спросил он.

– Где сэндвичи? – спросил Дельгадо.

– Где Хэрриет? – спрсоил Карелла.

Все детективы посмотрели друг на друга.

– Подонки, вы неправильно подобрали вечер, – сказал человек в камере.

Браун посмотрел на часы.

20:05.

В приглашении говорилось о 20:00.

– Где мой адвокат? – спросил человек в камере.

Дженеро только знал, что Карелла пришел с подарком.

Он сразу же направился в сторону кладовки.

* * *

"Девять минут", – подумал Глухой.

Он специально попросил придти всех к восьми вечера, чтобы быть уверенным, что они соберутся до пятнадцати минут девятого.

Еще один человек вошел в здание участка через дорогу.

Глухой сбился со счета.

Все ли двадцать поросят уже месте?

Ожидают ли они большое барбекю?

Что случится, согласно его часам, уже через восемь минут.

* * *

– Меня зовут Гарри Левковиц, – сказал мужчина у перегородки. – Это мой клиент там в камере?

– Если вашего клиента зовут Роджер Джексон, тогда – да, это он, – ответил Паркер.

Левковиц вошел в комнату детективов. Дженеро открывал дверь в кладовку. Часы на стене показывали 20:08.

– Надеюсь, вы зачитали ему его права, – сказал Левковиц и зашел в клетку.

– У них тут намечается долбанная вечеринка, – сказал Джексон. – Моя жена умерла, а у них…

– Заткнись! – сказал Левковиц.

В кладовке Дженеро дернул за цепочку, свисающую с открытой лампочки. На какое-то мгновение он забыл, куда положил подарок для лейтенанта. Ах, да, ящик стоит у задней стены, под самой нижней полкой.

– Окей, Стив, – сказал Бирнс, – рассказывай, что здесь происходит?

– Я? – удивился Карелла.

– В приглашении от Тедди было сказано…

– От Тедди?

– От Хэрриет! – сказал Браун.

– Что? – сказал Бирнс.

Дженеро стал на колени и потянулся за подарком. Пакет с пижамами соскользнул и упал за ящик. "Вот дерьмо!" – шепотом сказал Дженеро и быстро оглянулся через плечо: не услышал ли лейтенант, как он матерится в комнате детективов.

– О чем это вы, лейтенант? – спросил Уиллис.
– Где сэндвичи? – спросил Дельгадо.
– Что здесь происходит? – сказал Бирнс.
Дженеро поднял ящик за ручку, планируя отодвинуть его в сторону, чтобы добраться до подарка для лейтенанта. Что-то мешало. Ящик не отодвинулся от стены больше чем на шесть дюймов. Он приложил усилие. Затем приложился еще сильнее и чуть не упал, когда короткий шнур, прикрепленный к коробке выскочил из розетки позади неё. Пытаясь удержать равновесие, Дженеро уперся локтем в правую полку. "Вот дерьмо", – закричал он и выронил ящик. Ящик упал ему на ногу, на ту самую, в которою он сам себе когда-то выстрелил.
– Ай! – закричал он.
Детективы повернулись на звук его голоса.
– Черт подери! – заорал Дженеро и пнул ящик, снова причиняя боль своей ноге. – Ай! – опять заорал он.
Карелла зашел в кладовку.
Посмотрел на ящик.
– Что здесь у тебя? – спросил он.
И Дженеро стал героем.

* * *

В 20:15 ничего не произошло.
Глухой снова посмотрел на часы.
В 20:16 ничего не произошло.
И ничего не случилось в 20:20.
К 20:35 Глухой начал подозревать, что ничего вообще не произойдет.
К 20:40, когда фургон Саперной Бригады остановился через дорогу, он был уже уверен, что ничего не случится.
Наряд Саперной Бригады ворвался в здание.
Глухой продолжал наблюдать.

* * *

Они нашли коробки с зажигательными составами ровно за сорок секунд.
Это случилось уже после того, как детективы показали им открытый деревянный ящик с таймером и динамитом. Карелла собственноручно открыл ящик. Но именно Дженеро был тем героем, кто нашел его и выдернул из настенной розетки.
– Повезло, что ты выдернул его из розетки, – сказал Дженеро один из саперов.
– Стараюсь всегда быть начеку, – ответил Дженеро.
– Парни, от вас остались бы одни угли, – сказал второй детектив из Саперной Бригады. – Никогда не видел такого разнообразия в зажигательных составов в одном месте за всю свою жизнь! Гляньте только на все это дерьмо, видите? Дюжина зажигательных бутылок, шесть кусков парафиновой крошки, целая коробка алюминиевого термита, восемь бутылок минерального масла, пять бутылок керосина – вы когда-нибудь видели что-то подобное, лейтенант?
– Этот таймер был установлен на 20:15, – сказал Дженеро второй сапер. – Ты очень вовремя отсоединил его. Какой здесь прекрасный таймер!
– Я вовремя сумел разобраться, – сказал Дженеро. – Кто будет его хранить?
– Что? – спросил Бирнс.
– Я его обнаружил, я могу его хранить у себя.
– Что? – спросил Уиллис.
– Он может работать как записывающее на видеокассету устройство, – сказал Дженеро.

– Чтобы записывать телевизионные шоу.

– Город поставил в опасность безопасность и здоровье моего клиента, – сказал Левковиц.

Клинг размышлял над тем, что с ним или Эйлин могло что-нибудь случиться. Что это не навсегда.

Хос размышлял над тем, что Энни могла бы придти в шикарных черных шелковых трусиках. На его похороны.

Карелла подумал, что возможно Глухой в конце концов играл честно. В первый день Рождества он озвучил свои намерения ясно и однозначно. Им стоило прислушиваться к нему все 11 следующих дней. Со второго по шестой день он присылал им разные полицейские принадлежности, давая знать, что планирует что-то для самих копов. На седьмой день пришли листовки о розыске, как переход от копов в штатском к полицейским в гражданском, потому что эти плакаты можно было найти и в вестибюле участка, и в комнате детективов. На восьмой день он сообщил им, что настроен совершенно серьёзно и кроме того, переходит непосредственно к 87 участку. Оружейная находилась прямо там, на пересечении Первой и Сэнт Себастиан. На девятый день он стал пристреливаться. Те девять патрульных машин принадлежали 87 участку, здесь не может быть сомнений. А на десятый и одиннадцатый день он дал им знать, что переходит к непосредственно к детективам: десять форм отчета детективов, одиннадцать "Кольт Детектив Спешл" – излюбленного оружия детективов. Двенадцать жареных поросят по мнению Кареллы были как раз теми двенадцатью детективами, кто сейчас находился в комнате. И они были чертовски близки к тому, чтобы стать углями. Ему больше не хотелось снова подходить к этому так близко.

– В верхнем ящике моего стола есть бутылка скотча, – сказал Бирнс. – Пойди-ка принеси, Дженеро! – он повернулся к Карелле. – Я тут купил тебе пару наручников.

– Я купил тебе рубашку, – сказал Карелла.

– Я купил пару пижам для тебя, Пит, – сказал Дженеро и поспешил в кабинет лейтенанта.

– Как он назвал меня? – спросил Пит.

– Мужчины, вы планируете распивать алкоголь прямо здесь, в комнате детективов? – спросил Левковиц.

* * *

Детективы из Саперной Бригады покинули здание участка за пару минут до девяти вечера.

Глухой наблюдал, как они уезжают.

Странно, но на душе не было ни злобы, ни печали.

И когда он уходил сквозь падающий снег, единственной его мыслью было: "В следующий раз".

КОНЕЦ